

А. Я. Живой **Битва на Калке**

Битва на Калке – 1

Текст предоставлен изд-вом <http://litres.ru>

Аннотация

Весной 1223 года от рождества Христова появились на южных границах Руси полчища неизвестных воинов. То были отважные монголы, завоевавшие уже полмира. Но никто в русских землях о них еще не слышал и не знал, что ждать от этих степняков. Преследуя своих врагов половцев, что по случайности оказались родичами русских князей, монголы подошли к самым границам русского государства.

Но в это самое время и в это самое место, волею судьбы, перенесся из двадцать первого века механик-новатор Григорий Забубенный. И попал в самую гущу событий, став участником судьбоносной встречи монголов и русских на реке Калке. Что будет дальше? Как теперь пройдет битва на Калке? Куда после нее повернут монголы? И... куда повернет Русь?

Алексей Живой **Битва на Калке. Эпизод первый**

Глава первая **«Я вышел из леса...»**

В ту ночь Григорий Забубенный спал плохо. Можно сказать — совсем не спал. Только забывался на короткие мгновения, да то, мгновения эти больше походили на кошмары. Проснувшись, он рывком сел на кровати и только затем открыл глаза. Холодный пот струился по лбу, собравшемуся от ночных переживаний в плотную сетку морщин.

Вспомнилось, как вчера он решил порадовать свой холостяцкий желудок запеченной свининой по случаю окончания недели. Рецепт нашел в интернете. А где еще одинокому и технически продвинутому механику брать новые идеи? Только там. Кроме свинины приготовил сам себе целый противень румяных куриных ножек. И, — почти все съел за один раз запивая свежим пивом и ругая себя за склонность к обжорству.

Нет, Забубенный в принципе был мужик компанейский, любил немного посидеть в дружной компании, но, исключительно с близкими друзьями. Абы с кем сидеть не стал бы. Но за последний год два лучших друга, Володька Сиволапов и Коля Вахмистров, вышли за пределы его орбиты. Один женился на ревливой дуре, которая ревновала его даже к культурным собутыльникам, читавшим Ричарда Баха и не призывавшим выносить из дома все. А другой устроился на перспективную работу, которая предполагала переезд в другой город. И, неожиданно переехал. Так Забубенный временно остался без компании, но с надеждой найти себе новых друзей.

К этому вечеру он, увы, не успел найти ни одного достойного человека, с которым можно было бы поговорить о жизни, и с горя наелся в одно лицо. А ночью организм ему отомстил кошмарами.

Спать уже не хотелось. Григорий осторожно вылез из-под одеяла и просочился на кухню. Стараясь не смотреть на ошетинившийся остатками куриных ножек широкий противень, стоявший на плите, вышел на балкон.

Обитал Забубенный на самой окраине новостроек, рядом с Юнтоловским заказником. С трех сторон к его дому подступал почти вплотную самый настоящий лес. И только прямо по курсу высились дома. Едва рассвело. Еще не было четырех утра, как показали древние ходики на кухне, доставшиеся от бабушки-старушки по наследству.

Григорий с удовольствием закурил. Посмотрел с пятого этажа на мирно спавший после пьяного вечера Питер. Внизу сейчас все тонуло в пушистом тумане. Кирпичные современные высотки, выросшие недавно по соседству, в рассветной мгле казались башнями какого-то древнего замка, захваченного чародеем. А длинные корпуса девятиэтажек, — уснувшими динозаврами. Утреннее спокойствие в природе настроило Забубенного на романтический лад.

«А не сгонять ли мне за грибами, — подумал он, — спать все равно не буду. Пока население не проснулось, грибков наберу, благо лес рядом». Решение было принято.

Григорий вошел в ванную, немного пофыркал, умывшись холодной водой. Затем пробрался обратно в комнату. Натянул камуфляж. Снова оказавшись в коридоре, надел желтую кепку и резиновые сапоги. Взял небольшой импортный рюкзачок, крепко сидевший на спине, засунул в его карман ножик, полиэтиленовый пакет, и, немного поколебавшись, фонарик. Хотя на улице уже светало, идея искать грибы в тумане с фонариком развеселила Григория, отодвинув еще дальше ночные кошмары.

Подумав еще немного, Забубенный упаковал в рюкзачок две бывалые, купленные по случаю мини-рации «Кенвуд». Весили они мало, выглядели компактно, устойчиво работали в радиусе до пяти километров. Было у Григория желание ходить за грибами не только с фонариком, но еще и с рацией, чтобы с кем-нибудь переговариваться, обсуждая находки. Сейчас переговариваться было не с кем, но Григорий все же рации положил. На одной из них немного западала кнопка «вкл». И Забубенный собирался после вояжа в лес зайти в гости к одному хорошо знакомому радиотехнику, также обитавшему по соседству с юнтоловским заказником. Хотя Григорий и сам был мастером на все руки, но по металлу, а в том, что касалось радиоволн, привык доверять мастерам паяльника со знанием физики. Такие люди даже ранним субботним утром не спят, а что-нибудь мастерят или обдумывают. Поэтому неожиданный заход грибника в предрассветных сумерках их не застанет врасплох.

Осторожно, чтобы не разбудить соседей, защелкнув за собой дверь, Забубенный, спустился на лифте и вышел из парадной. До леса, было, минут десять ходу. Шагая в тумане по асфальтированной улице в обход единственного микрорайона отделявшего его от дикой природы, Григорий размышлял о суете всего земного. Работал он сейчас механиком

автосервиса, точнее пытался работать, снова находясь на испытательном сроке. Такое недоверие со стороны начальства выходило обидным, но Григорий не расстраивался, ибо считал себя не просто механиком, а механиком-новатором. А таким людям всегда трудно пробивать дорогу среди обычных механиков. Вот, например его напарник Вася Цигулькин, обычный механик, получив задание отремонтировать двигатель «Мерседеса», взял и просто его отремонтировал. Скучота. А вот он, Григорий, получив задание восстановить слегка покореженный в лобовом столкновении кузов «БМВ» седьмой серии и запустить сломавшийся при этом мотор подошел к делу с огоньком. Двигатель он разобрал полностью, добавил в него еще несколько новых деталей, и получил в итоге более продвинутую модель. Эксклюзив, можно сказать. Ноу-хау Забубенного, отчего двигатель мог развивать почти реактивную тягу, правда, не долго. Минут десять. А потом шел в разнос. Зато в эти экспериментальные десять минут рекорд скорости был обеспечен. Ну, а из стандартного, ничем не примечательного кузова «БМВ» Забубенный смастерил кабриолет, очень оригинальную для наших дождливых широт модель. Нет почти ни у кого. Так что хозяин мог гордиться.

Хозяин между тем выразил желание познакомиться лично с мастером, выполнявшим заказ, а когда не обнаружил его — Забубенный как раз уехал на рыбалку, немного устал от творческой работы, нужно было расслабиться — то разнес вдребезги половину автосервиса и еще потребовал возмещения ущерба. Странный человек. Ущерб ему возместили. А Забубенному после этого пришлось год работать без зарплаты. А потом еще и примириться с «испытательным сроком», в течение которого по новому уговору с начальством он не должен был делать ничего по собственному усмотрению. Ну и как в таких нечеловеческих условиях работать?

Зато были в новом положении и свои плюсы, — теперь он не работал по выходным. И вообще его особенно не напрягали, поручая мелкие работы по замене подшипников или тормозных колодок.

Скоро над сгустившимся в низинах туманом выросли неровные очертания высоких елей. Григорий немного поежился от сырости и натянул поглубже свою желтую кепку. Заказник приближался. Собственно, он начинался сразу через улицу от крайних домов микрорайона, стоило только перейти дорогу, и ты оказывался в заповедном лесу. Согласно огромной табличке у входа, здесь водилось двенадцать видов редких птиц и столько же видов животных, запрещалось разводить костры, ловить рыбу в лесных водоемах и вообще возбранялись всякие виды активного отдыха. Однако, как показалось Забубенному, жители окрестных домов были сплошь неграмотными, ибо следы от костров, на которых жители самого культурного города жарили шашлыки и пойманную здесь же рыбку, начинались сразу за воспрещающей табличкой. А мусор устилал цветным ковром все берега ближайшего озера.

«Странное дело, размышлял Забубенный, оставив позади асфальт и углубившись в лес по проселку, и почему люди не хотят дать природе пожить спокойно? Вот наши предки-славяне, говорят, были мудрее нас. Не жгли костров в заповедниках, наверняка, и рыбу динамитом не ловили».

Прошагав во мглистом киселе пару километров и окончательно оставив очаги цивилизации за спиной, механик-новатор решил, наконец, что единение с природой наступило и пора начинать сбор подберезовиков, которых здесь водилось во множестве, несмотря на постоянные набеги окрестных любителей природы, к которым, надо признать, сейчас относился и он сам. Все-таки не у всех жителей Питера есть возможность выйти из дома и через десять минут оказаться в настоящем лесу. Не парке там каком-нибудь или лесопарке, а самом настоящем лесу, то есть на лоне природы.

Григорий свернул с тропинки и углубился чащу. Здесь туман был еще гуще, а идея искать грибы в тумане с фонариком пережила второе рождение. Механик достал фонарик и стал светить себе под ноги. Пришлось даже нагибаться к самым кочкам и разглядывать их очень пристально. Забубенный ощутил себя тем самым ежиком, только более продвинутым

— с фонариком. Побродив так по болотистой почве полчаса, Григорий отыскал всего пару грибов, да и те по счастливой случайности. Видимость пока была нулевая.

Зато, углубившись в лес метров на пятьсот, он обнаружил там холодильник. Белое чудовище, неведь как сюда попавшее, стояло на небольшой поляне, словно идол Перуна. Забубенный чуть не ударился об него лбом, наскочив на холодильник в тумане. Некоторое время механик рассматривал это чудо техники, размышляя о том, кто бы мог его сюда приволочь и зачем? Ответ не находился. Холодильник был, тропинок не было. Туман за это время понемногу начал рассеиваться. Проявились окрестные сосны и березы. Григорий еще раз пристально осмотрелся. Вокруг по-прежнему не наблюдалось решительно никаких тропинок. Не с вертолета же его сбросили в чашу леса?

Окутанный сомнениям механик решил продолжить поиск грибов на восток от холодильника, благо в той стороне просветлело чуть больше. На этот раз он набрел на неплохую полянку, где обнаружил сразу пять молоденьких и крепких подберезовиков. Издав победный вопль каманчей, Григорий набросился с ножом на беззащитные грибы. Почин был. Следовало развивать успех, пока в лесу не появились конкуренты-грибники.

Побродив минут десять по колено в сырой траве, механик нашел еще одну полянку, с одной стороны ограниченную тремя поваленными друг на друга соснами, а с другой небольшой болотистой лужей. Грибов на ней было множество. Правда, не все съедобные на вид. Добрая половина относилась к сословию поганок и мухоморов. Их было так много, что, даже срезая настоящие на вид подберезовики, Забубенный осторожно лизал их на месте среза, опасаясь ощутить горечь несъедобного гриба. Так его учила в детстве бабуля, царствие ей небесное. «Да, — подшучивал при этом над собой Григорий, облизывая очередной гриб, — вот так втянешься, а потом из леса не выгонишь».

Опустошив лихим набегом полянку, Забубенный двинулся дальше в чашу, обойдя болотистую лужу. Сразу за ней начинался пологий подъем, и места были посуше. Пройдя в том направлении около километра, Григорий насобирал почти половину большого пакета подберезовиков. Грибы, все как на подбор, были молодые, едва успевшие вытянуться из земли и окрепнуть, до подхода грибников. Ни на одном не наблюдалось признаков червивости. Окрыленный успехом, Забубенный решил собрать целый пакет, а то и весь рюкзак, на зависть соседям. В нем проснулся древний инстинкт охотника за грибными головами.

Туман, между тем, рассеялся полностью. Ночь умерла. Солнце осветило кроны деревьев, разогнав остатки белесого тумана по низинам. Остановившись на поляне, Забубенный залюбовался лесом. Хорошо было здесь бродить ранней осенью, когда земля еще хранит летнее тепло, но уже постепенно укутывается ковром из пестрых листьев.

Скоро, однако, следовало ожидать наплыва более ленивых грибников. А к обеду, — самых ленивых. Срезая очередной гриб, механик мысленно пожалел их: не видать им такого успеха, как ему, этим утром.

Очередной раз, решая в какую сторону направить свои стопы, Григорий обнаружил, что незаметно забрел в какой-то холмистый уголок леса. Раньше здесь ему бывать не доводилось. Болот вокруг уже не было, деревья, словно отодвинулись друг от друга и стали покряжистей. Березы почти потерялись за крепкими стволами высоченных сосен. Чуть поодаль стоял огромный дуб. Все это больше напоминало настоящий бор, а не болотистый заказник вблизи большого города.

Блудить здесь было особенно негде, со всех сторон лесок был окружен либо многоэтажными бетонными домами, либо речкой, либо примыкавшей с дальнего края деревней. Так что Григорий не сильно переживал по этому вопросу. «Наверное, забрел в самый дальний угол, рядом с деревней, — успокоил себя Забубенный, — Здесь я еще не бывал, оттого и кажется лес незнакомым».

В этот момент механик-новатор заметил в ста метрах бродившую среди сосен фигуру девушки, одетой в какой-то длинный белый сарафан. «Ну, слава Богу, — успокоился механик, — Селянка. Пойду, спрошу в какой стороне город».

Однако селянка оказалась на редкость пугливой. Механик не успел еще и слова сказать, как та, увидев приближавшегося к ней бодрым шагом Забубенного, вскрикнула и убежала за холм, сверкнув пятками.

«Чего это он босиком по лесу шастает? — удивился Григорий, — простудиться ведь можно. Или у них тут так заведено? Вон йоги тоже на гвоздях спят и ничего. Может и мне попробовать, глядишь, здоровее стану».

Поднявшись на поросший лесом холм, Григорий действительно увидел, что почти вышел к людям: внизу, примерно метров через сто, лес редел и переходил в поле. Решив, обойти лес вокруг, а не продираться обратно сквозь чащу, Забубенный направился прямо к полю, в надежде через полчаса быть уже дома и пить кофе с булочками, также заботливо приготовленными женой вчера вечером. Куда убежала испуганная селянка, он не обратил внимания: мало ли на свет девиц с истерической натурой. Ну, увидела одинокого мужика в лесу рано утром, чего кричать то? Не маньяк же, хоть и с ножом в руке. Однако, выбравшись на простор Забубенный, остановился.

По полю к нему бежала толпа мужиков вооруженных дубинами. Мужики были какие-то странные, в длинных рубахах, лаптях и почти все бородатые. Лапти Григорий разглядел, потому что мужики бежали ходко, высоко задирая ноги. Ну, борода, это еще ничего. Но зачем носить лапти, когда можно даже в селпо прикупить кожаные боты или, на худой конец, кирзовые сапоги, этого механик-новатор понять не мог. Впрочем, долго обдумывать этот парадокс он не стал. Ну, бегут себе мужики по полю с дубинами и ладно. А ему домой пора. Грибов набрал. Пора и честь знать. И он уже двинулся вдоль леса быстрым шагом, но червячок сомнения вдруг очень сильно укусил его, заставив вновь оглянуться на мужиков.

Те бежали явно в его сторону и намерения у них были, похоже, не очень дружественные. Да и дубинами размахивали на ходу очень уж натурально, не для красного словца. «Может селянка чего наплела? — озадачился Григорий, — Ну, типа, пристал я мол к ней в лесу, женится, хотел. Чего со страху не померещиться. А я оправдывайся теперь».

Механик бросил озадаченный взгляд на лесную чащу. Но убежать через лес было поздно. Мужики с дубинами уже отрезали ему этот путь и, обхватив механика полукольцом, стремительно приближались с трех сторон. Григорий остановился, положил мешок с грибами на траву, и приготовился принять бой, благо сам был не робкого десятка. Да ростом и силой Бог не обидел.

Окружение, наконец, закончилось. Мужики окончательно отрезали Забубенного от леса. Обошли со всех сторон, и теперь медленно подступали, поигрывая дубинами. Было их человек семь. Механик решил начать переговоры первым.

— Вы чего, мужики, кино снимаете? — поинтересовался Забубенный, разглядывая допотоптную одежду преследователей.

— А ты не скалься, вражина, — ответил ему в тон здоровенный мужик хипастого вида с обручем на голове, стянувшим длинные русые волосы, — ты пошто Настасьёю обидеть хотел?

Забубенный вздохнул. Значит, действительно наплела историю селянка, теперь выкрутиться бы как-нибудь. Мужики-то, по всему видно, всерьез напрягаются. И зачем только за грибами пошел?

— Да вы чего, мужики, — попытался схитрить механик, — Какая Настасьёя? Не видел я никого. Иду себе лесом, собираю грибы...

— Ты не вертись, вражина, — снова подал голос мужик с обручем на голове и в замызганном кожаном фартуке, видно представитель древнейшей профессии кузнецов, кое-где еще сохранившейся, — я брат ее Никодим. Она мне плакалась.

— Послушай, Кодя, — ласково начал Забубенный, закатывая рукава, — у тебя видать кислородный удар случился от работы. Не трогал я твою Настасьёю, врет она все. Шел я мимо, спросить хотел, где тут дорога в город. Ждут меня там. А она как заорет, словно привидение увидела, да как ломонется через лес, только пятки засверкали. Нервная она у тебя больно. Валерьянки ей надо выпить. Так что...

Забубенный не успел закончить фразу и едва увернулся от просвистевшей над головой дубины. Чуток пониже и удар снес бы ему голову, верняк. Григорий драться не любил, но в минуту опасности вспоминались какие-то инстинкты: занимался в жизни немного каратэ, да еще кое-чем. Хотя поясов с неба не хватал, лениво было.

Не став дожидаться второго захода, механик со всего маху провел мае-гэри кузнецу в грудь. Тот только отшатнулся, выронил дубину, но устоял. «Здоровый мужик, пронеслось в голове у Григория». Он прыгнул к ближайшему телу справа, ударом ноги по коленной чашечке свалил его на землю, ударом локтя в живот сбросил с себя повисшего на плече подростка, пнул в пах по ходу дела еще одного выросшего, словно из-под земли крестьянина и бросился бежать по полю, куда глаза глядят.

Бежать в сапогах по довольно высокой траве было не удобно, но продолжать переговоры не имело никакого смысла. Консенсуса явно не наблюдалось. Видно деревенские мужики предпочитали сначала огреть дубиной по голове, а потом разговаривать. Такой регламент вызывал у Забубенного бурю протеста, а потому оставив свои лесные трофеи селянам и потеряв в схватке любимую желтую кепку, он припустил что было сил по полю в направлении города, как ему казалось. Хотя никаких высотных домов ни за лесом, ни за полем, он не видел. Только несколько деревенских развалюх притулилось на другом краю широченного поля. Похоже, далеко забрел. «В следующий раз, не надо будет так углубляться, решил Григорий, скромнее надо быть. И зачем мне одному столько грибов?»

Очень скоро за спиной послышалось злобное дыхание. Забубенный оглянулся через плечо: мужики догоняли, уже впятером. Впереди всех размахивал дубиной кузнец. Бежать в лаптях им все же было удобнее. Неизвестно чем бы закончилась эта беготня, если бы из леса навстречу механику не выехал отряд конных всадников, увидев которых Забубенный вздохнул с облегчением: точно, кино снимают.

С виду это были настоящие древние русские витязи. На каждом блестящий шлем, кольчуга, каплевидный щит с каким-то металлическим набалдашником посередине, в руке длинное копьё. На плечах алые плащи. Всего их было человек двадцать. Впереди всех, скакал всадник в самом богатом доспехе из разукрашенных резьбой пластин, зеркало на его груди блестело как настоящее зеркало. На боку висел меч в кожаных ножнах. Сзади за ним, отставая на полкорпуса лошади, маячил знаменосец.

Забубенный, большой любитель книжек про богатырей, так залюбовался неожиданной картиной, что забыл про опасность и остановился. А зря. Мужики мгновенно нагнали его, и драка началась снова. Над головой Григория засвистели дубины, от двух ударов механик увернулся, но третьим его хорошо приложили по ребрам. Взыв от боли, Григорий упал навзничь и уже попрощался с жизнью, когда разъяренный Никодим снова занес над ним свою карающую дубину. «Крепко здесь защищают женщин, пронеслось у Забубенного в голове, джентльмены долбанные».

— Остановитесь! Именем князя, повелеваю, — раздалось рядом почти над головой распластавшегося на земле Григория.

Никодим, в пылу схватки, видно не обративший внимания на приближавшихся всадников, при звуке голоса сначала замер, а потом выронил дубину. Сейчас он стоял всего в двух шагах от механика. Обиженный Забубенный решил использовать неожиданно возникшую заминку. Злость придала ему силы. Он вскочил и с размаху съездил ногой по морде Никодиму. Теперь уже кузнец рухнул в траву, залив рубаху хлынувшей из расшибленного носа кровью.

Остальные мужики стояли чуть поодаль, сгрудившись. Не нападали, не приближались к Забубенному, но и не уходили. Разобравшись с кузнецом, Григорий осмотрелся. К нему быстро приближался начальник конного отряда со знаменосцем и еще тремя всадниками.

«Получается, что, и я в кадр попал, не запланировано, — кипятился механик, — Тоже, блин, нашли бесплатного актера».

— Остановить буйство! — снова прогремел голос над его головой. Это рывкнул скакавший за предводителем знаменосец.

— Да пошел ты к черту, — не выдержал Забубенный, сплюнув на траву, — думаешь, броник нацепил и самый крутой? Вы что тут сдурели все, чуть человека не угробили! Где ваш режиссер, я жаловаться буду!

Но всадники на удивление Григория продолжали ломать комедию. Доскакав до Забубенного они остановили коней и приблизились вплотную. Так, что лошадь главного всадника даже дыхнула в лицо Григорию, а тот поморщился и отшатнулся.

— Ты холоп, а ли вольный человек? — наконец, спросил у него воин, видно, бывший в этом отряде за главного, — странная у тебя больно одежда, не нашенская.

— Кончай дурку ломать, — ответил с вызовом Забубенный, которому уже порядком надела эта фантасмогория, — и кобылу свою отодвинь, она мне в лицо дышит. Не люблю я лошадей. Предпочитаю машины.

Один из всадников легонько, но ощутимо ткнул Забубенного копьем в плечо. Григорий почувствовал боль.

— Отвечай, когда с тобой воевода разговаривает.

Это был уже перебор.

— Да русский, я русский. Мужики, — снова напрягся Григорий, почесав ужаленное плечо, — вы чего все из дурдома сбежали? Какой к черту воевода? Военный консультант ваш, что ли?

— Путята, Мстислава Чернявого верный пес.

— Какая Путята? Это что, кличка? — переспросил ничего не понимающий механик.

Новый укол в плечо, заставил его отпрыгнуть на шаг назад. «Похоже, это какие-то маньяки, решил механик, скорее всего секта военных маньяков-историков. Живым не отпустят. Надо сматываться».

— Непонятен мне, сей холоп, — задумчиво изрек воевода, блеснув недобрым взглядом из-под шлема, — Возьмем его с собой. После поговорим. А этих, — он кивнул в сторону стоявших чуть поодаль деревенских мужиков, — обспроси, из-за чего сыр бор.

Забубенный попятился.

— Это кто холоп? Я, между прочим, российский паспорт имею и прописку, понял?

— Может половец, от своих отбился, — проговорил второй всадник, рассуждая сам с собою, словно Забубенного рядом и не было, — но они нам не враги давно. Только этот шальной какой-то больно, даже для половца. Те хлипкие на драку, хоть и задиристые.

Воевода, не промолвив больше ни слова, развернул коня и поскакал через поле, в сторону видневшейся на дальнем краю деревни. За ним, словно тени, двинулись знаменосец и еще один всадник. Оставшиеся, окружили Григория, который лихорадочно искал выход, всматриваясь в просветы между лошадьми. Он еще надеялся проскользнуть между ними, и убежать в лес.

Неожиданно на его многострадальную голову обрушился профессиональный удар чем-то тяжелым. Механик потерял сознание, свалившись в траву. Всадники спешили, погрузили обмякшего Григория на круп одной из лошадей, и поскакали за своим воеводой.

Глава вторая

Непонятный человек

Очередное пробуждение, второе за это утро, тоже было не из приятных. Теперь к метафизическим последствиям ночных кошмаров добавилась вполне реальная шишка на макушке, которая давала знать о себе тупой болью. «Чем это меня приложили эти исторические маньяки? Может булавой или просто палкой?» Открыв глаза, Забубенный обнаружил, что лежит, уткнувшись лицом в сено, которое щекочет ему ноздри. А когда перекатился на спину, то окончательно утвердился в своих ощущениях: он находился в каком-то сарае. Сквозь щели в одряхлевшей крыше пробивалось яркое не утреннее солнце.

Забубенный еще раз пошевелился и понял, что руки у него крепко связаны за спиной каким-то сыромятным ремешком. Как это было ни странно, но импортный рюкзачок по-

прежнему был у него за спиной. Поскольку в нем не хранилось ничего кроме ножа и фонарика, то выглядел он вполне плоским и мог сойти за часть странной одежды, которой его новые знакомые так сильно заинтересовались. Вспомнив новых знакомых, которые видно с перепоею расхаживали в одеждах древних русичей, Забубенный загрустил. Зачем они пристукнули его и приволокли сюда, вот вопрос? Лежишь так один в сарае со связанными руками, а вокруг тебя бегают какие-то шишики с копьями и еще неизвестно чего от тебя добиваются. Надо сматываться, да побыстрее.

Григорий снова перекатился на живот и встал на колени, спиной к дверям, благо ноги у него были не связаны. В этот момент дверь в сарай со скрипом отворилась, и послышались тяжелые шаги, приглушенные земляным полом. Несколько человек зашли, позвякивая железом доспехов.

— Что, половчанин, помолиться решил своим степным богам? — Раздался за спиной Забубенного зычный голос, заставивший механика вздрогнуть.

Голова у механика болела, напоминая о недавнем происшествии, но способность ериничать уже к нему вернулась. А что еще оставалось в таком положении. Механик, как смог, развернулся к вошедшим и привалился спиной к стене сарая.

— Извиняться пришли? — поинтересовался он.

Дружинники переглянулись, а потом дружно расхохотались. Отсмеявшись, один из них ответил:

— Да ты не робкого десятка, как я погляжу. А извиняться тебе придется, паря, если виноват окажешься. Вставай, воевода тебя ждет. Судить будет.

Забубенный вздрогнул. Уже и судить собираются, а потом наверняка распнут. Точно маньки на сходке. Сектанты. Ну, ерничать, — решил Забубенный, — так до конца.

— А вы, мужики, с какой киностудии сбежали?

— Вставай, — не обращая внимания на реплику механика, сказал один из ратников, черноусый и чернобородый детина, — воевода ждать не любит. Ответ держать будешь.

— Это за что же? — деланно удивился Забубенный, хотя сильно догадывался, за что с него хотят спросить, — За то, что в вашем лесу грибы без спроса собирал, что ли? Так я все верну на место.

— Не об том речь, — отмахнулся черноусый. Слегка нагнувшись, он схватил пленника за ворот камуфляжной куртки и одной рукой приподнял Забубенного, поставив на ноги, — Пойдем, непонятный человек.

И подтолкнул механика к низкой перекошенной дверке, открытой наружу. Григорий нехотя подчинился.

Снаружи стояла отличная солнечная погода. Время уже за полдень было, судя по солнцу: часы свои Григорий потерял в драке с Никодимом. Сарай стоял на отшибе селения, которое можно было окинуть одним взглядом, — пяток дворов с сараюшками. Около центрального двора толпилось сейчас десятка два человек, видно, его дожидались.

Забубенный, конечно, в деревнях бывал, но подобной убогости давно не встречал. Не было здесь не то что электричества и асфальтированной дороги, но даже и стекол в домах. Пузыри какие-то натянуты, труб вовсе нету. Проходя под конвоем мимо одной избы, Григорий заметил валивший из всех щелей дым и сначала подумал, что баня. Но тут открылась дверь и на свет божий показалась пухлотелая хозяйка в закопченном сарафане и перемазанным сажей счастливым лицом. В руках она несла какое-то варево, из чего Забубенный заключил, что в этой «газовой камере» варили обед.

— Да, господа киношники, — проговорил вслух Григорий, — потратились вы на декорации. Натурально получилось.

— Шевелись, — беззлобно подбодрил сзади военный историк, в одежде ратника.

Забубенный зашагал побыстрее, чтобы не получить очередной пинок или предупредительный укол мечом в спину: мало ли что от них можно было ожидать. За плечами незаметной ношей болтался, чудом сохранившийся импортный рюкзачок с фонариком внутри. Видно помогла застежка, соединявшая лямки на груди.

На ходу механик продолжал обдумывать свое положение, внимательно приглядываясь к окружавшим его пейзажам. Странное дело, но все эти люди почему-то не казались ему нанятой массовкой. Неестественность поведения было легко отличить. А они двигались так, словно были натуральными.

«Да, подумал механик, зря я грибов нализался. Мерещится теперь всякое». Но если он не в руках маньяков, тогда где? Случайно стал героем какого-то суперинтерактивного шоу «Русь заповедная за стеклом»? Значит, здесь повсюду натканы скрытые камеры, а за каждым его шагом сейчас наблюдает аудитория из миллиарда придурков, лежащих на диванах и хрюпающих чипсы кубометрами. Впрочем, версия про маньяков пока оставалась рабочей, и Григорий решил подождать с выводами. Поживем, если повезет, увидим.

Прошагав метров сто, Забубенный оказался во дворе самого большого из домов деревни, где толпился народ. Конвойные остановились позади, замкнув узкий двор в кольцо. По виду это был такой же сарай, как и остальные, только с резным крыльцом и забором из свежеструганных кольев. Но по сравнению с соседними развалюхами, он казался просто чудом архитектуры.

На крыльце сидел воевода в броне. За его спиной и по бокам стояли ратники с мечами в ножнах. Остальные виднелись вместе с конями в поле. Рядом с воеводой обретался Никодим с расшибленным носом, а за его спиной пряталась длинноволосая селянка, из-за которой Забубенный и угодил в эту катавасию. На месте она не стояла, все дергалась нервно. Чуть в сторонке кучковались мужики-помощники. Судя по всему, эта здоровенная сволочь Никодим уже успел изложить воеводе свою версию случившегося. Придется защищаться.

«Эх, мне бы адвоката или право на последний звонок, — подумал с грустью Забубенный и вдруг поймал себя на мысли, что принимает всю ситуацию уже всерьез. Как будто он действительно житель древней Руси, а не лучший механик автосервиса на испытательном сроке, и должен оправдываться перед каким-то там воеводой, верным княжеским псом. Короче, полный бред. А бред, даже переданный через интернет, остается бредом».

Между тем бред набирал обороты. Никодим снова что-то шепнул воеводе и указал пальцем. Мужики одобрительно закивали. «Не иначе повесить предлагает, догадался Григорий, или еще лучше, на кол посадить. Вроде бы в древней Руси это было модно. Как-никак развлечение. Телевизоров то ведь не было, «Голливуда», к счастью тоже».

Воевода со смешным именем Путята, поднял руку, и шум вокруг смолк. Затем он перевел руку в горизонтальное положение и невидимая линия от указательного пальца воеводы уткнулась в грудь Забубенному.

— Говори, — изрек Путята, — Его я уже слышал.

«Ну вот, дождался, — промелькнула предательская мысль, — встать, суд идет. Жил себе честным механиком, а тут за уголовного сойду. Как бы умом не тронуться. Где я вообще и что со мной происходит? Может этот воевода виртуальный и если перезагрузиться, то все исчезнет?»

Толчок в плечо вернул его к месту действий. Деревня, лес, ратники. Толчок был явно не виртуальным, поэтому Григорий вздрогнул и начал свою речь:

— Гражданин, начальник. Я честный человек. Шел себе по лесу, никого не трогал, собирал грибы. Ну и заблудился немного. Тут вижу — гуляет по лесу одинокая честная селянка. Я приблизился к ней и хотел спросить, как бы мне добраться до города короткой дорогой. А она вдруг заорет, как оглашенная, лукошко бросила и бежать. Ее бы надо к психиатру на освидетельствование. Ну, пошел я себе дальше, выбрался в поле, а тут эти малохольные наскочили, и давай меня дубинами метелить без разговоров. И вообще, скажите мне гражданин начальник, где я и что тут, блин, за кино вокруг происходит?

Ответный вопрос Путяты его несколько озадачил. Воевода хитро прищурился и спросил:

— А в какой город шел ты, человеке и чего там хотел?

— Шел я домой в Питер. Я и прописан там. Если не верите, паспорт покажу. А хотел я

домой вернуться. У меня сегодня выходной, а завтра опять на работу, машины собирать.

В зрчках воеводы отразилось недопонимание. Он переглянулся с черноусым ратником, стоявшим слева от Григория. Тот, как показалось, механику, пожал плечами, мол, врет, словно поет.

— И где этот город?

— Да тут, пару километров и уже окраина его. Я там и живу. У нас хорошо, леса много да и финский залив недалеко.

На это воевода только кивнул и переспросил:

— А хотел-то чего там?

— Да ничего. Домой вернуться и поспать маленько. У меня сегодня выходной, а завтра опять на работу, машины собирать.

— Чего собирать? Ты что травник что ли, а ли колдун?

— Нет, траву не употребляю. Разве, что водки иногда. Механик я. Это значит, что любую машину разобрать могу. Даже с закрытыми глазами, — приврал немного для красного словца Забубенный.

Воевода, похоже, не очень оценил механический гений стоящего перед ним мужика и задумался о чем-то своем. Замолчал надолго. Потом, наконец, спросил, глянув мельком на Никодима:

— Ну, а к девке Настасье приставал?

— Я? — заволновался Григорий от смены темы, — Зачем?

— Известно зачем. Потешиться.

— Нет, за этим не приставал, — честно ответил Григорий, — У меня подруга есть. Там и тешусь. Только спросить хотел, как тут до города легче добраться. Но и слова-то толком с ней сказать не успел. Даже не познакомились. А она себе уже не известно чего со страху напридумывала, да братцу своему эту дэзу впарила. А он и поверил. В общем, врут они все, начальник. Чист я.

Воевода вздохнул, бросил взгляд на Настасью, которая зыркала острыми глазками из-за плеча Никодима на своего лесного обидчика.

— Да, напугал ты девку, — проговорил воевода, как бы размышляя вслух.

— Ну и что мне теперь, из-за ее эротических фантазий женится что ли? — уточнил Забубенный, — Так у меня уже жена есть, а я не мусульманин и денег на гарем у меня не хватит, такую толпу теток содержать.

Тут в разговор вмешался Никодим.

— Да что ты мелешь, Настасья сестра мне! — выкрикнул он, шмыгнув расквашенным носом.

— Да тетки все одинаковы, — урезонил его механик, не опасавшийся новой драки в зале суда, охрана кругом была надежная, — наплетут с три короба, а ты знай только, уши развешивай. Ты вот сейчас ее спроси, пусть повторит при честном народе и понятых, приставал я к ней или нет.

Никодим, по всему было видно, снова хотел броситься на обидчика, но стоявшие рядом ратники княжеские служили гарантами стабильности и уважения к суду. Никодим остался на месте, только кулаки сжал. Тогда он вдруг повернулся к сестре и вытолкнул ее на середину пустого места.

— Настасья, побожись, что он к тебе приставал.

Длинноволосая красotka Настасья, бросила короткий взгляд на Забубенного, закрыла лицо руками и вдруг бросившись на колени перед воеводой, заголосила:

— Ой, виноватая я, оговорила я его. Простите меня, люди добрые! Не трогал он меня, только напугал. Из лесу вышел, здоровый такой и весь в плесени (Забубенный скосил глаз на свой замызганный камуфляж)...и ко мне...я и испугалась, думала леший. Ну, со страху и наговорила брату небылиц, а он за меня вступился. А потом уж стыдно было обратно признаваться. Простите, люди добрые!

Мужики зашумели. Ратники заулыбались. А кузнец Никодим, как только Настасья с

колен поднялась, со всего маху влепил ей в ухо такую затрещину, что девица отлетела метра на три в кусты и там зарыдала, то ли от боли, то ли совесть ее замучила.

«Бей бабу молотом, будет баба золотом», всплыла в памяти у Забубенного своевременная народная мудрость. Да, эмансипацией в здешних местах не пахло. Но тут уж он вступился за свою обидчицу, воспитание не позволило промолчать, невзирая на помятые ребра.

— Да ладно тебе, Никодим, убьешь сестрицу. Ты полегче, грабли то свои не распускай. Она, получается, вроде девушка честная оказалась.

— То мое дело, — огрызнулся кузнец и промямлил, — ты извини, паря, зря мы тебя помяли.

— Вот это точно, — радостно подхватил Забубенный и повернулся к воеводе, — Ну, что, ваша честь, герр Путята, теперь сами видали, — я чист перед законом. Можно наручники с меня снимать и из камеры выпускать. На свободу, как говорится, с чистой совестью.

Народ одобрительно зашумел. Путята подал знак и черноусый ратник быстро и аккуратно разрезал ножом острым ремешок сыромятный, крепко стянувший запястья механика. Забубенный с радостью замахал затекшими руками.

— Отдашь ему Никодим в обмен на оскорбление деньгу, а ли имущество равноценное, — вынес приговор воевода, — столько сколько, он сам захочет. А если после того он захочет сестру твою второй женой взять, или наложницей, тоже отдашь. Заслужила.

Никодим скривившись, наклонил голову в знак подчинения. Воевода замолк на мгновение и продолжил, усмехнувшись.

— Да только он не захочет.

Григорий бросил взгляд на длинноволосую Настасью, рыдавшую сейчас в кустах. Даже с подбитым глазом она чем-то напоминала Клавдию Шифер. «Ничего девчонка, — подумал Григорий, в котором шевельнулась жалость к своей обидчице, — глупая просто. Молодая еще, пугливая».

— Да уж, — подтвердил механик вслух и вспомнил про удар дубиной по ребрам, — Денег возьму, если дадите, это справедливо. Долларов сто нормально будет за моральный ущерб. А Настасья пусть пока в девках ходит.

Суд закончился, и мужики разошлись. Никодим увел заплаканную Настасью домой, сказав, чтоб зашел за данью положенной попозже. И Григорий, обрадованный счастливым исходом, совсем уже было, засобиравшись домой, но тут воевода неожиданно заговорил снова.

— С девками разобрались, теперь поговорим о делах наших ратных.

Механик насторожился. Раздвоение сознания опять надвигалось. Может, все-таки грибы сделали свое черное дело? И кто только придумал их лизать.

— Каких таких делах? — тревожно спросил Григорий, потирая шишку на голове и поглядывая на ратников, которые стояли вокруг него полукругом. Сбежать было невозможно. Несмотря на свою гордую неподвижность, эти ниндзи зарубили бы мгновенно.

— Бабы — это твое дело, — перешел вдруг на доверительный тон воевода, снова хитро прищурившись, — но ты скажи мне, что ты тут пел мне про город странный, коего тут и в помине нет, и не слыхивал я таких городов вовсе. Да про море-окиян, до которого рукой подать...

— А что тут странного, — не понял Григорий, — все так и есть. До залива пятнадцать минут на маршрутке.

Воевода закивал, как бы соглашаясь, но произнес:

— А то, человеке, что до моря теплого ходу отсюда тридцать ден без сна и роздыху, через земли половецкие, ежели не на ладье по Десне плыть. А до моря холодного и того больше.

Забубенный присвистнул.

— Это куда же меня занесло? За Урал что ли. Тут рядом есть большие города?

— А ты не знаешь?

Григорий отрицательно мотнул головой.

— Теперь, воевода, я ни за что не поручусь: кто я, где я, и что вообще здесь происходит. Видно, какая-то метаморфоза с пространством и временем в юнтоловском заказнике случилась.

Воевода встал, шагнул вперед и оказался рядом с Забубенным. Лицом к лицу. Усмехнулся.

— Память что ли тебе мужики отшибли?

Григорий почесал шишку и кивнул в сторону ближайших ратников.

— Да, похоже, только не деревенские махальщики, а вот эти мужики, в кольчугах.

— Ну, ты на них не серчай. Они свое дело знают. Без вины жизни не лишат. Тебя они легонько пристукнули, чтоб не шумел до времени. Пока не разберемся.

— Ну и что, разобрались же, — Забубенный сделал осторожный шаг в сторону, — Я чист. В общем, мне пора домой.

Путята ухмыльнулся в густые усы и положил свою руку на плечо механику. Рука у воеводы была железной.

— Вот что парень, — проговорил он, — непонятен ты мне. Шатаешься по лесам в одежде странной. Людей обходишь. Говоришь то понятно, то не по-нашенски. Словами заморскими бросаешься, опять же. Кто ты, мне пока не ведомо. А я воевода, потому ведать должен. Сейчас темные времена наступят.

Забубенный понял, что главный приговор еще впереди.

— Короче, с нами поедешь в Чернигов. По дороге разберем, что за птица.

— Если я правило понял, — уточнил Забубенный, — вариантов у меня не много.

Путята как бы невзначай погладил ножны своего меча.

— Мне с тобой сейчас возиться некогда. Тороплюсь. Князь наш Мстислав ждать не любит, ему поход готовить надобно. Меня дожидается. Скорый суд, если упрямиться будешь, хоть сейчас проведем. У Никодима, знакомца твоего, кузня есть. Попробуем тебя каленым железом, в раз Расскажешь нам правду-матушку. Если враг — в кипятке сварим или на кол посадим. Ну, а если наш человек, — отпустим. А полезным будешь, может еще, и награду получишь.

Григорий засомневался. Если принять место действия на веру, то в сложившихся обстоятельствах, вариантов и в самом деле было не много: пытка, кол, кипяток или дальняя дорога. Забубенный решил, что у него окончательно съехала крыша. Отпускать его домой никто не собирался. Да и где он дом то: за лесом, или, в самом деле, занесло честного механика каким-то ветром в древнюю Русь. Хорошо, хоть не в древний Китай. По-китайски то он не понимает, там с голоду бы умер, пока язык выучил, а с этими кое-как общаться можно. Значит, придется ему задержаться в этом странном мире богатырей да селянок. Ну что ж, по любому выходила дальняя дорога. Может быть, по пути удастся выяснить, что происходит, и где он проявился. Или назад дорогу отыскать.

— Не надо пытаться, начальник, — решил Григорий, вздохнув, — я с вами по доброй воле поеду. На кол сесть никогда не поздно. Так что поехали в ваш городок, по дороге допросите. Только вот я коней боюсь.

Воевода молча взглянул ему в глаза. Взгляд Путаты был прост и понятен: «Либо на коня, либо на кол, выбирай».

— В детстве с зебры упал в зоопарке, и с тех пор к лошадям подойти боюсь. — поправился Григорий, — Но, я постараюсь. Ведь не сложнее, чем мотоциклом управлять, да?

— Это какой конь попадется, — ответил воевода, — но ты не бойсь, паря, мы тебе клячу смирную дадим. Эй, Данила, отведи этого к Савраске, что копыта везет. Она и его стащит заодно. Да остальным скажи, что выступаем через время малое. Пусть собираются.

Данилой оказался черноусый ратник, стоявший при допросе слева от Григория. Он радостно хлопнул механика по плечу и показал рукой вперед, мол «иди, руки за спину, шаг вправо, шаг влево и сам понимаешь, что с тобой будет». Григорий повернулся и пошел немного впереди черноусого Данилы по направлению к последнему дому, за которым

открывалось обширное поле, посередь которого паслись кони богатырские, мирно пощипывая травку, под присмотром нескольких бойцов. Чуток поотстав за ними тронулись еще трое воинов из отряда.

Руки были свободны, ноги тоже. «А может деру дать, пронеслось в голове у полоненного механика, сейчас припущу по полю и в лес, а там ищи свищи». Но, внимательно осмотрев окрестности Забубенный временно отказался от побега. До леса было далеко, не добежать. Ратники Путяты, вскочив на коней, быстро догнали бы его и порубали в мелкий винегрет. Да и в лесу, если добежит, тоже догнали бы. Они же привычные, да и проводники из местных нашлись бы сразу. Сусанины чертовы. Эта сволочь, Никодим, наверняка не упустит бы случая поквитаться. (Кстати, денег за мордобой несправедливый так и не принес. Зажал, значит, сволочь). А если гоняться по полям лень, то и стрелу ведь можно пустить вдогон. Она летает быстро.

Нет, бежать рано. Если все происходящее вокруг не обычный глюк и не рассосется само собой в ближайшие часы, то придется задержаться, осмотреться, да пообыкнуться в местном временном промежутке. А там глядишь, и придет на ум чего-нибудь, типа чертежей машины времени, чтоб обратно смыться на свой родной автосервис.

Глава третья Первый конник

Приблизившись к пастбищу, Данила обогнал Григория и первым подошел к группе боевых коней, рядом с которой обреталось несколько ратников. Ратники при ближайшем рассмотрении больше походили на отроков, как называли в древности вполне созревших для тяжелой физической работы подростков. Судя по всему, сообразил Григорий, этот молодняк старшие витязи в качестве шефства заставляли пасти коней, таскать тяжести и делать всякую черную работу, которую сами делать не хотели. В общем, местные деды припахали салаг. Забубенный решил, что дедовщина стара как мир. Армия, она и в древней Руси армия. Видимо, если копнуть глубже и отвлечься от расовых различий, законы людские везде одинаковы. А человек вообще не меняется в своей жизни. Если бы у него не было зеркала, то он бы и не узнал, что стареет.

Данила поманил пальцем одного из отроков, широкоплечего детину, что был ростом не ниже самого Григория, который и сам мог здесь сойти за богатыря.

— Внимай, Изяслав.

Детина отошел от коней и приблизился к ним.

— Этот неизвестный муж с нами в Чернигов поедет, — он, не стесняясь, указал пальцем на механика-новатора, — Воевода велит стеречь его как зеницу ока. Если что, ты в ответе будешь. А Черняй и Митяй тебе послужат подмогой.

Широкоплечий Изяслав молча кивнул. На его скуластом лице отразилось служебное рвение. «Сообразительный отрок, хотя и туповат на вид», составлял мнение о своих новых конвойных Забубенный.

— Идти далече, так что усадите его на Савраску, что везет копыя. Руки не связывай, если что, руби голову. Воевода велит так. Вот только свезет ли Савраска столько? — шутливо поинтересовался у отрока Данила.

Изяслав бросил взгляд через плечо на здоровенную белую лошадь, что паслась в десяти шагах, смерил взглядом Григория и тоже усмехнулся. А затем выдал свое заключение.

— Тяжело конечно ей будет. Старовата. Но Савраска кобыла смирная, да тяговитая. Стянет.

— Послушай, Изя, а сколько в ней лошадиных сил? — поинтересовался Забубенный, не выдержав такого оскорбительного обсуждения своих параметров, — а бензину до Чернигова хватит?

Отрок не смутился.

— Хватит. Тут уж недалече осталось, если поспешать.

— Ну, ты меня успокоил...паря, — начал заводиться Забубенный, которому надоело быть чужим среди своих, — Только я на конях никогда не ездил, так что проводи вводный инструктаж.

Изяслав, как оказалось, нисколько не обиделся.

— Ну, вы тут грузите этого, — отдал последние указания Данила, — да сами собирайтесь, выступаем скоро. А я пойду, ратников остальных разбуджу, а то проспят воители.

«Да, окончательно уверился Григорий, дедовщина в древнерусской армии процветает. Интересно, а кольчуги с мечами дедам тоже молодняк полирует?»

— Тебя как кличут-то? — незлобиво поинтересовался у своего подконвойного отрок Изяслав.

Немного обалдев от такого хамства со стороны молодежи, Забубенный был как минимум вдвое старше, механик все же ответил:

— Это твою кобылу кличут, а у меня имя есть. Для тебя я Григорий Иванович Забубенный.

На это заявление о суверенитете отрок отозвался целой речью, гордой, длинной, но вполне понятной:

— По отчеству, я только своих родителей зову, да уважаемых людей. А ты пока неизвестно еще, что за птица. Может, порешить тебя придется, а ли на кол посадить. Как выйдет. Так что, извиняй, будем звать тебя покуда для простоты Григорием.

— И на том спасибо, — отозвался Забубенный, обезоруженный убийственной логикой юнца, да напоминанием про вездесущий кол, — показывай свою Савраску.

— И то дело, — Изяслав повернулся и кликнул двух других отроков на всякий случай, а Забубенному указал на здоровенную старую лошаденку, — вот она, твоя лошадь.

Приблизившись вплотную, отрок ласково пробормотал «Савраска» и погладил старушку по волосатому загривку. Лошадь даже ухом не повела, продолжая щипать траву.

— А она не глуховата? — поинтересовался Забубенный, с сомнением осматривая свой гужевой транспорт.

Лошадь только издали казалась белой, а на самом деле была обыкновенной серой масти. С жидкой гривой и кривыми, согнутыми в коленях от постоянных перегрузок, ногами. Это был явно не арабский скакун и не орловский рысак. Больше всего, эта кляча походила на недокормленного тамбовского тяжеловоза. Да и лет ей, судя по всему, было не мало. Кобыла давно вошла в пенсионный возраст, того и гляди, околеет на ходу. Впрочем, для первого раза, лучше не придумаешь.

— Есть маненько, — ответил отрок, — Да это ничего, она итак дорогу до Чернигова знает. Уж сколько лет по ней ходит взад-вперед.

— Ходит? — уточнил Григорий, — это хорошо. А какую максимальную скорость развивает это чудо природы.

— Ты, паря, и взаправду не нашенский что ли? — подивился отрок речам механика-новатора.

Забубенный вовремя спохватился и решил впредь использовать только местную терминологию, разучивая ее на ходу. Благо кругом были сплошь носители языка, а гениальный механик был склонен к изучению иностранных языков.

— Да нет, — быстро поправился он, — я хотел спросить, как быстро ходит этот коник?

— Да не шибко, — успокоил Изяслав, — Все время сзади в обозе идет. Но с норовом. Если вдруг взбрыкнет и сбросит, сразу в сторону откатывайся. Упадешь под копыта, — затопчет. Кобыла хоть и старая, а весу в ней много. Да и тяжести на себе тянет.

Забубенный кивнул и почему-то вспомнил не к месту очередную мудрость, что приписывали народу: «Старый конь борозды не портит».

В этот момент два других отрока Черный и Митяй приволокли к Савраске связку копий богатырских, что замотана была в суровую тряпицу так, чтоб с двух сторон с коня свесилась и ходу его не мешала. Пыхтя от натуги, они водрузили военный груз на Савраску. Приняв

его, бедная лошадь осела почти на полметра, но как ни в чем не бывало, продолжала пощипывать травку.

Григорий с сомнением воззрился на отрока Изю.

— Так ты говоришь, что она и меня стянет?

— Стянет, не бойсь. Савраска наша кобыла сильная. Полезай давай на нее, а то вон ратники старшие уже на подходе. Скоро двинемся.

Забубенный бросил косой взгляд на приближавшийся отряд во главе с воеводой и снова воззрился на Савраску.

— А седло? А стремяна? А уздечка?

— Седла Савраске не положено. Она людей не возит, — доступно объяснил отрок, — а управлять ей не надо. Она дорогу знает. Сама пойдет. Полезай, короче, а то свяжем и бросим как мешок через холку.

Бравый механик понял, что настал момент истины. Ощущение было таким же, когда ты не уверен в себе, но сдаешь на права. А рядом сидит недовольный жизнью гаишник, которому ты не дал взятку. И от него зависит, быть или не быть тебе драйвером. Короче, хуже не бывает.

Григорий осторожно приблизился к Савраске и зашел с правого бока. Лошадь не выказывала пока никаких агрессивных намерений. Механик осмелел и положил ей руку на широкую спину, которая по середине разделялась мощным обтянутым кожей хребтом. Поискал по забывчивости стремяна, но опять не нашел. Ощущения изменились и стали острее. Теперь он словно стоял в самолете перед открытой дверью, смотрел на бесконечно далекую землю и думал о том, что парашют может не раскрыться, а ему надо прыгать.

— Поспешай, Григорий, — окликнули его сзади голосом бравого воеводы, который успел приблизиться со всем отрядом к месту действия и теперь, сидя в седле, наблюдал за ковбойскими трюками Забубенного.

И механик решился. Он подтянулся, двумя руками уцепившись за выпиравший хребет животного, изо всех сил оттолкнулся ногой от связки копий и прыгнул вверх. Земля ушла из-под ног: парашют все не раскрывался. Спина оказалась теплой, но потной. Некоторое время покачиваясь на хребте туда-сюда, Забубенный решил, наконец, принять вертикальное положение, но не удержался, соскользнул и рухнул вниз головой с другой стороны Савраски. Животное даже не шелохнулось, лишь коротко покосилось глазом на нечто, мешавшее ему жевать траву.

Со всех сторон послышался здоровый смех ратников.

— Нет, это не половец. Те с конями за раз управляют, — раздался голос Данилы.

— Да, похоже, ты прав, — согласился с ним воевода, — Эй, паря, давай влезай быстрее. Негоже князя заставлять ждать, он ведь и осерчать может. А мне, моя буйна головушка еще не надоела.

Григорий отчего то сразу вспомнил про вездесущий кол, и ловкости у него резко прибавилось. Он поднялся, обошел лошадь и снова попытался на нее взобраться. С третьей попытки он водрузил свое измученное тело на хребет Савраски, лихо обхватив ее округлые бока ногами, словно потомок Буденного, и упершись подошвами в связки копий. Хотя бравый командарм вряд ли согласился бы ездить без седла, ибо мог в пути отбить себе все самое дорогое. Забубенный тоже об этом подумал, но выхода не было, оставалось надеяться на тихоходность серой лошадки.

— Ну, чего стоим-то, — поинтересовался окрыленный успехом Григорий, — Уж вечер близится, а до Чернигова вашего, сколько дней пути?

— Сколь надо, — туманно ответил воевода, и, повернув коня своего к лесу, приказал остальным, — Данила, впереди со мной ты да Никола с Курей, остальным держаться вместе, лес темный впереди, ну а что надобно делать отрокам, они про то ведают.

— А мне чего делать? — уточнил Забубенный.

— А ты за холку держись, — посоветовал Путята проезжая мимо, — а то, ежели упадешь отроки ведь невзначай и зарубить могут, подумают, что утечь ты решил, паря. А я с

тобой еще разговор не кончил. Он у нас еще долгий впереди, если повезет тебе.

— Ну, я, конечно, постараюсь, — кивнул Григорий, — Но за вашу Савраску отвечать не могу. Старушка уже не в своем уме, немного.

— А ты не за нее, ты за себя думай, — сказал воевода и отдалился.

Названные бойцы устремились за ним, а Данила среди них оказался тем самым знаменосцем, которого Забубенный узрел одним из первых в этом странном мире. Савраска, заметив шевеление вокруг себя, пришла в движение и подняла голову от земли. От неожиданности Григорий чуть опять с нее не свалился, но, вспомнив про наставления Путяты, вцепился, что было сил в холку. Савраска, между тем, вырулила на курс и мерным шагом устремилась за авангардом. Основная часть ратников княжеских ехала впереди, за воеводой. Позади Забубенного виднелись только легковооруженные отроки, которым было велено не спускать с него глаз.

Положение пленника было не очень приятным, но положение «сидя на колу» прельщало механика еще меньше. Хотя и в чужом времени, а помирать все равно было не охота раньше срока. Поэтому Забубенный как неглупый мужик решил приноровиться к обстановке. Прежде всего, следовало научиться ездить верхом. Савраска для начала подходила неплохо, потому что шла не быстро, но ее хребет все равно то и дело прогибался под всадником, и часто это происходило неожиданно. Поэтому механику приходилось все время находиться в напряжении, вцепившись руками в холку, а ноги уперев в связки копий. В конце концов, он нашел положение, при котором его многострадальный зад чуть реже соприкасался с хребтом животного, очень скоро показавшимся ему тверже дерева. Это положение Забубенный гордо окрестил про себя «стоя в стременах». Проболтавшись таким манером не меньше часа, за который он умудрился ни разу не свалиться, он уже ощущал себя лихим кавалеристом, или, по меньшей мере опытным наездником. Спустя еще час или около того, он уже был уверен, что в его жилах течет кровь еще не родившегося Буденного.

Между тем, отряд, покинув деревню, почти сразу углубился в замшелый лес. Только слегка приноровившись к ходу Савраски, которая, похоже, всю жизнь передвигалась на автопилоте, Григорий стал иногда бросать короткие взгляды на окружающий его мир. Вокруг был лес густой, да поросшая мхами земля. Солнце, клонившееся к закату, едва пробивалось сквозь густые ветви, освещая узкую тропинку, по которой ехали воины черниговского князя. Кони ратников, ступая на мягкую землю, вязли, а Савраска под двойным грузом вообще уходила в нее чуть ли не по колени, потому что отряд весь двигался вперед не быстро. Воевода то и дело покрикивал на своих вояк, поторапливая их. Видно, его на самом деле князь ждал, который в случае опоздания по головке не погладит.

Впрочем, Забубенного это в данный момент жизни совсем не интересовало. Он думал о том, будет ли скоро привал, ибо если его в ближайший час не предвидится, то он рискует все-таки отбить себе самое дорогое. С этой мыслью он буравил взглядом алые плащи ближайших всадников, сидевших себе спокойно в седлах, да болтавших о всякой всячине. Седла у них были, конечно, убогонькие. В своем времени Григорий видел седла и покруче. Но, жить можно. И ездить можно. А вот ему даже на тихходной Савраске без седла приходилось туго. Слава Богу, хоть связки копий, притороченные по бокам, имелись. На четвертом часу скачки механик приноровился на некоторое время вставать на них, давая отдых задней части тела, которая была более привычна к мягким сиденьям автомобилей, а потому уже ныла и болела. Радовало лишь одно, от такой тренировки попа скоро должна была закалиться, и стать крепче стали. Если удастся выжить, потом можно хоть на кактус садиться, все будет нипочем.

И вот когда новоиспеченному кавалеристу Забубенному стало уже все равно, в каком мире помирать в своем или в древнем, прозвучала команда «Встаем на ночлег». В это мгновение Григорий подумал, что воевода по-своему не такой уж плохой человек. В глубине души сохранилось в нем что-то доброе и душевное. Видно, походная жизнь не располагала к нежностям, а также излишней заботе о ближнем. Но за команду «Встаем на ночлег» в этот миг Григорий уже готов был простить ему все измышательства над собой.

Савраска, между тем, команды не слышала и продолжала двигаться на автопилоте в голову уже остановившейся колонны. Григорий решил, что ему пришел конец, ибо самостоятельно остановить это неуправляемое чудо природы он просто боялся. Но, к счастью, отрок Изяслав, видно знал о странностях своей подопечной. Он обогнал Савраску и на ходу ласково хлопнул ее по уху. Лошадь встала как вкопанная. Забубенный не ожидавший таких маневров от задумчивой кобылы, не успел подготовиться, резко подался вперед и рухнул вниз, прямо под копыта своему тяжеловозу. «Все, — промелькнуло в измученном сознании, — сейчас голову отрубят».

Однако, Путята рассудил по своему. Он велел всем ратникам, кроме Данилы, да ближайших помощников, отправиться на сбор сучьев, пока еще не совсем стемнело. Нужно было соорудить костер для обогрева и приготовления еды. Видать, еще долог был путь до Чернигова. Хитрил воевода, не зная, кто таков есть Григорий Забубенный.

Ратники по команде воеводы рассыпались по лесу, и скоро запылал костер на поляне, где едва смогли разместиться все воители, которых было не больше трех дюжин. Коней оставили, привязав рядом под деревьями. Предтечу Буденного воевода черниговский велел к костру принести, ибо сам Григорий ходить еще не мог. Лежал там, где и упал, под копытами своей Савраски, которая, к счастью снова потеряла интерес к окружающим, тихонько пощипывала кустики мха и лизала кору сосны ближайшей.

Отроки Черняй и Митяй сперва разгрузили Савраску, сняв с нее тяжеленные копья, а привязывать не стали, рассудив, что никуда она не денется. И лишь покончив с поклажей, вытащили из-под тягловой кобылы Забубенного. Был механик жестоко скрючен, словно заклинило его в позе наездника, или как он сам называл ее «стоя в стременах». Как был скрюченный, так и приволокли его отроки, да бросили рядом с костром под ноги воеводские. Само собой, что о побеге он теперь и не помышлял. Он вообще плохо соображать стал, как с кобылы сверзнулся.

Сколько времени Забубенный провел в полузабытьи, точно не знал и сам. Однако, постепенно затекшие члены стали размягчаться и распрямляться сами собой. Все это время ратники готовили на костре невесть откуда появившихся зайцев. А когда кто-то из них толкнул механика в бок и сунул под нос запекшийся кусок зайчатины, Забубенный и вообще воспрянул духом.

Запах свежезажаренного мяса приятно щекотал нос, по сравнению с запахом потной Савраски, который пытал Григория весь прошедший день. Григорий мгновенно позабыл про свои раны. Сел, привалившись спиной к сосне, и вцепился зубами в зайчатину. Мясо было жесткое, но механик, ничего не евший еще с прошлой жизни, буквально рвал его на части, поглядывая на остальных ратников. Сам Путята, Данила и все прочие воины, сидя вокруг костра, насыщались трапезой приятной. Но Григорий, быстрее всех разделался со своим зайцем и стал поглядывать по сторонам, не дадут ли добавки. Голод вдруг в нем проснулся зверский.

— Да ты, я смотрю, ешь то по-нашенски, — похвалил его Путята, разделавшись со своим зайцем и вытирая руки о штаны, — Пора продолжить разговор наш пришла. Так из каких земель-то родом будешь, путник неизвестный?

— Родился я сам в Питере, — начал было Забубенный, но быстро поправился, — ну то есть в землях северных, что рядом с морем северным лежат. А сродственники мои, те вообще из Новгорода родом происходят.

— Вот значит, откуда ты, — довольно осклабился воевода, — из Новгорода. Теперь понятен мне нрав твой буйный. В землях ваших и князей-то уважать не хотят, всяк боярин на свой лад талдычит. Хотят, зовут к себе князя, хотят, изгоняют. У нас паря, не так. У нашего князя не забалуешь. Он у нас голова, не то, что ваши бояре, которые с жиру бесятся. Да воротят, что хотят. Никто им не указ. Новгород, оно конечно, богатый город, да больно своенравный. Разумею, добром это не кончится. Но и Чернигов, паря, не хуже.

«Ладно, хрен с ними, — подумал Григорий, — буду новгородцем, раз уж им так понятней. Тоже ничего, кстати, город. Не из последних. Да и правда это почти, по крови-то я

как раз новгородцем получаюсь. Память предков заговорила».

— Да я что, — нашелся Забубенный, — Я разве что сказал. Классный город Чернигов, спору нет. И князь у вас молодец и воевода у него просто супермен. Даже бэтмен.

— Ты паря, говори да не заговаривайся, — остановил его Путята, — Не понять мне тебя иногда. Где это ты иноземных словесов понахватался? С караванами купеческими ходил, что ли в земли отдаленные?

Забубенный призадумался «Врать, не врать»? Решил врать. После освобождения от бесконечных скачек у него наступила временная эйфория. Требовалось расслабиться. Жаль, водки не было, зато хоть потрепаться можно. Все легче станет.

— Ну да, было дело. В загранку ходил многократно. Ну, там, в Швеции бывал, в Германии. Во Франции пару раз. А дальше всего ходил я за море-окиян западный на Кубу, такой отдельный остров в Карибском море расположенный. А дальше за ним большая земля есть, где живут индейцы. Ну, это люди такие, что перья себе в голову натычут, морду краской намажут и по полям скачут, охотятся. Или весь день поют песни.

— Это что ж за люди такие, — подивился один из ратников, — полоумные что-ли?

— Да брешет он, — заявил Данила, и уточнил диагноз, — Никто море-окиян переплыть не может. Как с Савраски сверзнулся, так у него сейчас только разговор прорезался. Вот и брешет.

— Нет, не брешет, — вдруг вступился за него ратник, сидевший по соседству с Данилой на поваленной сосне.

— А ты почему знаешь, Куря? — поинтересовался черноусый Данила.

— А потому знаю, что лет пять назад гостил в Новгороде. Не дружинником князя черниговского я тогда был, а воином свободных занятий. Нанялся я охранять местных купцов, а те меня к каравану добытчиков приставили. Вот и побывал я с новгородскими ушкуйниками в дальних походах. А они тогда ходили свои северные земли объясачивать. Вот в тех то походах и видел я промеж людей обычных, особенных людей, что украшали себе головы перьями, морды мазали краской, да выкуривали всякие зелья, а потом в пляс пускались, в бубен наявивая. Это они так духов лесных задабривали, чтоб на охоту везение выходило. А людишки те прозываются у них шаманами, то бишь колдунами по-нашенски.

— Это что же выходит, — рассуждал сам с собою Данила, — что Григорий бает, будто народы заморские все в шаманах-колдунах ходят?

— Да нет, мужики, — попытался объяснить Забубенный, — это у них как бы одежда такая из перьев, ну как у тебя штаны, да рубаха. А шаманов среди них тоже немного.

— Что же за чуда в перьях такие? — опять удивился Данила, — А погоды там какие? Тепло там или холодно?

— Да по-разному, — продолжал рассказывать Забубенный, — на одном берегу жарко. Там почти все голые ходят, крокодилы плавают в речках, да пираньи — рыба такие, что людей едят. А на другом берегу той земли холодно, как на нашем севере, все в мехах завернутые живут.

— Велика, видеть та земля, — вставил слово воевода, — А прозывается она как?

— Америкой прозывается, в честь одного морехода иноземного.

Путята призадумался.

— Викинга, что ли? — уточнил воевода.

— Нет, не викинга.

— Думаю я, что брешешь ты, маненько, Григорий, — рассудил воевода, — Нет такой земли на свете, чтоб викинги туда не смогли доплыть. Им все ведомо. А если есть земля большая за северным морем, то там и людей быть не может, ибо никто еще оттуда к нам не доплывал. Значит, должно там быть адским местам, да господним страхам. А людям там делать нечего.

Промолчал на это Григорий, не стал спорить с воеводой. Пусть себе думает, что нет Америки. Ее ведь и правда нет пока. А может и не будет вовсе.

Глава четвертая «Темные люди»

Тем временем ратники дожевали свою зайчатину. Трапеза закончилась, пришло время отходить ко сну. Поразмыслив о чем-то, Путята подозвал знаком помощника:

— Данила, выставь кругом крепкие дозоры. Мы еще не на своей земле, хоть и рядом, а в лесу этом, сказывают, много беглых людишек колобродит. Могут ночлег нечаянно подпортить. А нам это ни к чему.

Данила кивнул и, кликнув дюжину ратников, растворился среди деревьев в наступившей темноте. Оставшиеся бойцы, сняв седла с коней и положив мечи рядом с собой, стали прямо на земле укладываться на ночлег. У Забубенного не было ни седла, ни меча. Лежал он, завернувшись в накидку данную ратниками прямо на земле, на каких-то кочках и корнях у огня, но и этого ему было сейчас довольно. Главное, что бешеная скачка прекратилась хоть на время и его измученное тело не бьется поминутно о хребет Савраски.

Скоро Забубенный почувствовал признаки сытости. Тепло от костра хорошо согревало. В голове появились первые приятные за сегодняшний день мысли, хоть и не лишённые странности. О том, что завтра не надо на работу, о том, что хотя теперь он и в другом времени, но лежит сытый у костра, что не надо пока никуда скакать, что его пока не посадили на кол и это хорошо, и что гори оно все огнем и можно спать. Григорий бросил из-под накидки мутный взгляд на Путяту, что сидел напротив у костра вполголоса обсуждая что-то с возникшим из темноты Данилой, и провалился в глубокий заслуженный сон.

Сначала ему приснилось, что он дедушка Ленин на охоте в селе Шушенском. Кругом половодье, стихия бушует, а он бесстрашный герой с берданкой в руке. Набрел случайно на островок суши, еще недавно бывший пригорком у низкого берега, а теперь со всех сторон затопленный водой. Не глубоко вокруг пока, почти по колено, но вода все пребывает. Смотрит герой, а на островке том зайцы, от суши отрезанные мечутся. И множество их там попало, целая дюжина за раз. Обрадовался герой, вскинул берданку и давай палить по зайцам, которым деваться с острова некуда. Вот потеха началась. Почитай всех и уложил, только самые пугливые в воду бросились, да и унесло их невесть куда, а остальные все здесь остались. На мясо, да шкурки пошли. Знатный трофей достался тогда Ильичу. Три дня все ссыльные товарищи в деревне гуляли, а он сам прослыл охотником первейшим среди них.

После явился ему образ красного командарма Буденного, что в туалете перед зеркалом себе усы мазал всякими примочками. Стояло перед ним много всяких баночек с пудрами и мазями. Сам командарм был облачен по случаю утреннего моциона только в белую рубашу да пролетарские штаны с лампасами, что держались на теле благодаря кожаным ремням-подтяжкам, крест накрест перекинутым через плечи. Рядом на походной тумбочке лежала огромная сабля командарма, внушавшая ужас всем его врагам. Буденный очень любил, когда не воевал с врагами мировой революции, бриться этой саблей по утрам. Очень уж она острая была, наточилась о вражьи головы за время боев. Вот и сейчас командарм, покончив с установкой геройских усов под правильным углом, взял саблю в руки и с удовольствием провел ногтем по краю лезвия. Видно, остался доволен, а потом вдруг наклонился к незримому Забубенному, как толкнет его рукой в плечо, да как заорет:

— Кончай спать паря, а то на том свете отоспишься!

Открыл глаза механик, да не поймет спросонья, где он и что случилось. Может, опять в свое время вернулся. А может, случилось что. Протер глаза, а кругом мрак, не видать не зги. Только уголья костра тлеют перед ним. Пригляделся кругом Забубенный, а вокруг почти потухшего костра в темноте какие-то неясные тени шмыгают, крики слышны, да звон сшибавшихся мечей. То и дело с разных сторон раздавалось бравое улюлюканье да молодецкий посвист.

Рядом с собой в неверных отсветах углей узрел он ратника Курю, что в разговоре про шаманов его неожиданно поддержал. Ратник был при оружии, держал в одной руке меч, а в другой щит.

— Чего случилось то? — спросил еще не до конца проснувшийся механик, привыкший к удобствам своего века: теплomu туалету и чашечке кофе после пробуждения. А оттого, что обнаружил себя снова в лесу замшелом у потухшего костра, неизвестно в каком времени, сделалось ему снова грустно.

— Разбойнички пожаловали, — сообщил Куря, — а отроки, что стеречь должны в драку кинулись, да про тебя забыли. Не связали даже. Ну да с ними после разберемся.

— Пост, значит, покинули, — согласился Забубенный, — Только чего меня стеречь. Куда я денусь-то в лесу темном?

— А кто тебя знает, — диким шепотом проговорил Куря, — может то дружки твои пожаловали тебя выручать. Давай-ка я тебя пока к дереву привяжу, непонятный человек, так надежней будет.

Механик проснулся окончательно. Кругом во мгле шла настоящая сеча между ратниками и разбойниками. Сколько их было не ведомо. И чем дело кончится тоже не ясно. В этой ситуации быть привязанным к дереву совсем не улыбалось. Либо те кончат по случайности, либо эти.

Неожиданно через тлевшие уголья перепрыгнул здоровенный мужик в мешковатой одежке и кривой саблей в руке. Не успел механик опомниться, как мужик рубанул воздух над его головой. Точнее, снес бы головушку, если бы Куря не толкнул механика в сторону, а сам одним точным движением не всадил меч нападавшему в брюхо. Мужик тихо вскрикнул и, выронив саблю, рухнул прямо на угли костра. Запахло жареным.

— Слушай, Куря, — проговорил Забубенный, вставая, — сам видал, меня чуть не пришили сейчас. Не мои это друганы. Зачем тогда меня связывать? Они же меня первыми и порешат у того дерева. А так я может, еще пользу окажу обществу.

Куря посомневался.

— Ладно, хоронись здесь, а ли бей разбойничков, чем сможешь. Но помни, сбежишь, — мне воевода голову с плеч. А если жив останусь, сам тебя найду и зарублю.

— И на том спасибо, — ответил Забубенный вослед исчезнувшему в темноте ратнику.

Затем Григорий попятился в темноту от костра подальше, прильнул к сосне, осмотрелся, прислушался. Темень, конечно, была кругом хоть глаз коли. Смотри, не смотри, все одно ничего не увидишь. Только на слух приходилось полагаться. А, судя по звукам, доносившимся отовсюду, основная сеча шла с той стороны потухшего костра. Звенело и орало там больше всего. Справа тоже бились круто, но народу там было поменьше. Слева также, а вот за спиной только отдельные крики раздавались. «И как они в темноте разбирают кто свой, кто чужой, — подумал Забубенный, — нет ведь никакой электроники, ни приборов ночного видения, ни тебе оптики. Весло живут. Мочи всех подряд, а утром разберем, если живы будем».

Промелькнула таки в головушке мысль о побеге. Сзади бились меньше всего, может, и удалось бы прошмыгнуть пока идет такая свалка. Только потом куда? А черт его знает, лишь бы ноги унести. В Задумчивости Григорий сделал шаг назад и упал, оступившись на спину. Земля была мягкая, прогнулась даже под телом механика, но все равно что-то больно ткнуло его в спину. «У меня же рюкзак за плечами, вспомнил Забубенный, а там фонарик. Жаль только ножик потерял, когда к деревенскими бился, честь свою отстаивал. Да толку от ножики сейчас все равно нет, куда с ним против шашки».

Механик перекатился на бок, рванул застежку на груди и сдернул рюкзачок со спины. Расстегнул молнию, вытащил фонарик. Нажал на кнопку, — в землю ударил широкий луч света. «Работает, — по-детски радостно пронеслось в голове». Григорий мгновенно выключил его, чтобы не светиться, но было поздно. Его засекли.

— Глянь, Косой, вон там чегой-то сверкнуло, — раздалось в десяти шагах от распластавшегося на земле механика, — можа, злато светится у костра?

— Да где оно твое злато, Рваный, — рявкнул в ответ невидимый Косой, — ты что говорил, что купцы одни поедут, без охраны почти. Не боле пятерых ратников обещал.

— Так и было, — ответил Рваный.

— Ну, втихаря подойдем, говорил, тепленькими возьмем и деру. Ищи нас потом как ветра в поле.

— Так и было, — подтвердил Рваный.

— Ну, а тут что деется? Тут, рыло твое тупое, одних ратников не меньше трех дюжин, вон половина людишек наших лихих полегла уже. А злато где, а купцы куда подевались? Ты вообще нас, на какую поляну навел, гнида?

Рваный молчал, впервые засомневался.

— Да дело верное, мне человек шепнул, что поедет по дороге черниговской купчина с наваром, да почти без охраны. За день до Чернигова не доберется. На ночлег встанет в лесу, а тут и мы подоспеем. Так и было, атаман. Зуб даю.

— Короче, Рваный, — решил атаман, — ты мне голову свою отдашь, если мы тут ничего не найдем. А с человека твоего кожу сниму самолично.

«Жестокие нравы, — подумал Забубенный пытаясь отползти подальше в сторону от сходняка разбойников, — прямо «Коза Ностра» или «Бригада» какая-то». Но в этот момент прямо на него выскочило, судя по шуму и визгам не меньше пятерых душегубов, то ли спасавшихся бегством, то ли заходивших в тыл ратникам Путяты. Один из них споткнулся о лежавшего на земле механика и со всего маху ударился головой о пень. Окрестности огласились диким криком и забористой руганью.

— Это чо тут под ногами валяется? — спросил темноту один из остановившихся разбойников.

— Глянь, Сень, оно шевелиться? — трусливо поддакнул второй, — медведь может? Пойдем отсюда.

— Сдурел, медведь, — Семен наклонился, и наугад схватили Забубенного за одежду, пригляделся, — медведь пошире будет, да тихо так никогда не ползает. Это мужик какой-то не из наших. Из купеческих холуев, видно.

Спутник Семена сразу осмелел и крикнул визгливо:

— А ну вставай, злато отдавай, а то мы щас тебя решать будем.

«Ну, все, настал момент истины, — решил механик и вскочил на ноги». Бежать было не куда. Первое что пришло в голову, это дурацкая мысль о страшилках. В детстве Григорий с друзьями любили так дурачиться в пионерлагерях и пугать вожатых и друг друга по ночам. Механик широко открыл рот, врубил фонарик и направил луч себе в рот, так что осветились только зубы. На всякий случай он даже тихонько зарычал.

Сработало на все сто. В наступившей тишине послышался глухой звук падающих на землю сабель и кистеней. Разбойники на несколько секунд остоленели, а затем из груди Семена донесся сдавленный хрип:

— Атас, нечистая...

На подкосившихся ногах все, кто стоял перед освещенным механиком, с криками разбежались кто куда, огласив окрестности диким воем. «Не на того напали, — подумал им вслед Григорий, выключил фонарик и снова растворился в темноте».

Спутник Семена, трусивший больше всех, с разбега налетел на своего атамана, что стоял в десяти шагах от места событий, прислушиваясь к тому, что происходило в темноте. Косой схватил его за шиворот и рявкнул:

— Ты че орешь, дура, раньше времени смерти захотел?!

Разбойник продолжал вырываться, махать руками и орать на весь лес:

— Там, там, там... нечистая, лешак, мертвечина!!!!

— Ты чо несешь, дура!

— Оно светиться во тьме и зубы вот такие...

— Ты чо...

В этот момент Забубенный решил пойти в атаку. Он под шумок приблизился к разбойникам, оскалил пасть и снова включил фонарик. Атаман по кличке Ванька Косой хоть и был не робкого десятка, но фонариков в своей жизни еще не видел. Эффект неожиданности снова отменно сработал.

Косой разжал пальцы, отпустил разбойника, который тут же с ревом унесся в темноту, и пробормотал:

— ...И правда мертвяк...

— Светится... — подхватил Рваный и заорал во все горло, — тикай братцы, нечисто тут!!!

Бросив саблю, бравый атаман Ванька Косой, наводчик Рваный и его спутники с воплями бросились врассыпную. Бегство их добавило суматохи в сечу, что еще шла вокруг, но уже близилась к своему концу. Душегубы теснили ратников черниговских повсюду, ибо числом их втрое больше было. И скоро всем воинам пришел бы конец, но, услышав крики атамана, разбойники решили, что напали на заколдованное место. Видно, проклятый клад был у купцов, и бились они уж много времени с мертвяками, в которых те купцы оборотились вместе с охраной. То-то никак одолеть не могли разбойники охрану купеческую, числом малую, как им напел Рваный. Побросав оружие, разбойники разбежались с криками по лесу, а через пять минут их уж и след простыл.

Увидав неожиданное бегство ратники Путята, решили, что отбились от нападения и стали собираться к угольям костра почти потухшего. Потери посчитали. Тяжко им пришлось, разбойников-то много больше было. Порубили душегубы в сече ночной семерых из ратников черниговских, среди них двое отроков было: Черный и Митяй, по неопытности сгинувшие.

Но об этом Забубенный позже узнал, а сперва, как разбежались разбойники по лесным закоулкам, он, подивившись магической силе фонарика своего, минут пять думу думал: тикать или не тикать на свободу. Решил пока не тикать. Остаться с Путятой до времени, он же теперь, можно сказать, воеводе пользу принес и верность партии доказал. Может и награда какая выйдет теперь или премия. А если так, то Путята мог при случае за него и словечко замолвить. Ведь не последний человек в местной иерархии, да и с князем тусуется. А ну как в будущем сгодится это знакомство, подумал дальновидный механик.

Порешил так, и к костру стопы свои направил. Сильно не скрывался, шел прямо на звук, ну и вышел на ратников, а те как раз потери считали. Услыхали они, как ветка под ногой чьей-то треснула, за мечи схватились. А Забубенный сдуру решил над ними подшутить, взял и снова фокус с фонариком выкинул.

Ну, ближайших ратников как ветром сдуло. А за ними и все остальные устремились. Окрестности опять огласились дикими воплями. У костра только воевода остался да Данила, его верный помощник. Стоят, за мечи, схватившись, всматриваются. Сами от страха сквозь землю провалится готовы, но с места не сдвинулись.

— Ну а вы что, служивые, честь мундира бережете? — не удержался от ерничества Забубенный, — чего со всеми деру не дали?

Путята и Данила переглянулись. Воевода сплюнул, опустил меч, воткнув в землю.

— А нам нечисти не пристало бояться, — ответил Путята, — так это ты по лесу шатаешься да огонь из руки выпускаешь? А я-то думаю, чего это разбойничков Васьки Косого как ветром сдуло. Не резон им было дело бросать по середке. Еще чуток и порубили бы нас под чистую.

Григорий подошел поближе и сел на пенек, оставшийся от поваленного дерева. Выключил фонарик.

— Это точно, господа ратники, так что цените, это я вас спас. С помощью своего огненного друга. Так что, с вас причитается. Минимум поллитра.

Путята с Данилой хоть и храбрились, но приближаться к механику пока не спешили.

— Так ты, паря колдун, что ли? — раздался законный вопрос.

Над поляной повисла тишина. В лесу еще царил мрак, но над верхушками деревьев уже понемногу светало.

Забубенный призадумался. «Вопрос, конечно, политический. Скажу колдун, а вдруг здесь колдунов тоже на кол сажают. Хотя, с другой стороны, если скажу что не колдун, все равно не поверят. Я же с фонариком по лесу шатался, разбойников разогнал, да своих распугал. Народ-то темный. Физики с математикой не знают, про электричество и слыхом не

слышали. Эти любого фокусника в колдуны запишут». Рассудив так, Забубенный ответил.

— Нет, не колдун я. Так, умею кое-чего сотворить, да фокусы показывать. Такой же мужик я, как и вы, в общем.

А поскольку ситуация позволяла, то на всякий случай Забубенный пригрозил.

— Но если кто меня соберется обидеть, того враз обращу в придорожный валун.

Путята присел на поваленное дерево. Данила опустился с ним рядом и подкинул сучьев на почти потухшие угли. Сучья, весело потрескивая, загорелись. Поляна осветилась, темнота отступила за ближайшие деревья.

— Я сразу смекнул, что не так ты прост, как кажешься, паря, — после долго молчания изрек наконец воевода, — а чего это у тебя за посох, из коего свет исходит?

— Да это фонарик «Варта» на двух батарейках, — просто ответил Григорий, снова нажал на кнопку и скользнул лучом по деревьям. Воевода с Данилой вздрогнули, потянувшись к оружию, — Хорошая вещь. Не раз выручала в походах. Подсветить где темно. Вот и теперь пригодилась. Жаль только, батарейки не вечные. Не придумали таких еще.

Ратники сидели насупившись. Смотрели в костер.

— Опять ты чудно заговорил, — сказал Путята, — Не новгородец ты паря, ой не новгородец. Чует мое сердце, что не отсюда ты. Больно уж чудной. Уже решил, что разгадал я тебя почти, а теперь опять что думать не знаю.

— Да новгородец я, новгородец. Не загружайтесь, гражданин начальник на эту тему, — успокоил его Забубенный, — Просто я новгородец с фонариком. Если хотите, черт с вами, буду колдуном. Но не долго.

Ничего не ответил Путята, снова замолк. А когда опять дар речи к нему вернулся, то его интересовало теперь только одно:

— Так ты с нами в Чернигов-то поедешь, по своей воле? Или заколдуешь всех придорожными пнями?

Ободренный действием своей угрозы, механик понял, что и в этом мире можно устроиться, если вовремя подсуется. Повезло ему с фонариком, что ни говори. Приятно иметь дело с темными людьми, и на них можно управу найти, даже если они посильнее выходят местами.

— Подумаю, — медленно и со значением протянул Забубенный, — мне торопиться теперь некуда. Так что может и поеду. Надо как-то себя развлекать. Только зачем я-то вам сдался. На кол что ли сажать некого?

— На кол никогда не опоздаешь, — вставил слово добрый Данила.

— А вы меня там со своим черниговским князем познакомите? — поинтересовался Григорий, пропустив мимо ушей Данилову присказку.

Путята снова переглянулся с помощником.

— А зачем тебе? Порчу наводить?

— Да, ну, что вы, граждане, — успокоил их Григорий, — порчу только на плохих людей наводить можно. А ежели ваш князь мужик хороший, то все будет о'кей. Обойдемся без порчи. Да я может ему службу еще какую сослужу.

— Князь у нас на то и князь, чтоб ему решать, кто плох, а кто хорош, кого на службу брать, а кого метлой гнать, — ответил воевода, — а я его верный пес и оборонить его должен ото всех врагов. И от нечисти, если придется. А то сейчас время темное, всякое может случиться.

Забубенный, заинтригованный недомолвками воеводы, спросил напрямую:

— Да что происходит-то вокруг, мил человек, расскажи. А то схватили меня, везете куда-то супротив воли. Я вас от смерти спас, можно сказать. А сам, как ты понимаешь, даже не в курсе.

Воевода вздохнул и нехотя проговорил.

— Думал я тебя обспросить, может, что знаешь о черных делах, что ныне творятся в половецких землях, — сказал воевода, — Что за дикие люди с гор спустились, да начали по

степям колобродить. Да видать зря хотел, ты не половчанин, это ясно теперь. Так что и не знаю, нужно тебя в Чернигов теперь везти, а ли нет. Непонятен ты мне по-прежнему.

— Надо бы, — снова вмешался Данила, — ратники такого теперь болтать будут, что без него мы от князя не отговоримся. Слухи пойдут. Надо его хоть показать Мстиславу, а там пусть князь сам решает. Что хочет, то и делает с ним.

— Данила, — напомнил Забубенный про свои тайные возможности, — ты забыл, что я теперь вольный человек. Хочу еду, хочу, нет. Про пень придорожный помни.

Данила осекся. Но потом все-таки проговорил:

— Да князь у нас мудрый. За зря не обидит. Поехали с нами. А за то, что помог нам от разбойников отбиться, да воеводу спас, может и взаправду тебе награда выйдет.

Путята молча посмотрел на механика, как бы подтверждая взглядом слова своего помощника.

— Ну ладно, уломали, — кивнул Забубенный, — Поехали в ваш Чернигов. Я вообще-то люблю путешествия, туризм, горные лыжи. Но, думаю, у вас этого нет еще. Для начала ограничимся осмотром местных достопримечательностей. Только дайте мне седло или коня нормального.

— Ты ж их боишься, — подивился Данила.

— Ничего, я за этот долгий день уже научился, так что как-нибудь справлюсь.

Григорий осмотрелся по сторонам. Уже почти рассвело. Между деревьями сгустился утренний туман, из-за которого корни сосен как будто тонули в нем, а стволы казались висевшими в воздухе. Скоро из-за соседних деревьев стали по одному появляться разбежавшиеся в ужасе ратники. Увидев мирно сидевших у костра Воеводу, Данилу и Забубенного, они осмелели и приблизились. Воевода рассказал всем рабочую версию о том, что Григорий оказался добрым колдуном, и благодаря его чарам была одержана победа над разбойниками атамана Васьки Косого.

Приняв все это на веру, успокоенные ратники стали собирать разбросанное в панике оружие. Одного из коней Путята велел отдать Забубенному, рук не вязать, и впредь считать его свободным. Но на всякий случай велел Изяславу, что чудом выжил в бою, рядом ехать. Вдруг конь взбрыкнет, ведь не Савраска это уже была, а скакун боевой, хотя и не из самых резвых.

Как схоронили погибших, собрался далее в путь черниговский отряд. Путята обещал, что после полудня придут они под городские стены, да пред очи светлые Мстислава Черниговского ответ держать.

Глава пятая

«Во Чернигове»

От места ночевки тропа лесная пошла сначала вниз с холма, а потом опять круто вверх. Ехали почти в том же порядке, впереди воевода со знаменосцем, а позади Забубенный с Изяславом. Только количеством ратников поубавилось после нападения разбойников.

Забубенный после ночных происшествий смотрел гордо, словно ему только что присвоили внеочередное звание генерала армии, сразу после младшего лейтенанта. А поскольку новый конь ему попался тоже относительно смирный, из тех, что везли ранее отроков, не брыкался и сбросить не пытался, то новоиспеченный генерал армии весело болтал со своим бывшим конвоиром о всякой всячине, предоставив коню самому идти вперед. Лишь изредка ему приходилось дергать за примитивную уздечку, поскольку конь так и норовил сойти с дистанции, и не торопясь пожевать коры в свое удовольствие на какой-нибудь полянке. Нового коня Забубенного звали Жорик. Имя механику понравилось, приятно напомнив народную кличку «Запорожца» среди работников автосервиса и простых автолюбителей.

В минуты сытости Жорик шел четко по тропе, которая здесь считалась лесной дорогой,

давая хозяину возможность пообщаться с Изяславом. Отрок, как скоро выяснилось, довольно спокойно отнесся к смерти своих друзей. Мол, нечего в боевом походе клювом щелкать. Сами виноваты. А смерть она любого ратника ждет, из-за каждого дерева таращится. Да и пожить успели, не младенцами мир сей покинули. Отроки уже.

Забубенный, конечно, согласился, что не младенцами, да только торопиться все равно не стоило. Лет им было в лучшем случае по семнадцать. Хотя, по местным меркам, действительно выходило, что уже не дети. Вспомнились механику всякие книжки, читанные в свое время, где писали историки о времени этом. Говорилось в них, что в тридцать лет мужик здесь считался старым стариком. Редко кому удавалось прожить так долго, ибо неизлечимые болезни, дикие звери, да постоянные войны укорачивали век человеческий очень сильно. И даже сам обычай уважать старших пошел из этих древнейших времен. Поскольку если ты умудрился не умереть от болезней, холеры да чумы, что свирепствовали повсюду, шатаясь с утра до ночи по лесам избежать встречи со свирепыми хищниками, да проведя полжизни в седле боевом не сгинуть от ран, то чтобы дожить до старости, ты действительно мог быть только мудрым и сильным. А потому тебя стоило уважать.

Григорий вообще был большой любитель истории, особенно про русичей читал много. Но только был у него один недостаток при этом: избирательная память на счет событий и дат. То есть, прочитав о чем-то, он вроде бы суть дела запоминал, но вот где это было, с кем и когда в точности сказать не мог. Забывал детали. За это его в школе учителя бранили и ставили двойки по истории, хотя он старался изо всех сил. Ну, вот память у него была такая, избирательная. А вот с языками было наоборот. К иностранным словам Забубенный имел явную склонность и запоминал целые страницы текста очень быстро и без напряжения.

Вспоминая, Забубенный подумал о своих родных временах, в которых любой даже никчемный человек, сторонясь тяжелой работы, да периодически заходя в аптеку, мог дожить до глубокой старости. А человек смелый и работающий мог сгинуть раньше времени от пренапрягов. Обычай же уважать старших оставался в неизменном виде. И подумал о том, что древний взгляд на мир был ему больше по сердцу. Ведь если родился ты дураком, повзрослел, а ума не набрался, ничему не научился — стал зрелым дураком. Ну, а постарел — стал старым дураком. Ну, за что тебя уважать? Только за возраст? Не правильно это выходило. Нет, место в троллейбусе конечно уступать стоит, но уважать по полной программе можно только за заслуги настоящие, а их подтверждать надо.

— А почему поход-то боевой, а Изя? — спросил механик-новатор зацепившись за сказанное отроком слово и решив, пользуясь случаем, разузнать побольше о ситуации, — вроде не на войну идем. А ли кроме разбойничков какие вокруг регулярные враги имеются?

— Враги вокруг всегда имеются, куда ж без них, — нехотя пробасил отрок, — Только это я так сказал, к слову пришлось.

— Ой, что-то ты темнишь, паря, — проговорил Забубенный тоном воеводы и дернул за уздечку Жорика, который в очередной раз направился влево от основной тропы, заприметив вкусную молодую сосенку.

Вернув коня на основной курс, Григорий скосил взгляд назад, где временно оставленная Савраска в одиночестве тащила свой арсенал из копий, и продолжил информационную беседу.

— Значит, говоришь, войны сейчас нет, и копыя эти мы так с собой тащим, поохотится, — заметил он, — А что за дела срочные у воеводы в Чернигове? Может рать собирается идти куда?

— Про то мне не ведомо, у воеводы спроси, — отрезал Изяслав и замолчал, словно не хотел более говорить об этом.

Любопытный механик и сам решил не расспрашивать больше Изю. Подумает еще, что шпион засланный. Хотя теперь его и охраняла магическая сила колдуна с фонариком, но кто их знает, надолго ли хватит этого впечатления. Вдруг решат, что вся его сила в фонарике, украдут ночью или отберут, а там и на кол недолго посадить. Кому нужен засланный колдун. Тут, похоже, с этим тянуть не станут. Так что лучше сохранять вооруженный нейтралитет,

вдруг сойдет за своего и без фонарика. А как батарейки сядут, что тогда делать? Но об этом механик решил пока не думать. Доберемся до Чернигова, осмотрим город, с князем пообщаемся, а там видно будет, что дальше делать.

Затяжной подъем понемногу заканчивался. Растянувшийся по тропе отряд остановился на вершине лесного холма поджидая последних, то есть Забубенного с Изяславом. По мере подъема механику все слышнее становился какой-то монотонный шум или рокот, явно естественного происхождения. А когда дюжий Жорик взобрался на самый верх и остановился среди себе подобных, рокот усилился многократно. Бросив взгляд в ту сторону, откуда доносился шум, Забубенный узрел внизу меж деревьев широкую синюю ленту воды. Это была река.

— Где это мы? — уточнил механик у воеводы.

— А ты сам не знаешь? — попытался в очередной раз вывести географические познания непонятого путника Путята.

— Да откуда, — отмахнулся механик, — я же говорил, что сами мы не местные, из Новгорода. Тамошние речки знаю, Волхов там течет. Еще Неву знаю, Москву-реку и Черное море. А это что за речка мне не ведомо. Много их на Руси по лесам-полям течет.

— Это, брат, Десна, — ответил за воеводу Данила, с радостью рассматривавший реку, блестящую внизу под холмом, — наша родная река. Кормилица наша. Есть-пить дает. Мы тут все почитай и выросли.

— Так ты что, из рыбаков что ли? — уточнил Забубенный, — тут на мормышку зимой окунь берет?

— Хватит болтать, — перебил его воевода, — князь ждет, поскакали быстрее.

И направил коня по тропе, что спускалась с холма вниз, скоро теряясь среди деревьев.

— А долго еще ехать-то? — попытался уточнить Забубенный, — есть уже охота. Хорошо бы второй завтрак устроить. Привал там, перекур.

Но Путята не удостоил его ответом.

— После полудня будем, — опять ответил за него Данила, — там тебя и накормят.

— Звучит угрожающе, — пробормотал механик, но больше вопросов задавать не стал.

Ратники один за другим снова растянулись по тропе, что вела с холма вниз, а потом вверх по течению Десны. Забубенный с Изяславом и верной Савраской замкнули строй и потрусили следом за основными силами отряда. Похоже, ждать действительно оставалось не долго.

Скоро даже не обученный всяким охотничьим премудростям глаз Забубенного стал отмечать присутствие в здешних местах людей. Раза два попались небольшие костровища справа и слева от тропы, словно кто-то очень аккуратный выезжал на шашлыки и не оставил после себя ни соринки, только пару поваленных сосен. Еще через сотню метров увидел механик небольшой шалаш из веток березы, что стоял, притулившись у дерева метрах в пятидесяти от воды. Григорий решил, что это рыбаки местные соорудили на случай непогоды. А рыбы здесь должно было быть видимо-невидимо.

То тут, то там попадались пни от свежесрубленных деревьев. Кучки конского навоза. Скоро сама тропа расширилась и стала походить на проселочную дорогу. А когда отряд Путяты обогнал телегу с двумя мужиками, что тащилась в том же направлении, Забубенный ощутил приближение местной цивилизации. Казалось, еще чуть-чуть и возникнет из-за угла разлинованный черно-белыми полосами шлагбаум, а за ним пост ДПС при въезде в город.

Шлагбаума не возникло, зато из-за поворота дороги возник передвижной пост в виде пятерых конных ратников, главным из которых был здоровенный детина в кольчуге и блестящем шлеме. Его широкое лицо укутывала огромная черная борода. «Ну, прямо, дядька Черномор, решил Забубенный, подъехав поближе».

Увидев Путяту, детина с бородой чуть не вытянулся по струнке в седле своего тяжеловоза.

— С прибытием, воевода, — радостно пробасил он.

— Здорово, Геронтий, коль не шутишь, — приветствовал его в ответ Путята, остановив

коня, — Ну как дела в Чернигове и окрестностях? Все ли сообразно?

— Тихо пока, — сообщил Геронтий, — Князь, уж заждался. Велел с дороги сразу к нему.

— Ну, то я и сам разумею, — кивнул воевода, — Не будем время за зря терять. А ты носи службу крепко, чтоб ни одна мышь без спросу не прошмыгнула.

— Оно понятно, — кивнул задумчивый Геронтий.

На том и расстались. Отряд ускорил свой ход и поскакал в город по все расширявшейся дороге. А дозор во главе с Геронтием не спеша поехал вперед. Пропуском в Чернигов послужила личность воеводы, сообразил Забубенный. «Интересно а какой паспорт придется предъявлять тем мужикам на телеге что тащились сзади за отрядом, пришла неожиданно мысль в голову механика. Наверняка с рыбалки возвращаются, а ли из местной командировки. Небось, тормознут их brave ратники на проселке, и давай шмонать: мол, колеса не того диаметра, техосмотр телега не прошла, аптечки нету, короче, — делись рыбкой и вали дальше. Забубенный до того распереживался из-за плодов своей буйной фантазии, что даже обернулся назад, и посмотрел в след предтечам гайшников, которые уже почти скрылись за поворотом дороги.

Еще через пару километров по проселку стали попадаться первые домишки местного крестьянства. Большинство лепилось прямо к берегу Десны. То были либо хибарки, слепленные из обломков древесины, либо вообще землянки, возвышавшиеся над землей только небольшим скатом накладной крыши из дерна. У особо зажиточных домишек виднелись плоскодонные лодчонки. Видно, промышлял народ здесь, как водится у речных жителей, рыболовством на жизнь.

Как бросилось в глаза Забубенному никакими трехэтажными особняками новых русских здесь и не пахло. Наверняка, местные бояре жили в самой крепости, опасаясь вражеских набегов. Ибо в случае войны или разбойного нападения все эти займища и починки первыми попадали под удар и почти полностью выжигались. Гораздо безопаснее было жить гурьбой в городе. Но, как и во все времена, места для всей голытьбы в столице не хватало, вот и приходилось народу обживать ближайшие территории: берега рек, да обочины дорог. Все к стенам крепости поближе, в случае чего можно в стенах спрятаться, а ли в лесу затеряться, жизнь свою спасти. Ну, а имущество, — дело наживное. Сегодня есть, завтра нет и наоборот. Да, судя по местной крестьянской архитектуре, имущества тут отродясь не водилось. Не было, видать, крепких хозяйственников.

Скоро избушки по краям дороги стали расти в количестве и друг к другу все теснее жаться. Народу бродячего поприбавилось. Люд встречный приветствовал воеводу, останавливался, завидев конный отряд, шапки ломал. По всему выходило, Путята тут был личность известная, полету высокого, не какой-нибудь рядовой ратник. Оно и так было понятно, да только Забубенному непривычно, словно ехал он сейчас рядом с уважаемым генерал-губернатором, да еще предварительно обещал на него порчу навести, если тот не выделит участок под строительство дачи. Как-то даже совестно стало за мистификацию с фонариком и введение власти в заблуждение. Но, вспомнив про обещанный кол, Забубенный передумал и успокоился. Этот, блин, генерал-губернатор, еще птица темная, неизвестно что от него ожидать приходилось из подарков. А кол, — штука реальная.

Тем временем отряд проехал через утреннее скопление народа в слободе и оказался у самого берега реки. Забубенный во все глаза искал признаки деревянного моста наведенного через узкое место Десны, но пока ничего не увидел. Река здесь была конечно гораздо уже, берега расходились всего метров на сто, но при желании утонуть было можно. Путята, не раздумывая, направил коня в воду, за ним последовали все остальные ратники. Лошади с шумом погружались в воду по самое брюхо и шли вперед, осторожно переступая копытами. Когда дошла очередь до Забубенного, он закрыл глаза на мгновение, мысленно перекрестился, и, собравшись с духом, шлепнул Жорика пятками по бокам. Тонуть вместе с лошастью как-то не хотелось. Да и без нее не хотелось. Жорик, не обратив на команду никакого внимания, несколько секунд постоял, размышляя о чем-то своем, а затем ровно

вошел в воду и устремился за остальными. Сразу за ним в воду устремился Изяслав, тянувший за узду Савраску с копьями.

Обернувшись через десяток метров назад, механик бросил короткий взгляд на своего первого коня. Савраска рассекала воду словно заправский броненосец, даже груз копий ее, похоже, не смущал.

Еще через десяток метров, почти на середине переправы, конь Забубенного вдруг яростно забил копытами и начал терять дно. Но, почуяв, что земли уже нет, быстро успокоился и поплыл. Видно Жорику, как боевому коню, не рас приходилось форсировать реки. Оно и понятно, с мостами, понтонами и паромами тут были временные напряды.

Григорий посмотрел, что делается впереди, и увидел, что весь отряд уже плывет через Десну на своих лошадях. Довольно сильное течение постепенно сносило ратников вниз, но никто из них не паниковал и не кричал, словно так оно и было задумано. На другом берегу, механик заметил толпившийся народ, для которого переправа ратников был чем-то типа утреннего киносеанса на халяву. А выше, над кронами прибрежных сосен, Забубенный увидел маковки каких-то высоких строений. Похоже, это были башни крепостной стены.

Скоро сильное течение подхватило Жорика и понесло вниз. Забубенный немного забеспокоился. Было холодно и мокро. Повернувшись к рассекавшему рядом воду Изяславу, который тянул за собой на поводке Савраску, механик спросил:

— Слушай, Изя, а у вас тут на реке лоцманы водятся?

Отрок отрицательно мотнул головой.

— Не слыхал пока.

— А глубину кто-нибудь мерял?

— Да чего ее мереть-то, пока утопло не много. Да не бойсь, тут не глубоко. Скоро кони дно почуют.

В следующее мгновение, словно услышав слова отрока, Жорик глухо ударил передними копытами о каменистое дно, а через несколько гребков уже скреб по нему всеми четырьмя. Григорий поднял голову и увидел, что Путята с первыми ратниками уже выбрался на берег и поджидает остальных. Спустя несколько минут арьергард в составе Забубенного, Изяслава и транспорта типа «Савраска» присоединился к основным силам отряда.

Выбравшись на берег, отряд поднялся вверх по крутому берегу, оказавшись в редком лесочке. Скоро дорога, наконец, вывела ратников на открытое место, сразу за которым Забубенный узрел длинный пояс бревенчатых стен с бойницам, перемежавшихся островерхими башнями. Под стеной был виден не очень глубокий ров. Сама дорога, пройдя через поле, упиралась в ворота огромной величины, сооруженные между башнями. Ворота были закрыты, мост поднят.

Похоже, это смутило Путяту.

— Знать, невесело сегодня князю, — пробормотал он и, пришпорив коня, поскакал к воротам.

Остановившись на краю рва, в котором, как увидел Забубенный, воды не было, воевода неожиданно зычным голосом гаркнул:

— А ну открывай, бездельники, своему воеводе! А ли не увидали кто прибыл, спите что ли?

Из башни высунулось действительно заспанное рыло и мгновенно исчезло обратно. Вместо него, спустя время малое, показалась более достойная личина с бородой и в шлеме, затянутая в кольчугу.

— Нам спать никак нельзя, — философски заметил новый человек и зевнул, — Ибо враг на подходе. А своего воеводу мы завсегда увидим. Здрав будь, Путята Алексич.

— То-то и оно, — отвечал воевода, — отворяй, Гаврила Боречич! Князь, ждет.

— Ужо отворяют, отроков послал.

Скоро послышался лязг и скрип за воротами. Дрогнул огромный створ и отворился. Затем и мост под копыта воеводских коней опустился, закрыв собой ров.

Отряд, следом за воеводой, вступил в город.

— Добро пожаловать в Чернигов, — крикнули им в след с башни.

Взору Забубенного, по-прежнему обретавшегося в арьергарде, предстал древнерусский город. Собственно в книжках по истории врал не сильно. Общие черты совпадали. Стены со рвом вокруг города. Деревянные лачуги внутри начинались сразу от городских ворот. Здесь их было так много, что появились даже подобия улиц. Затянутые бычьим пузырем прорубы вместо окон. Дворы, огороженные забором. Помои выливались прямо на улицы, а потому вонища стояла страшная. Даже кони, казалось, с омерзением наступали в помойные лужи, попадавшие под копытами через каждые три метра. Забубенный пожалел, что не захватил с собой противогаз. Впрочем, остальные ратники ничуть не раздражались резкими запахами. Скорее просто радовались прибытию домой и оживленно глазели по сторонам, переговариваясь, словно о том, что изменилось за их долгое отсутствие.

Постепенно продвигаясь вперед одному воеводе известным маршрутом отряд проезжал мимо множества домишек и Забубенный скоро стал улавливать разницу. Город стоял на крутом берегу, на холме, возвышавшемся над Десной, а внутри был разбит на кварталы. Судя по запахам, квартал притулившийся у городских ворот был кварталом кожевников, где мяли кожи и делали всякие полезные штуки от обуви до доспехов кожаных. Потом запахи изменились. Стал преобладать дым и запах металла горячего. Значит, въехали в квартал, где обретались кузнечных дел мастера. И правда, механик-новатор заметил, что дым здесь валил из всех щелей, повсюду виднелись дома с широченными дверями или просто навесы на столбах, а во дворах кучками стояли здоровенные полуобнаженные мужики в фартуках и колдовали над какими-то сложными приспособлениями. «Меха, — догадался Забубенный, — прообраз мартеновской печи, а это первые литейщики-металлисты». То и дело из-под навесов выбегал какой-нибудь отрок из подмастерья с раскаленной заготовкой меча в руке и совал его в воду. Будущий меч страшно шипел и пускал пузыри, охлаждаясь. Работа во всех кузнях кипела, словно все черниговские кузнецы недавно получили госзаказ.

Неожиданно эта мысль механика получила подтверждение. Остановившись рядом с одним из дворов, Путята знаком подозвал мастера.

— Здрав будь, воевода, — сказал, подойдя вплотную здоровенный потный мужик в грязном фартуке, о который он как раз, не торопясь, вытирал руки. Лоб его и русые волосы были перехвачены тонким металлическим обручем. Как вспомнил Забубенный, таких надо было называть «косая сажень в плечах».

— Здорово, Михайло. Ну что, готов заказ княжеский?

— Почитай все готово, — кузнец Михайло кивнул в сторону выстроившихся вдоль стены кузни новехоньких мечей, — Завтра к утру, как и было велено, все откуем.

— Добро, — удовлетворенно кивнул воевода и подозвал знаком отрока Изяслава, — Нако вот тебе еще работы. Возьми эти копыя, да наостри оконечники, так чтоб щит вражеский пробивали с одного маха.

Изяслав спешил и под уздцы завел во двор кузни Михайло еле передвигавшую ноги после длительного похода и заплыва Савраску, груженную мокрыми копиями. К концу пути видать силы стали покидать престарелую Савраску и, едва ступив на двор, она рухнула на бок под тяжестью груза.

— Лошаденка устала, — резюмировал Забубенный.

Не обратив на припадок Савраски никакого внимания Михайло, подошел к валявшейся лошади, присел на корточки и внимательно осмотрел наконечники копий. Пересчитал, прикидывая объем работы. Видно остался доволен, кивнул сам себе, а потом встал и ответил воеводе:

— После завтра к обеду будет.

— Уговорились, — в ответ кивнул Путята, — этот отрок к тебе заедет за заказом. И лошадь заберет, если еще жива останется.

Теперь Михайло заметил лошадь и посмотрел на Савраску с видом знатока, который не первый день общается с лошадьми.

— За этой-то? — переспросил хитрый кузнец, — да она ж у вас вечная. Отлежится

немного, отожрется, ее только подковать маненько и снова тягать тяжести начнет, как молодая.

Воевода понял, куда клонит Михайло, и сказал, как отрезал:

— Ковать не надо, кормить тоже. Она свое пожила. Если оклемается, то заберем. Ты, копьа востри, да ни о чем другом не помышляй. Князю оружие скоро понадобится во множестве. Торопись.

— Оно понятно, — заметил кузнец.

На том и расстались. Проехав еще несколько кварталов, запахи в который уже висели более тонкие, то ли одежду с нарядами там шили, то ли непахучее чего делали, отряд выбрался на небольшое открытое пространство. Забубенный осмотрелся по сторонам и понял, что это была площадь перед воротами в терем княжеский. Путь туда преграждали десять ратников с копьями в руках, что сразу признали воеводу, и срочность его миссии оспаривать не стали, пропустили во двор внутренний.

Оказавшись во дворе княжеского терема, механик стал с жадностью озираться по сторонам. Оно и было понятно, не каждый день простые механики с автосервиса попадают в гости к Черниговскому князю. А терем был знатный, словно из сказки: башни высокие резные с золочеными князю флюгерами в виде рыбок да петушков поверху. Окна повсюду резные с наличниками, а в них не бычий пузырь, сразу видать, а слюда всяких цветов отсвечивала. Да крыльцо богатое резное с колоннами да лавками широкими.

На крыльце том стоял видный муж в дорогих одеждах, золоченых штанах, кушаком подпоясанный. Его широкое лицо с умными глазами, обрамляли волосы черные как смоль и борода умеренной длины. То и был князь Черниговский, что в народе прозывался Чернявым. А за спиной его тенями виделись два ратника в полной броне с мечами у пояса.

Глава шестая **«Мстислав Чернявый беседует»**

— Ну, Путята, пес мой верный, — сказал сей муж, ухмыльнувшись, воеводе спешившемуся, — Долго я тебя ждал. Знать, порасскажешь ты мне немало. Да и я тебя кой чем обрадую.

Поклонился воевода стоявшему на крыльце и молвил в ответ:

— Не гневись, княже. Поспешали мы, как могли, к тебе на встречу. Да только много напастей да заминок по дороге приключилось. Вот и опоздали маленько.

Нахмурился князь.

— Нынче время такое, что и день опоздания может много стоить, — отвечал Мстислав Чернявый не то воеводе, не то сам с собою размышляя, — Заходи воевода в терем ко мне потолкуем о делах наших многотрудных. А ратников на отдых отпусти.

Тут присмотрелся пристальнее князь Черниговский к воинам за спиной воеводы на конях сидевших.

— Что-то, я смотрю, людей у тебя поубавилось, а ли отстал кто?

Вздыхнул воевода негромко.

— Да нет, княже. Напали на нас ночью в лесу дремучем разбойники числом вдвое более, чем воинов у меня находилось. Сеча была сильная. Почитай на треть ратников моих скосили в бою ночном с лихими людьми. Да еще двое отроков, Черняй с Митяем, богу души отдали.

Путята снова вздохнул и добавил, указав на Забубенного.

— Мы бы там и все сгинули могли, да помог нам человек сей новый. Разбойников распугал колдовством своим.

Забубенный ухмыльнулся и подумал «а воевода, ничего, слово держит, только бы не переборщить с колдовством».

Князь с удивлением воззрился на механика, опосля чего снова спросил Путяту.

— А с каких это пор, воевода, колдуны тебя от напастей спасают? А ли сам уж не в

силах?

Промолчал мудрый воевода, склонив голову. Ждал решения княжеского.

— Ну да ладно, — рассудил Мстислав, — заходи в терем, время о деле поговорить. Да колдуна, своего спасителя, возьми, я и его за одно порасспрошу.

Воевода подал знак, и Данила с остальными ратниками выехал с княжеского двора, подняв тучу пыли, отправился на постой. «Интересно, подумал Забубенный провожая их взглядом, а где же у них казарма?». Но ему и самому пора было переходить к действиям. Механик спешился, отдал поводья подскочившим конюхам и двинулся во след за воеводой.

Пройдя за Путятой сквозь резные двери, Григорий оказался в просторном помещении, уставленном по стенам лавками. Из узких окон лился слегка размазанный слюдой свет. «Ни дать, ни взять гостиная, решил про себя механик, только вот с мебелишкой тут туговато. Диванов кожаных не хватает. Наверняка здесь бояре всякие княжеской аудиенции ждут, да в зубах ковыряют. Им на таких лавках и до геморроя не далеко».

Княжеские телохранители, разделившись, шли один следом за своим хозяином, а второй между воеводой и Забубенным. Из светлой горницы в следующую, длинную и узкую, вел проход через двери широкие, по краям которых стояли еще два охранника при оружии и, как полагается, с окаменевшими лицами. «Да, — снова подумал Забубенный, — секьюрити на каждом шагу. Видно, князю Черниговскому приходится постоянно опасаться за свою жизнь. Разборки тут какие-то, наверняка. Борьба за власть. А может, заказал кто из конкурентов?».

Третья горница была обвешана доспехами, копьями, да мечами, напомнив механику музейные залы в хорошем состоянии. Далее из нее было два выхода. Воевода свернул налево, Забубенный тоже. Очередная комнатка больше походила на зал ожидания для нежеланных гостей. Окно здесь было всего одно, у стены напротив стоял дубовый стол и лавка, а метров в ней было не более десяти. Шедший за воеводой княжеский охранник вдруг развернулся и преградил путь Григорию. Механик резко притормозил, вопросительно взглянув на быка-секьюрити «И чего ему надо? Может, зарубить решил по-тихому?»

— Ты не бойсь, Григорий, — раздался голос воеводы из-за широкой спины ратника, — посиди тут, покудова мы с князем не обсудим дела наши важные. А после судьбу твою порешим. Обожди маненько.

— Ну ладно, — нехотя согласился Григорий, пятясь назад, — только вы там не очень долго. Про меня не забудьте. А я тут пока на лавочке посижу, помедитирую.

— Давай, — согласился воевода, — медитируй, человек.

И скоро его тяжелые шаги затихли, отрезанные очередной дубовой дверью. Григорий осмотрелся по сторонам. Сзади показался еще один охранник и подпер своим плечом косяк, перекрыв пути к отступлению. Оставалось, в самом деле, сидеть и ждать высочайшего решения.

Механик подошел к столу, сел на лавку, опершись спиной о шершавую бревенчатую стену. За спиной по-прежнему висел рюкзачок, а в рюкзаке по-прежнему лежал спасительный фонарик. Неожиданно Григорий ощутил, как он устал за прошедшие двое суток. Спина болела, ноги гудели, отбитая за время скачки попа ныла, словно больной зуб в плохую погоду. Еще влажная после недавней переправы одежда противно облегла тело. Забубенному вдруг страстно захотелось комфорта, посидеть в сауне до десятого пота, расслабиться, а после лечь на мягкий диван, отхлебнуть пива «Балтика» и посмотреть телек. Но действительность предлагала ему жесткую лавку и пустой стол без всякого пива. «Хоть бы аперитива принесли хозяева, — с грустью подумал механик, — и где же хваленая русская гостеприимность? Сиди тут и жди, пока придумают вожди, что с чародеем непонятным делать. То ли наградить за спасение отряда, то ли на кол посадить, чтоб не намутил чего. А может и то, и другое от греха подальше». Всего можно было ожидать.

Но усталость брала свое, и ему даже захотелось спать, несмотря на жесткие доски, на которых покоился сейчас его истерзанный скачкой зад. Забубенный закрыл глаза, и даже задремал на некоторое время. Но подсознание постоянно будоражили навязчивые мысли о

том, что еще не время расслабляться. Что его ненароком могут зарезать во сне и надо быть начеку, пока ты не просек всю местную бодягу, то есть расстановку сил. Кто друг, а кто враг. Кто кому и чего должен, а кто нет. И где твое место, человеке, в этом новом и непонятном для тебя мире, куда тебя непонятно как, и зачем забросило.

«Впрочем, — подумал механик, взглянув на секьюрити, наглухо запечатавших все входы и выходы из комнатенки, — этим амбалам не надо и дожидаться пока я засну, могут и с живого кожу содрать, если князь захочет. Я все-таки сейчас в их полной власти».

Так прошло не меньше часа. Забубенный, в конце концов, прикемарил немного, решив, что от судьбы не уйдешь. И ему даже привиделся сон приятный про сауну с пивом, как вдруг из-за дверей, за которым укрылся князь Черниговский со своим воеводой для совета, раздался раскатистый смех. Судя по голосу, Мстислав от души потешался над какой-то шуткой Путяты. «Анекдоты они там гоняют что ли, со злостью в полусне подумал механик, лучше бы со мной разобрались по-хорошему, да спать отпустили».

Тяжелая дверь со стуком растворилась от богатырского толчка. Механик даже подскочил на месте от неожиданности. Сон с него как ветром сдуло.

— Ой, и потешил ты меня своими байками воевода, — громко заливался Мстислав, — ой и рассмешил, балагур. Почтище шута моего Тришки. Давно я таких баек не слышал.

— Чистая правда, княже, — бубнил обиженно воевода, — огонь из руки выпускать умеет в темноте. Путь освещает без луны. Даже разбойники Васки Косого разбежались в испуге великом, оружие побросав.

— Да где же это видано, чтоб человек из руки огонь пускал, — продолжал потешаться над воеводой князь, — ты, видать, с глузду двинулся на старости лет, брат Путята. Или медовухи выпил лишнюю чарку.

— Чистая правда, — гнул свою линию воевода, — сам видел. А я еще из ума не выжил. Есть у него посох волшебный, в нем вся сила и держится.

Мстислав прошел сквозь соседнюю горницу и приблизился к столу, за которым кемарил уставший механик. Забубенный машинально встал. Его чуть было не потянуло отдать честь, до того статен был князь и грозен видом в ту минуту. Но и улыбка играла в княжеских усах. Путята остановился в дверях позади князя Черниговского.

— Ты, чудак-человек, воевода бает, огонь сотворить умеешь? — спросил князь, подбоченясь.

— Ну, огонь вряд ли, великий княже, зажигалку потерял, — посетовал на судьбу Григорий, — а свет могу при случае, пока батарейки не сели. На то лучше ночью смотреть.

— Не Великий я пока, — заметил князь, ухмыльнувшись, — Черниговским княжеством покамест управляю. А то ты не знал? А ли мысли мои читаешь?

Забубенный дипломатично промолчал.

— А звать то тебя как, человеке?

— Григорий Забубенный, — ответил механик как на духу, — так в паспорте и записано.

Князь прошелся взад-вперед вдоль стола, задумчиво теребя бороду, и снова обернулся к стоявшему перед ним Забубенному.

— Откудова?

— В смысле, где родился? — переспросил Григорий, — ну, ясно где, в Питере. То бишь на берегах моря северного.

— Говорил, новгородский он, — вставил слово воевода.

— Новгородский? — подивился князь, — а чего ж тебе не сидится в вольном городе, среди бояр своенравных? У вас ведь там, народ привык к безобразиям, — что хочу, то и ворочу.

— Оно верно, в принципе, — кивнул Забубенный, — ну, там город-государство, свобода, республика, вся власть боярам, хлеб рабочим и так далее. Но я, как новгородец и человек вольный решил немного попутешествовать, мир посмотреть, себя показать. Шел себе лесом, да заблудился, а тут как раз ваши люди подоспели. Спасли меня, обогрели и в

Чернигов ехать предложили. (Сказав это, Григорий покосился на подпиравшего косяк воеводу, тот, услышав слова эти, только усмехнулся молча). Ну, а я думаю, отчего б не поехать, Чернигов город известный. Туристический центр Руси, можно сказать. Ну, вот и решил принять приглашение воеводы вашего. А по дороге во время ночлега на нас бандиты напали, крутые пацаны с саблями, а я их фонариком, то бишь лучом света среди ночи и пугнул. Спас, значит, ваше воинство от нападения.

— Ага, — кивнул князь, — Путята говорил, что повстречались вы, когда ты там, в лесу девку какую-то пощупать захотел.

— Я? — делано удивился механик, — побойтесь бога, великий княже. Зачем мне девок по лесам шупать? Я уж воеводе все разъяснил. Наговор это.

— Понятно зачем, — усмехнулся князь, пропустив мимо ушей последние слова, и сладострастно потирая руки, — я сам иной раз люблю...это...ну, значит, воевода не сбредал, насчет света ночного? Хорошо, это мы скоро проверим.

Мстислав сел на лавку, на которой недавно дремал усталый механик.

— Путешествовать, значит любишь. Землю топтать без дела, — разговаривая как бы сам с собою, заметил князь, и, прищурившись, спросил стоявшего перед ним навытяжку Забубенного, — А скажи-ка мне путник, не слыхал ли ты чего в своих странствиях о народе неизвестном, что появился недавно в пределах половецких и нанес им ущерб великий? Кто такие, может, ведаешь, откудова, а?

Механик призадумался.

— Ну, я вообще-то, великий княже (на сей раз, Мстислав промолчал, довольно улыбнувшись) историю плохо знаю, в пределах средней школы.

— А ты напрягись, человеке, — ухмыльнулся в усы князь черниговский, — воевода ведь тебе про кол говорил? Говорил, вижу. Не мог не сказать. Он это дело любит. А здесь тебе не Новгород, вече болтливое собирать не будем, раз и тебе уже хорошо. Да и народ городской позабавим, а то у нас тут скучота. Давно развлечений народу не было. Ну, чего молчишь, словно в рот воды набрал? Я ждать не люблю.

Забубенный из всех сил напрягал свои извилины, пытаясь выудить из глубин памяти хоть какие-нибудь сведения об этом времени и происходивших в нем событиях. «Эх, знать бы хоть какой год на дворе, думал механик, перед внутренним взором которого пульсировал новехонький свежеструганный кол. Да про каких людей, что половцам навредили, они мне талдычат? Может ливонский орден, Александр Невский, у него же мать вроде половчанка была? Нет не похоже, это, кажись, позднее было. Может турки? Нет, те далеко живут, да не развились пока до Османской империи. Ну, кто-ж тогда, не фашисты же. Монголы с татарами что ли остаются?».

Механик вспомнил о том, что когда-то в детстве задавали по истории и, что он по счастливой случайности прочел от нечего делать, ибо болел тогда ангиной и сидел дома. В учебнике было написано, как сейчас смутно припоминал Григорий, что монголы за что-то сильно недолюбливали половцев. То ли деньги те взяли в долг и не вернули, то ли вели себя нехорошо и оскорбляли монголов по всякому, короче Чингисхан, это самый крутой хан у них был тогда, разобиделся и послал экспедиционный корпус в тыл к половцам, чтобы хорошенько начистить тем рыло за старые обиды.

А начальником у того карательного отряда был монгольский батыр по имени Субурхан, а помощником то ли Джаба, то ли и Джэбек. Забубенный тогда как раз пересматривал в третий раз «Звездные войны», вот и запомнил. А то ни в жизнь не запомнил бы. Ну, так Субурхан с Джабой оказались хитрыми батырами и не пошли в лобовую на половцев. Вместо этого они зачем-то поперлись через Кавказ, альпинисты хреновы, по дороге побили грузинов, по военно-грузинской дороге спустились с гор и вышли к половцам в тыл.

Ну, понятное дело, половцы не ожидали увидеть у себя в тылу картельную экспедицию разъяренных монголов. И вместо того, чтобы стоять до последнего патрона, они дали задний ход, и отошли к западной границе. То есть на Русь, где у них тогда было уже много родичей. К тому времени уже было не разобрать где чистокровный русак, а где половец-степняк.

Смешанные браки сделали свое дело. Будущий механик даже запомнил имя одного половецкого хана, который смылся с родины в числе первых. Приходился тот хан тестем князю Галицкому Мстиславу, что в народе Удачным прозывали. А звали его смешно как-то, вроде хан Котят или хан Котян. Вот этот Котян приехал в Киев, мать городов русских, и начал панику наводить. Мол, появился из-за гор народ страшный, доселе невиданный, числом несметным навалился на земли половецкие и все отобрал.

Врал ведь, собака. Как посчитали историки, монголов в том походе меньше половцев было почти втрое. Просто они озверевшие были. Ну, понятное дело, три недели шариться по горам без еды нормальной и питья, тут кто угодно озверевает. Особенно когда еду долгожданную увидит. Любого порвет на части. А половцы трусы были известные и вояки никудышные. Как увидели, что запахло жареным и простой стычкой не обойдешься, так и ломонулись на Русь к родичам защиты просить.

Тот Котян задарил всех князей русских, что на совет специально из-за его трезвона собрались, верблюдами, конями, буйволами, да прекрасными наложницами. Брызгал во все стороны слюной и кричал «Нынче они взяли нашу землю, а завтра возьмут вашу!!!». Нервный был очень. Ну, а князья наши, понятное дело, себя крутыми считали, как вареные яйца. Покумекали недолго, на наложниц с верблюдами посмотрели, и решили «Искать неприятеля». То бишь собраться вместе и совместно начистить рыло этому неизвестному народу, чтоб знали те свое место, вернулись откуда пришли, ибо здесь их никто в гости не ждал. А незванный гость, как известно, он и есть не званный гость. Потому как никто его не звал.

Князь Галицкий так и сказал на совете «Да кто они, блин, такие, чтобы наших родичей половцев обижать? Да мы их в бараний рог свернем, да в порошок разотрем. Да у меня в дружине одних богатырей — чертова дюжина!». Прикинули расклад. И у других князей боевиков верных в запасе оказалось не мало. А потому порешили князья Киевские, Галицкие да Черниговские на том совете «Искать неприятеля».

Что было дальше, Забубенный не дочитал. Судя по всему, монголы должны были догнать половцев и добить всех. Только так по их понятиям они могли считаться нормальными батырами у себя на родине. После прочтения учебника у Григория вообще сложилось мнение, что это были на редкость упертые ребята, если что задумают, то пока всех не перебьют домой не вернуться.

В общем единственной версией для ответа Мстиславу Чернявому у Григория пока были монголы. И Забубенный осторожно эту версию предложил.

— Думаю я, что это монголы, — ответил он после своих размышлений, — это они, похоже, нанесли урон вашим половцам, которыми рулил тогда хан Котят или Котян. Точно не помню. Ну а Котян этот князей русских взбаламутил, чтоб за него отомстили. На себе тельняшку рвал, что, мол, монголы угроза страшная и русичам надо отомстить за половцев побитых, иначе и русичам кердык, хотя сам с ними биться струсил. Вот так я разумею.

Хитрая снисходительная ухмылка, блуждавшая до той поры по лицу князя черниговского, мгновенно пропала. Теперь на нем возникло выражение настороженности и недоверия. Видно не того ответа ждал князь. Помолчав немного, Мстислав заметил:

— Да ты, новгородец, похоже, и, правда, колдун. И не только свет из руки выпускать умеешь.

Мстислав рывком стал и шагнул к Забубенному, который при этом несколько озадачился «Может, чего не то сказал?».

— Откуда про совет княжеский ведаешь, что только вчера был? — дыхнул ему в лицо луковым запахом князь Черниговский, — Ибо я с него только ввечеру и вернулся. До Киева, ежели поспешать, за день доскакать можно. А я поспешал.

Ошарашенный Забубенный молчал, не зная, что ответить. Князь снова стал нервно вышагивать по горнице взад-вперед.

— И ведь знаешь все, что Котян говорил, будто сам на полатах сидел с нами и мед пил. А ну, что еще Котян нам говорил, знаешь?

— Точно не уверен, — промямлил Григорий, — но что-то типа «Нынче они взяли нашу землю, а завтра возьмут вашу!». И еще мог наложниц подарить и верблюдов двугорбых.

Теперь сам Мстислав выглядел ошарашенным. Он молча посмотрел на воеводу, а тот ответил ему взглядом, в котором читалось «Ну, а я что говорил. Точно, колдун».

— Да ты паря не новгородец, — решил Мстислав, — ты, видать, точно с бесами водишься. А ли засланец чей. Да только на том совете, кроме нас никого не было. Даже слуг ближних не допустили. Ибо дело государственное обмысливали. Потому знать никто не мог. А ты речешь все как по писанному. Не спроста это все. И что мне теперь с тобой делать?

Забубенный был нем, как могила. Язык у него присох к небу и отказывался поворачиваться от страха. Молчал и князь черниговский. Долго молчал, недобро. А когда заговорил, наконец, то Григорию показалось, что гром прогремел среди ясного неба, такая в горнице до того стояла звенящая тишина.

— Так я решил, паря. За то, что спас ты ночью с помощью чар своих колдовских людей мне верных, что везли известие важное, я тебя на кол сажать пока не буду.

Забубенный коротко выдохнул.

— Но, коль ты откуда-то ты прознал про дела государственной важности, придется мне тебя при себе оставить. Думал я тебя на дыбу наперво отправить, чтоб с тобой там мужички потолковали о том, о сем, разъяснили кой чего. Да решил по-другому.

Князь повернулся к воеводе и поманил его пальцем. Путята приблизился на несколько шагов и встал, длань на рукоять меча положив.

— Возьмешь сего чародея туманного, людей поболее смышленных, ладьи сколь надобно, и завтра по утру отправишься на границу земель половецких. Разведает там, появились ли в пределах наших эти монголы неизвестные, что за люди, сколько их, куда идут, чего хотят. Слова Котяна проверить надобно. Он брехун известный, а нам война была лишний раз ни к чему. Хотя и поздно уже, решение приняли. По любому осмотреться надобно. Ну а этого чародея, если вдруг предательство вскрыется, головы лишит немедля. Как разведает, сразу ко мне. Я среди князей других должен знать поболее. Князья Галицкие, да Киевские сейчас уже народ собирают по волостям своим, чтоб идти к Зарубу, где войско наше общее собирается должно. А покудова оружие будем ковать.

Кивнул воевода молча, поклонился князю. Хотя, как почудилось механику, короткий вздох испустил. Получалось, что не успел он из одного похода вернуться, а уже должен был в новый уходить. Не молод был уже воевода. Но, с другой стороны, подрядился быть военным, — тяни лямку. Служба есть служба.

— Ну, ступайте, соколы, — сказал Мстислав. Приняв решение государственное, он вдруг подобрел, — отоспитесь ночки и в поход. Время не ждет.

И кивнув в сторону Забубенного на всякий случай наказал воеводе:

— Определишь его к ратникам, да с досмотром. Чтоб не ушел. Больно заковыристая персона.

— Все сделаю, — кивнул Путята, — Пошли, Григорий.

Секьюрити отделились от стен и освободили проходы. Забубенный, поклонившись по обычаю князю, вышел вслед за воеводой. Сев на коней, они свернули налево от терема княжеского и вдвоем, не торопясь, поехали через город, известной одному воеводе дорогой. Григорий уже неплохо управлялся с конем, хотя и был всего второй день в седле. Он даже подумал, грешным делом, что в далекой древности у него наверняка были предки кавалеристы.

Вечерело. Теплый воздух медленно темнел. В нем висели многочисленные запахи местного города, которые Забубенный пока не мог различить, что-то едкое, что-то сладкое, что-то кислое. Пахло, надо сказать, не как в чистом поле. Но, к счастью, налетающий то и дело ветерок быстро сдувал появлявшуюся иногда вонь. Хотя, конечно, до непроходящего смога двадцатого века местным запахам было еще далеко.

Поехали тихие кварталы богатых деревянных домов, окруженных высокими заборами, где, наверное, жили местные бояре, да купчины денежные. Домы, конечно, были угловатые,

но для своего времени наверняка считались крутыми и дорогими, а район рядом с княжеским теремом, престижным. Да и народ здесь попадался непросто одетый. Похоже, решил Григорий, это был квартал местных олигархов. Но ратники его миновали и скоро оказались в слободе, окруженной каменной стеной, за которой виднелось несколько крупных деревянных строений, походивших на бараки, и десяток мелких. Судя по всему. Это и был военный городок, где располагался арсенал и жили ратники средней руки, что победнее.

Глава седьмая **«Искать неприятеля»**

Эту ночь Забубенный провел тихо. Порученный заботам и надзору Данилы, обитавшего в одном из здешних домов, Григорий получил в том же доме во временное владение клетушку два на два метра без окон, без дверей. Точнее с одной единственной дверью, которая вела в горницу, где спал сам Данила. Предусмотрительный ратник запер на ночь дверь на засов, чтоб Забубенный не вздумал утечь. Как-никак пока он оставался непонятным человеком. В клетушке стоял убогий топчан, и валялось множество всякого хлама. Под гнилыми половицами ползали, попискивая, голодные мыши.

Однако, утомленного механика ничуть не смутила ни убогость обстановки, ни положение привилегированного пленника в котором он по-прежнему находился. Григорий уже начал понемногу отвыкать от комфорта прошлой жизни, ведь неизвестно было, вернется он туда или нет. За три прошедших дня в этом времени он начал привыкать жить по новому принципу «Сегодня на кол не посадили и ладно. День прошел хорошо». Постоянная угроза жизни, как ни странно, усиливала оптимизм. Тратить время на грусть в таких условиях механик считал теперь непозволительной роскошью.

Поэтому, едва оказавшись в своей клетушке и услышав за спиной скрип задвигаемого засова, Забубенный как был, не раздеваясь, только рюкзачок скинул, рухнул на топчан и провалился в глубокий сон. Снилось ему что-то из прошлой жизни, которая постепенно отходила на второй план. Снилось не внятно, размыто. А под утро ему даже привиделось уже что-то из последних событий: разбойники, клады, жуткая скачка на Савраске, которая оказалась говорящим конем и постоянно спрашивала его про погоду на берегах северного моря или о том, когда ей дадут спокойно перекусить.

Проснулся Забубенный от толчка в плечо. Раскрыв глаза он обнаружил рядом с собой Данилу, который возвышался над топчаном молчаливой громадой. Рассеянный утренний свет, сочившийся из горницы, очерчивал сзади его угловатую фигуру, уже одетую в кольчугу, отчего Данила показался механику сейчас призраком командора или терминатора.

— Вставай, Григорий, — пробасил ратник, — пора выступать.

— А завтрак? — поинтересовался на всякий случай Забубенный, не двигаясь с места по давней привычке вылеживать после звонка будильника минут пятнадцать, — То бишь перекусить не мешает перед дальней дорогой.

— На ладье отобедаем. Времени нету. Иди одежду примерь.

Забубенный больше решил не испытывать судьбу, вспомнив про тычки и пинки полученные в первый день пребывания за непослушание и лишние вопросы. Хотя он здесь и держится за чародея непонятного, но князь Черниговский, похоже, колдунов не сильно то опасался, а потому не убоился чар Забубенного. Видно и колдуны местные князьям служили по необходимости. А значит, вслед за князем скоро и ратники простые опять осмелеть могут. Потому Григорий оторвал свое сонное тело от топчана, умылся водой холодной, что нашел на крыльце в ведре деревянном и вернулся в горницу к кучке одежды, принесенной для него отроком, служившим Даниле.

Это были штаны кожаные, рубаха холщовая, кожаная же безрукавка и странная обувь, похожая на лапти со шнурками все из той же сыромятной кожи. Рядом на лавке лежала, тускло поблескивая, кольчуга и короткий меч в деревянных ножнах.

Забубенный, скинул свой потрепанный камуфляж, в котором он здесь смотрелся как

белая ворона и натянул всю имевшуюся одежду. Рубаха оказалась просторной, штаны шершавыми изнутри. Обувка привнесла некоторые сложности в процесс, но скоро Григорий решил проблему со шнурками. Оказалось, что обувка представляла собой нечто похожее на кожаные портянки, которые заматывались шнурками. Не «Рибок», конечно, и не «Доктор Мартинс», но жить можно. Кожа на портянки пошла толстая и, должна была хорошо предохранять ноги в пути от камней и коряг. А уж ходить в них Григорий как-нибудь научится, не зря же служи в советской армии. Тому, кто бегал кроссы в советских портянках и сапогах, ничего уже страшно не будет.

Покончив с обувкой Забубенный натянул кожаную безрукавку и проскользнул в кольчугу. С легким перезвоном железная рубашка обтянула его мощное тело. Оказалось в пору: нигде особенно не жмет, нигде не тянет. Движения стесняла не сильно. Видно, ковал хороший кузнец. «Кольчуга «От Версачи», даже пошутил про себя механик, или от «Золингена». Непривычно было, конечно, ходить в железной рубашке, но предстоящая миссия говорила о возможном контакте с монголами, а эти ребята страсть как любили дырывать чужие тела стрелами, да копьями. Так что, своя кольчуга ближе к телу.

Наконец, разобравшись с одеждой, Григорий взял свой первый в жизни меч и вынул из ножен. Меч был коротким, не больше полуметра в длину, без всяких вензелей и монограмм. С простой, но крепкой рукоятью. Механик пару раз рубанул им воздух, чтобы ощутить тяжесть оружия и снова посмотрел на клинок, словно ожидая, что меч вот-вот засветится синим огнем, и начнет с ним разговаривать человеческим голосом. Но меч не засветился, а выглядел как простое, но добротное оружие. Григорий с минуту поразмышлял, не дать ли клинку имя типа «Победитель драконов» или «Устрашающий», но «Устрашающий» был длиной не более полуметра и на «Победителя Драконов» никак не тянул. Скорее походил на кухонный нож-переросток или тяжелое орудие мясника, но это уже было из области маньяков и ужасников, а Забубенный всю эту лабуду не любил.

«Ладно, — резюмировал Григорий, — не орков же им косить, а простых монголов. И так сойдет». Осмотревшись по сторонам в поисках щита и крутого шлема с забралом, механик обнаружил, что ни щита, ни шлема ему не дали. Видно, не полагается. Не заслужил еще или не хватило. Тогда Григорий прицепил к поясу на специальную застежку свой боевой меч без имени, секунду поколебавшись, забросил все-таки за спину рюкзачок с фонариком, хоть и не по форме выходило, но чародей как-никак, можно позволить немного странностей в одежде, и вышел на широкий двор.

Спустя пять минут он сидел в седле Жорика. Предрассветная прохлада заставляла Забубенного ежиться, забираясь под холщовую рубаху. Во дворе военного городка, как окрестил про себя место пребывания ратников Забубенный, уже скопилось изрядное воинство. Ржали кони, балагурили люди. Григорий даже вспомнил свою службу в армии в далеком двадцатом веке. Настроение, царившее во дворе военного городка Чернигова, напомнило ему точь в точь настроение солдат и офицеров перед разводом в родной воинской части. Разве что, никто не курил. На первый взгляд народу конного, с мечами да копьями, набралось почти под сотню, разделены все были на три отряда. Похоже, разведка у Путяты намечалась не слабая, возможно даже с боем.

Механик по привычке держался вместе со старыми знакомыми в отряде Данилы.

Скоро на крыльце самого большого дома показался и сам воевода Черниговский.

— Здорово молодцы! — гаркнул он обретавшимся в седлах ратникам.

Собравшиеся вояки в ответ нестройно рявкнули что-то нечленораздельное, типа «И тебе того же желаем, воевода». Путята, не обратив на это внимания, сел на коня своего мощнотелого и выехал со двора. Все собравшееся воинство самостоятельно разобравшись в три ряда, выехало вслед за ним, растеклось по ближайшей улице, что вела вниз под горку.

В Чернигове тринадцатого века вставали рано. Проезжая по улицам спящего, казалось, города, переодетый в новую одежду Забубенный уже видел всяческое шевеление. Где-то поили коней, где-то разводили огонь. Где-то кололи дрова. В общем, жизнь без электричества была довольно напряженной. Хотя здесь об этом, пока никто не догадывался.

Жизнь как жизнь. Все привыкли рано вставать и рано ложиться. День длился от рассвета до заката. Никакой ночной жизни. Ни тебе кино, ни тебе казино.

Выбравшись за городские ворота по специально опущенному для того мосту, отряд прибавил ходу. Направление держалось понятное, — на берега Десны, только почему-то в другую сторону от переправы вчерашней. Вверх по течению. Солнце уже поднималось над деревьями, а Путята, похоже, торопился исполнить наказ княжеский побыстрее.

Вчера, перед тем как вверить его изможденное тело Даниле на постой, воевода коротенько намекнул механику, что, мол, разговор с князем далее него утечь не должен. Не дай бог, узнает, что кому рассказал, даже из ратников ближайших, голова моментально с телом расстанется. Выходило, что об истинной цели сего предприятия знали только двое: Путята да он, Механик-чародей Григорий Забубенный. Странное возникало чувство: то ли гордиться можно, то ли за жизнь свою переживать дополнительно. Ну, семи смертям не бывать, как известно, а одной не миновать, как ни крути. Забубенный едва успевал впитывать происходившее с ним, да думать о самом ближайшем будущем, которое по-прежнему представлялось ему весьма туманным. Но в одном он был теперь уверен на все сто, что крепко вляпался в местные политические игры патриотов. И, как и полагается простолюдину, стал пешкой в этой игре.

Через час скачки по лесной дороге отряд выехал на крутой берег реки Десны. Забубенному показалось, что они прилично отделились от Чернигова. Достигнув нужного места, Путята, не раздумывая, направил коня своего в распадок между двумя холмами, который продолжался спуском к реке. Когда Забубенный доскакал до того же места, ему открылся живописный вид на излучину реки. Десна здесь совершала поворот, из-за которого ни город, стоящий на холме, ни ведущая к нему переправа были не видны. Зато внизу обнаружилась стоянка кораблей, скрытая от чужих глаз. Там стояло четыре крутобокие ладьи, уткнувшись носом в берег, а с высокого борта на прибрежный песок были перекинуты доски. Около каждой ладьи копошились мужики, загружая их какими-то мешками.

— Шевелись лентяи, — рявкнул на них воевода, спустившись с высокого берега к ладьям, — отходим скоро.

Воевода слез с коня и заведя Данилу, позвал его к себе.

— Грузи отряд свой с конями в первую ладью. А что не влезет, сноси в последнюю. Она с провиантом пойдет.

Скоро на берегу спустились все остальные ратники, и коням стало негде ступить. Враз сделалось тесно на узком берегу. Путята позвал двух других начальников над отрядами, коих звали Еремей да Кузьма, и указал им на ладьи, куда им следовало грузиться. Последняя ладья, как понял механик, была чем-то типа передвижного склада или товарного вагона. Ратников на ней разместилось не много числом, зато половина дна там была устлана мешками с едой, оружием разным, и туда же отвели всех лошадей, что не поместились в основные ладьи каравана.

Не прошло и часа, как погрузка закончилась, разместились ратники с лошадьми по крутобоким ладьям человек по тридцать приблизительно на каждой, развесили свои щиты по бортам, разложили оружие, и велел воевода отправляться в дальний путь. Оттолкнулись от родного берега. Взялись за весла ратники, да крепко на них налегли. Как вышли посереде реки, подумал Забубенный, что сейчас настроят паруса и пойдет скоростное катание под парусом, только знай кудри ветру подставляй. Но, не тут то было. Воевода велел развернуть ладью против течения и идти вверх по реке. И начался дальний поход.

Так они гребли много часов и к заходу первого дня достигли широкой излучины, где в Десну впадал еще какая-то речка поменьше. Здесь, у низкого берега и пристали на ночлег, вывели коней, развели костры, поели, да спать улеглись, выставив дозоры. Григорий, сбивший себе руки в кровь, спал без задних ног.

Следующий день превзошел его самые черные ожидания. Если вчера вечером он еще думал что хуже не бывает, то скоро понял, — оказывается, бывает. День начался с того, что Путята зачем-то приказал достать из товарной ладьи веревки, да привязать всех коней

веревками к ладьям. Как скоро выяснилось, предстояло тащить корабли волоком через лес к какой-то речушке по прозванию Сула. За каким чертом это надо было делать, Забубенный не понял, но видать секретность миссии была высочайшей, такой, чтоб даже свои соплеменники и ближайшие соседи киевляне не узнали о том, куда и зачем ходил черниговский воевода. А объяснять чародею никто ничего не стал. Если чародей, то и сам догадается. Приходилось терпеть.

За следующие трое суток механик пожалел, что не служил в десантных войсках и не имел мощной спецподготовки, а потому проклял все на свете. Судя по всему, корабли этим путем таскали не раз, просвещенный Григорий читал о таком способе транспортировки, который назывался волоком. Но, что ему самому придется когда-нибудь в качестве тягловой силы принимать в ней участие, такое Забубенному даже в самом страшном сне привидится не могло. К счастью Путята, все-таки отличал его от остальных ратников, и Григория подпрягали на личный физический труд только, когда уже совсем было неможноту. Когда ладьи лошадиных сил не хватало. Тогда работали все. В остальное время механик служил водителем Жорика, который в числе других лошадей тянул корабль, заставляя его перекачываться по подложенным под его днище бревнам.

А когда к исходу третьих суток сквозь ветви деревьев далеко впереди заблестела речка Сула, Забубенный захотел помолиться и возблагодарил Господа за то, что все когда-нибудь кончается. О том, что обратно придется, скорее всего, идти тем же путем, он даже и думать боялся.

На четвертый день, ладьи спустил на воду, погрузились и отчалили. На сей раз, путь был вниз по течению. А как от берега отошли да по течению пристроились, тут и подняли красные паруса с изображениями золотого солнца. Пошел караван по волнам ходко.

В первой ладье находился сам черниговский воевода. Там же был Данила, Куря, да все остальные ратники, с которыми Забубенный совершал ранее свой путь. Кроме того, еще в той ладье были две дюжины новых воинов, с которыми механик еще не познакомился, как следует. Хотя, за время волока кое с кем уже успел пообщаться коротенько. На вид, то были все мужики здоровые, кровь с молоком. Бородатые да усатые. На их фоне слегка небритый механик казался белой вороной и мог сойти за отрока, чего ему не совсем хотелось. Последний раз он брился неделю назад, и щеки уже покрылись щетиной, но по местным меркам, он был как безусый и безбородый юнец. Бритых тут не признавали, только лысых.

Впрочем, среди новых ратников уже пошел слухок, что в отряде с ними есть чародей, что может разогнать своим колдовством ватагу разбойников, ночью путь освещать, да порчу на врага наводить. Потому механик пока еще надеялся на свой имидж и собирался всячески его поддерживать, только вот как именно пока не придумал. Рассчитывал, что жизнь подскажет. А пока сидел у борта, размышлял о своей судьбе и о грядущих делах.

Как подумал Забубенный насчет своего имиджа, то припомнилась ему вдруг пи-ар-кампания самого Чингисхана, вычитанная все из того же учебника истории. А Забубенный историю читать любил. Был Чингисхан предводителем тех самых предполагаемых монголов, на перехват которых спешили сейчас ладьи черниговского воеводы. Собственно поначалу то был обычный воин захУдачного рода и звался он просто Темучином. Но, потом пробудился в нем талант полководца и непомерная жестокость, ибо только так он думал держать людей в повиновении. Едва успел Темучин объединить несколько основных родов из своего кочевого племени, как возник мятеж. Пришлось ему мятеж подавить, а виновников главных не долго думая сварить в семидесяти котлах. Знатный получился суп, после которого желающих восставать против Темучина поубавилось.

Тогда собрал он всех подчинившихся ханов на берегу реки, для того чтобы провести обряд торжественный. Пил с ними воду из реки и клялся делить с ними до конца дней все сладкое и горькое в жизни. Но презентацию нового хана не удалось завершить полюбовно. Один из ханов подчинившихся было, опять восстал, то был хан кераитов. Тогда Темучин убил его, отрезал голову и велел череп хана кераитского оковать серебром. Такой он был любитель драгоценностей. С тех пор череп этот знаменитый считался в татаро-монголии

памятником темучинова гнева.

Понятное дело, после этого все оставшиеся в живых ханы добровольно и без принуждения власть Темучина признали. Но, кое-кто еще роптал. И тогда, в самое нужное время, откуда не возьмись, явился пророк-пустынник, который возвестил о том, что Бог отдает Темучину всю землю от края до края во владение, и что владетель сей должен отныне именоваться Чингисханом, или Великим Ханом. Узнав об этом, народы окрестные призадумались. Забурлила борьба предвыборная. А пророк-пустынник, чтобы отбить сомнения у электората, разнес эту весть по всем окрестным и дальним странам, телевизоров ведь тогда еще не было. И когда идея овладела массами, Чингисхану подчинились для начала народы Сибири, уйгуры Малой Бухарии и царь Тибета. Осмелев, Чингисхан, до того плативший дань ниучам — северным китайцам — торжественно отрекся платить им дань, напал на Китай и в тысяча двести пятнадцатом году захватил Пекин. Ну а дальше больше, замахнулся ведь на всю землю, обещания предвыборные давал, — значить надо ее завоевать. И понеслось... Правда, как и куда Забубенный не дочитал, лень стало, да и выздоровел он тогда, новые развлечения появились, вот и перестал читать. Хотя теперь сильно жалел об этом. Провалы в памяти любознательного историка сильно мешали ему в новой жизни. А знания по истории ему сейчас ой какгодились бы.

Ладья, поймав ветром парус, лихо рассекала волны. Правил ей единственный лысый детина со страшной рожей, без одного уха, а во втором у него была продета серьга. Это был местный кормчий, который знал все окрестные мели от самого впадения Сулы в Днепр и далее к Понту Эвксинскому, как его греки называли, или морю Черному, Русскому, каким его считали все народы прибрежные с этой стороны. За это кормчего и помиловал Мстислав Чернявый, как сказал механику Данила, и велел на службу взять. А мужик тот был сам из разбойников, что переметнулся в служилые люди от Васьки Косого, того самого, что ночью на них напал. Звали его Христич, и был он раньше речным разбойником. Григорию показалось забавным, что кораблем управляет амнистированный пират у которого, судя по физиономии, в родне были греки или мавры. Но для данного предприятия такая кандидатура подходила как нельзя лучше.

Караван из четырех ладей шел ходко. Речка Сула была не шибко широкой, но довольно быстрой. То и дело то с одной, то с другой стороны мелькали займища да починки малые, оставаясь позади. Почти все они скрывались под пологом леса. Места были малонаселенные. Мегаполисов, типа Чернигова, не встречалось. Любознательный механик, у которого уже начал просыпаться интерес к местной жизни, выпросил Данилу и узнал, что плывут они сейчас уже сквозь земли княжества соседнего Переяславского. Сквозь самую его середину, где только по рекам и можно передвигаться, вся остальная земля в лесу тонет.

— Город князя местного, Переславль, справа останется, если смотреть на Киев, то в той же стороне, — рассказывал словоохотливый Данила, даже обрадовавшись, что есть случай языком почесать. Путь не близкий, все время быстрее пойдет.

— Ну, а мы куда ж плывем? — уточнил Забубенный.

— Известно куда, — не задержался с ответом Данила, — прямо до Днепра, к вечеру аккуратно будем. Думаю, заночуем на подходе. Ну, а там, как речка Сула в широкий Днепр вольется, и мы с ней на утро выйдем на главную дорогу. И понесет нас вперед большая вода. А куда, про то и мне не ведомо. По то только воеводе положено знать. Ну, а раз князь нас без роздыху из Чернигова отправил, знать важное дело, да жаркое назревает.

— Ну да, — кивнул Забубенный, вспоминая про наказ Путяты, — видать, так оно и будет.

К вечеру, как и предрекал многоопытный Данила, караван встал на ночлег неподалеку от впадения Сулы в Днепр. Встали на подходе, в местечке пустынном, ибо дальше места людьми обжитые начинались, а Путята не хотел лишних расспросов. Хоть находились еще и в русских землях, но у каждого князя повсюду имеются свои глаза да уши. Да каждый из них понимает жизнь на свой лад. А потому лишний раз сверкать на глазах у людей не следовало. Караван не малый. Все равно заметят и донесут. Но уж лучше попозже. Чтоб донести не

успели до срока. Мстиславу Черниговскому сильно время дорого. Так думал воевода в тот вечер. Расставив обычные дозоры, да велел спать всем ратникам, подозвал Путята к себе Еремея с Кузьмой, двух других начальников над отрядами, чтоб держать совет.

Сели начальники у костра, оружие отстегнули, да отужинали. За вечерней трапезой рассказал им воевода о цели пути ихнего, ибо раньше и словом не обмолвился, только изъявил княжескую волю. Да и то не всю правду рассказал, а лишь о том, что посылает их князь на границу русских земель разузнать да разнюхать, что там твориться. Слухи кой-какие проверить. Более ничего не сказал. Да только Еремей с Кузьмой сами калачи тертые. Смекнули что к чему. Знали уже, что появились там люди неизвестные, да начали зло творить половцам. Слухом земля полнится, а по земле черниговской слухи те давно гуляли уж и почти все про то слышали, да только никто тех людей не видал никогда. Только по рассказам половцев пришедших о них и узнали. А потому Еремей с Кузьмой и без подсказок поняли, куда и зачем их Мстислав посылает, да только вид сделали, что оно им не ведомо. Им все одно было куда плыть, лишь бы дело было лихое, да куражное, а оно такое и выходило. Ну, а сам Путята мысленно их похвалил за смекалку, да вслух ничего не сказал. Решил потом замолвить словечко перед Мстиславом.

На утро следующего дня, едва солнце в небо отправилось, вышел караван к месту впадения Сулы в Днепр и с темной водой лесной речки влился широкие в воды Днепра, добавив им жизни. Напротив, на высоком холме, по крутому левому берегу, в том месте стояла деревня, а в ней обретался небольшой отряд ратников переяславского князя. А на другом берегу Днепра, пологом, стоял в деревеньке дозор людей киевского князя, коего тоже Мстиславом прозывали. Ибо в месте этом соприкасались по реке киевские и переяславские земли. То Путята знал, конечно.

Как прошел мимо того места караван, один из ратников переяславских на коня вскочил и скрылся в прибрежном лесу. Воевода из ладьи хорошо это видел. Поскакал, видать, князю докладывать, да только отсюда до Переяславля скакать цельный день. Да еще доскакать надо: леса темные, лихих людей много. Каравану черниговскому повезло еще, что никто на них ночью не напал. Промеж себя ратники считали, что это механик-чародей Забубенный своими чарами их защищал, хотя сам механик о том и не ведал. Следом стало видно, что по другому берегу полноводной реки в путь к своему князю с известием отправился и киевский воин.

— А ну как расскажут про нас? — поделился мудрый Данила сомнением с воеводой, — как бы чего не вышло раньше срока.

— Пока князь Переяславский о нас сведает, пройдет больше суток, а в Киеве о том еще позже прознают, — успокоил его Путята, — К тому времени караван уже по Днепру далеко вниз уйдет. Ищи его свищи, да и не знают ведь наверняка, что за люди в тех ладьях ушли. Будут головы ломать бояре мудрые, да еще может не догадаются. Ну, а как догадаются, так мы уже обратно воротится, успеем».

Оставив за кормой дозоры сопредельных князей, караван черниговских разведчиков направил путь свой далее по Днепру. Стремился Путята тот путь преодолеть побыстрее, да незаметнее. Хоть и трудно оно было. По берегам теперь селения чаще попадались, да покрупнее они были тех лесных займищ, что на пути ратников раньше встречались. А по самому Днепру, как по дороге широкой ходили вверх-вниз многочисленные караваны из варяг в греки. И народу здесь на реке обреталось немало от русичей до иноземцев. Но, как ни крути, еще целых три дня по реке идти следовало, а там кончались славянские земли и начинались половецкие, что прозывались промеж славян некогда «Дикое поле», из-за вражды прошлой с половцами. Но теперь то они друзьями, да родичами уже приходились многим русичам.

Хотел воевода черниговский достичь отдаленных земель и в том месте, где широкий Днепр мощно изгибался и наступал край русской земли, сойти на твердую землю да проникнуть в глубь половецких степей. Прозывалось то место Зарубом. И скоро должны были начать стекаться к нему соединенные дружины, чтобы бить неизвестного врага, коего

никто в глаза еще и не видел. Вот и выпадало воинам черниговским первыми в глаза его узкие, как рассказывали половцы, глянуть.

Глава восьмая

Большая вода

Весь первый день чинно шел караван по волнам Днепра. На широкой глади реки встречались им только мелкие рыбацкие лодки, да плоты ремесленных людей, что сплавляли на них всякую всячину — от леса самого, до живности. Бывало коз всяких, да курей перевозили.

Все это время ратники, идя под парусом, занимались кто чем: оружие вострили да чистили, одежду суровыми нитками подшивали, да шеломы надраивали, чтоб блестели они на ярком солнце.

Забубенный ничего не надраивал и не зашивал. Привыкал-притирался пока к новой одежде, которая была сшита крепко, и сразу рваться не собиралась. Мозолей на ногах он еще не натер, сидя в ладье в новых кожаных портянках с завязками. Меч свой без надобности не вынимал из ножен. А шлема у него вообще не было. Потому свежий морской ветер только расхохливал его волосы, не успевшие отрасти до той длины, чтобы прозываться кудрями.

Сидел механик на своем месте в ладье по правому борту и разглядывал просторы русской земли. А посмотреть было на что, — красота кругом наблюдалась неопиcуемая. Какой месяц стоял на дворе Забубенный точно не знал, но, судя по дыханию природы, либо весна недавно закончилась, либо лето едва наступило. Лес густой, что стоял по берегам, к самой воде спускаясь, уже был зелен, в полном соку. А вот травы в рост еще не пошли, то бишь из земли показались, солнышко почуяв, но не еще не во всю ширь разрослись. Да и спелых плодов на встречных яблонях механик не узрел, только мелкие и зеленые едва показались. Видать, вся солнечная погода ожидалась впереди.

Упругая волна монотонно била в борт ладьи. Плескался широкий Днепр, забавляясь с челнами. Черниговцы миновали так несколько прибрежных селений, среди коих и крупное одно было. Как называется, понятно, Забубенный и спрашивать не стал. Они пока для него все на одно лицо были, — как садоводства.

После полудня ветер сменился и погнал облака через Днепр. Затем начался дождь. Ратники закутались в свои алые накидки, но путь продолжили. Данила где-то раздобыл запасную накидку и отдал механику, ибо тот быстро промок под дождем, не имея чем прикрыться. А дождь пошел сильный, впереди все пропало в серой мгле. Но лысый пират Христич уверенно вел флагманскую ладью вперед через дождь, не сбиваясь с курса. Остальные ладьи приблизились и шли следом, чтоб не отстать.

«Да, — подумал Забубенный, кутаясь в накидку и пытаясь забиться под покатым бортом ладьи, — этот, наверное, все мели тут знает». Попутно Забубенного беспокоили мысли о том, что будет с кольчугой, если он вымокнет под дождем. По всем законам, известным ему по прошлой жизни, она должна была заржаветь и постепенно покрыться отвратительным рыжим налетом. А сам он при движении станет издавать скрипы как не смазанная телега. Григорий исподтишка стал разглядывать кольчуги на других ратниках, но особо ржавых не заметил. Эта мысль настолько заинтересовала пытливого ум механика, что он не выдержал и спросил сидевшего рядом Данилу, как они решают сей вопрос.

Запасливый Данила разыскал на палубе среди всякого хлама какую-то холщовую котомку и вынул из нее бычий пузырь с какой-то маслянистой гадостью серого цвета. Радостно протянул его Григорию и сказал:

— На, непонятный человек, натри этим отваром звенья, промасли их сверху рукой и все будет хорошо. Ни в жизнь кольчугу вода не возьмет.

Забубенный дождался пока дождь поутихнет и налил немного зелья себе на ладонь. Зелье оказалось ужасно вонючим. Настолько что механик даже вопросительно взглянул на Данилу, мол «Стоит ли такой гадостью мазаться? Лучше уж заржаветь, чем задохнуться».

Хотя припомнил, что это был именно тот запах, который не давал ему сосредоточиться на ладье. Здесь что-то постоянно воняло, но что именно Забубенный до сих пор не мог понять, а теперь, наконец, выяснил.

— Давай, давай, — подбодрил его ратник, — мы все так делаем. Неужто в Новгороде не знают, как кольчугу от сырости спасти? Там ведь немало воинов, да мастеров.

Забубенный неуверенно кивнул.

— Да знаем, конечно, только у нас зелья приятней пахнут.

Вслед за этим механик, едва не зажмурившись, втер первую порцию себе в плечо. Запах усилился. Теперь Григорию показалось, что он вдруг стал токсикоманом и сам нырнул в газовую камеру, чтобы оторваться по полной. Механик собрал все силы в кулак, вылил еще порцию на ладонь, сжал зубы и стал с остервенением втирать маслянистый отвар в звенья кольчуги. Через двадцать минут он стал лосниться как кусок сала. Зато вода стекала теперь по кольчуге почти не задерживаясь.

— Ну, хватит добро переводить, — сказал наблюдавший за процедурой Данила и забрал пузырек обратно, — оставь чуток добрым людям. Еще пригодится.

Отдав зелье, механик вдруг крепко задумался. В его памяти странным образом всплыло еще несколько исторических фактов, касавшихся вооружения древних рыцарей. Вообще, он стал замечать, что в тринадцатом веке мозг его стал активно и как бы самостоятельно копаться в анналах и подсознании, выуживая оттуда всю информацию, которая могла пригодиться в этом времени. Мозг начал приспосабливаться. А провалы в памяти заполняться. И это не могло не радовать. Хотя то, что он вдруг вспомнил, обрадовало его не так сильно, как хотелось.

Григорий вспомнил одну книжку про рыцарей, прочитанную в отрочестве. Из нее он узнал, что во времена благородных рыцарей остро стояла проблема нержавеющей стали, а также личной гигиены. Короче говоря, с мылом и техническими маслами была напряженка. Благородные рыцари раннего средневековья даже вилок еще не знали и ели кинжалами со щитов, используя их в походах как столы, в результате чего боевые щиты с обратной стороны выглядели как жирная иссеченная доска. Та же ерунда происходила с обмундированием, то есть с доспехами — латами, кольчугами, шлемами, наколенниками и железными перчатками. Как только появилось и стало популярным железо, мгновенно встала проблема его сохранения от ржавчины. И первым средством предохранения стали всякие жиры. А жиры, как известно, иногда сильно пахнут.

Кроме того, в те времена ни «Хэд энд Шолдерса», ни «Хозяйственного» мыла, ни шампуня для собак в достаточном количестве еще не производилось, поэтом даже аристократия не стеснялась разводить вшей на своих головах. В результате, несмотря на красивые одежды и доспехи, стоившие бешенных денег, среднестатистический благородный рыцарь вонял как облезлая псина. Был вшивым и часто неграмотным, ибо это тоже не считалось обязательным для аристократии.

Отключившись от воспоминаний, Забубенный обвел взглядом своих соплеменников, потом принялся к себе. Теперь он вонял точно также как и все остальные. Приблизился к народу, хотя и не мог считаться благородным рыцарем. Что касается душевного расположения ратников, то они каким-то образом притерпелись ко всем окружающим запахам и ощущали себя вполне естественно. Для них все окружающее было нормально жизнью, которая впитывается с молоком матери. Ничего странного они в ней, видимо, не находили. Ладья как ладья, река как река, одежда как одежда, кольчуга как кольчуга, вонь как вонь. Все нормально. И только Забубенного еще терзала память об упущенной комфортной жизни: машины с мягкими сиденьями и передвижным баром, электричество, газ, паровое отопление. Ничего этого здесь еще не было, но и без этого люди тут как-то умудрялись обходиться. И даже радоваться жизни, не сильно замутненной пока техническим прогрессом.

Ближе к вечеру дождь прекратился, слегка потеплело. Над водой появился легкий туман. Промокшие ратники стучали зубами, ожидая ночевки и ужина. А пока, разведя

костерок на поддоне посреди ладьи, жарили куски мяса, захваченного с собой, и балагурили. То и дело от костра слышался дружный хохот, видно кто-то рассказывал историю заковыристую или анекдот местный.

Забубенный посмотрел вперед и увидел, что Днепр делает очередной поворот, а за излучиной реки открывается широкая бухта. Приглядевшись сквозь висевший над водой туман, Григорий понял, что это не просто бухта, а слияние еще одной реки с полноводным Днепром. Но тут уж любопытство разобрало механика, и он спросил у всезнающего Данилы, что это за река.

Следующий приток, что впадал в Днепр, делая его еще шире, назывался Псел.

— Ну, теперь уж почитай половину пути одолели, — увидав новую реку, сообщил словоохотливый Данила, — еще пару дней и на берег сойдем.

— А ночевка то скоро будет? — уточнил механик.

— Да скоро, — ответил Данила и кивнул в сторону ратника, торчавшего, словно идол Перуна на носу ладьи, — вечереет. Дозорный уже присматривает местечко поспокойнее.

Скоро туман поднялся над водой и почти скрыл ладью, так, что из него виднелась только свежеструганная мачта. Попутный ветер совсем спал, пришлось ратникам браться за весла. Механик даже обрадовался этому, хоть согреется. Хотя скоро стал беспокоиться о том, чтобы не перегреться. Гребля на ладье, — дело не из легких. Еще от преодоления волока мозоли не зажили полностью. Хотя руки уже огрубели достаточно. Впечатлительный механик даже представил, как туго приходилось рабам на римских галерах. Здесь хоть можно иногда отдохнуть, перекусить, шуткой обмолвиться с товарищами. А там, гребите себе, пока не засекали насмерть или голову не отрубили. Романтика.

Забубенный обернулся назад и увидел, что передовая ладья далеко оторвалась от трех остальных. Мачты тех ладей маячили, чуть ли не в километре позади, если мерить на глаз. В этот момент впередсмотрящий вдруг крикнул:

— Ладья по леву руку.

Ратники как по команде повернули головы и стали вглядываться в указанном направлении. С той стороны, где Псел впадал в Днепр наперерез ладье черниговцев, разрезая килем волны, ходко шла приземистая ладья. Судя по всему, решил Забубенный, там было много сильных гребцов и они зачем-то хотели догнать ладью черниговцев. Рассмотреть их было трудно, пока не подойдут еще метров на сто. Механик нашел глазами воеводу, но тот и так уже стоял около мачты, вглядываясь в неожиданных попутчиков.

Ладьи продолжались сближаться.

— Что-то не похоже на купцов, — проговорил в слух Данила, покосившись на свой меч, — больно ходко идут, да и наперерез нам. Не ровен час, столкнемся. Может хмельные сильно?

Григорий мог еще поверить в пьяных водителей авто или моторного катера, там напрягаться не надо, но чтобы толпа пьяных мужиков села в тяжеленную ладью и в туман без паруса решила погонять на веслах, в это он поверить не мог ни в свое время, ни в этом. Слишком надо напрягаться, хмель выйдет быстро. А в то, что это они так лечились от похмелья, тоже верилось с трудом. Похоже, торопились куда-то или что задумали, только вот что именно, пока было не ясно.

Наконец, неизвестная ладья настолько приблизилась, что в разрывах тумана стало возможно разглядеть сидевших в ней. Это был толпа здоровенных мужиков в шкурах и кожаных рубахах. Большая часть из них была обрита налысо, а остальные имели длинные чубы. Вскинув высоко саблю, на носу лодьи, стоял громадного роста мужик. Ладья подошла уже так близко, что можно было увидеть даже серьгу, болтавшуюся у него в ухе.

— Это Федька Кривой! — раздался вдруг крик Христича с кормы, — Дружка Васьки Косого. Это ж он с ватагой своей в здешних местах промышляет и мзду берет со всех ладей купеческих. Порешить нас хотят, и на дно пустить.

Забубенный снова бросил взгляд на лихого атамана, махавшего своей саблей на носу приближавшейся ладьи, а потом взглянул на Путятю. Воевода был спокоен, как всегда перед

битвой. Он просто занимался своим делом, собираясь дать отпор неожиданно приплывшему рэкету.

— Ну, что, ребяташки, — сказал он, и кивнул пятерым ратникам по левому борту, — покажем Федьке кто на реке хозяин? Настроить луки. А ты Христич правь прямо, как и шел.

Ратники словно ждали такого исхода, мгновенно достали из-под скамьи луки и колчаны. Пристроили каленые стрелы, натянули тетиву и ждали команды. Путята до срока молчал.

Так прошло еще минут пять, и две ладьи сблизилась уже настолько, что до Забубенного стали долетать вопли с приближавшейся кросс-курсом ладьи рэкетиров. Мужички-разбойнички орал что-то типа «Да мы порвем этих купцов!!!» и «Деньгу готовь!!!» или «Мошну отдай, полегчает!!!». Судя по всему, они тоже приняли в тумане ладью ратников за купеческую и надеялись на легкую поживу. А когда к великому изумлению Федьки Кривого, махавшего саблей, как дирижерской палочкой, из тумана показался прикрывшийся щитами высокий борт боевой ладьи, да еще и полный вооруженными до зубов ратниками, джентльмены удачи опешили. Крики мгновенно стихли. Настал момент истины.

Ладьи, между тем, продолжали резать воду и скоро их курсы должны были неминуемо пересечься. Федька Кривой вошел в ступор. Решение первым принял воевода Черниговский.

— А ну, послать гостинцев атаману, — сказал Путята лучникам, — чтоб не вздумал шутки шутить с нами.

Запела тетива многократно, и пять стрел унеслось сквозь медленно темнеющий воздух в сторону ладьи разбойников.

— А-ааа! — раздалось тут же над волнами, и двое разбойников со стрелами в груди с громким всплеском рухнули за борт, а один упал на дно ладьи. Еще две стрелы сочно воткнулись в борт и мачту.

Атаман нападавших вышел, наконец, из ступора. Федька Кривой махнул саблей рулевому, который, увидав ладью, полную ратников, стал отворачивать в сторону, и гаркнул:

— А ну, правь вперед, собака!

— Что я, лысый что ли? — проворчал рулевой, но вернул ладью на прежнее место.

Между ладьей черниговцев и разбойников оставалось не более двадцати метров. Нос приближавшейся ладьи вот-вот, на взгляд Забубенного, должен был столкнуться с носом их ладьи. Лучники Путяты стояли на изготовку, другие ратники по его знаку бросили грести и взялись за оружие.

— А ну братцы, — заорал Федька Кривой, повернув голову на зад, — покажем, воякам заезжим, что это наша река. Порвем их всех!!!

А затем, повернувшись лицом к ратникам, отыскал глазами самого главного и заорал во все горло, размахивая саблей:

— Готовь мошну, воевода!!!

— Убьете нас, все будет ваше, — крикнул в ответ Путята и махнул рукой.

В этот момент ладья разбойников со всего маху ударилась в носовую часть ладьи ратников черниговского князя. Лучники успели спустить тетиву и поразить еще троих разбойников, после чего рухнули как подкошенные от сильного удара. Разбойники, не взирая на потери, закинули несколько веревок с крюками на борт ладьи черниговцев и, привязавшись, пошли на abordаж. Их было почти вдвое меньше, поэтому Забубенный мгновенно окрестил их про себя «камикадзе», но и дрались они от этого только яростнее, отступать им было все равно поздно, да и некуда.

Все ратники были в кольчугах, которые воевода не велел им снимать, при щитах и с мечами, что для ближнего боя было наилучшим сочетанием. А разбойники в кожаных рубахах, пьяные и с саблями. Только атаман, лихой человек Федька Кривой, имел на себе, кольчугу тонкой работы, что не была заметна сразу, ибо оказалось под рубахой, которую проткнул ударом меча один из ратников, когда атаман разбойников первым перепрыгнул со своей ладьи в черниговскую.

Но Федька Кривой не зря был атаманом у лихих людей. Разъярившись, он махнул саблей и одним ударом отрубил голову тому ратнику, что попортил ему рубаху. Залив палубу кровью ратник упал на колени, а потом обезглавленное тело завалилось набок. На Федьку набросилось сразу трое ратников, но он довольно лихо уворачивался прыгая по палубе.

В это время еще с десятков разбойников атаковало черниговцев по всей длине лодейного борта. Двоих ратники зарубили сразу, но остальные прорвались на ладью, и завязалась сеча.

Забубенный еще не разу в жизни лично не принимал участия в битве с пиратами. В кино, конечно, видел, в книжках читал, но чтоб самому биться с теми, кому нечего терять, это было впервые. В глубине души Григорий надеялся, что это все легенды и что жить они хотят также как простые смертные, но, глядя на ту бесшабашность с которой разбойники поперли против превосходящих сил противника, он в этом засомневался.

Хотя, промелькнула спасительная мысль, басмачи тоже так воевали. Натрут коноплей лошади морду, сами накурятся травы и в полный рост в атаку под пулеметы, все равно не страшно. Десять человек из ста доходило, и побеждали.

Отвлечшись на философские мысли посреди битвы, Григорий очнулся только тогда, когда рядом с ним рухнуло тело еще одного черниговского ратника, а напротив появился здоровенный детина с топором в руке. Григорий зыркнул по сторонам, — все бились со своими противниками. Один Федька Кривой оттянул на себя пятерых, помочь некому. Придется помирать молодым. И Григорий впервые в жизни обнажил меч. Только тут он обратил внимание, что бородатый и чубатый разбойник ласково поигрывал боевым топором. На его левом плече виднелась кровь. Видно убитый только что ратник угостил, но ему это не помогло. Детина, налюбовавшись видом своей жертвы, которую сковал страх, занес над головой топор и со всего маху обрушил его на механика.

Забубенный, и откуда только прыть взялась, отскочил в сторону на шаг, подставив под удар меч. Острие топора, лязгнув по клинку, прошло мимо и со всего маху разнесло в щепки скамью, на которой еще недавно сидел и греб механик. Разбойник, тряхнув длинным чубом, выдернул топор и снова бросился на Забубенного, который уже отступил на пару шагов к мачте. На сей раз, лихой человек решил засадить топор Григорию под ребра. Он перебросил его острием в другую руку и нанес горизонтальный удар по дуге снизу вверх. Механик снова умудрился увернуться и подставить поперек меч. Но удар был такой силы, что его отнесло назад, а топор глубоко вошел в мачту. Упав на спину, Забубенный, наконец, сообразил, что не в пин-бол играет и тут не очки зарабатывают. Если в него, наконец, попадут, то не краска тут по палубе потечет. Пока ему повезло, чудом удавалось уворачиваться, но не факт, что в третий раз все пройдет так гладко.

Забубенный перекатился через плечо и подобрал выбитый из рук меч. Встал на колени, бросил взгляд вперед и увидел, что чубатый уже выдернул топор и снова занес его над головой. Ни подняться, ни увернуться времени уже не оставалось. «Ну, все, — как-то отстраненно подумал механик, — вот и жизнь моя закончилась под топором мясника». Но внезапно из схватки, что бурлила за спиной лихого человека, выскочил весь окровавленный Куря и всадил меч разбойнику в бок по самую рукоять, так что кровь разбойничья полилась из другого бока. Выдернул меч Куря обратно, зыркнул недовольно на Григория, мол «Что ж ты чародей одолеть его не можешь своими чарами» и снова в рубку устремился.

Покачнулся мертвый разбойник, выронил топор. Ударился тот с громким стуком о палубу. Тело рядом рухнуло. Скоро перед глазами механика натекла целая лужа крови из продырявленных боков разбойника. А Забубенный так и стоял на коленях еще некоторое время, пока сеча вокруг него не закончилась. Только потом тряхнул головой механик, пробудившись от оцепенения, и встал.

Уже стемнело почти, как разбили ратники ватагу бравую Федьки Кривого, а самого атамана сильно изувечив, даже в плен взяли. Он один троих ратников жизни лишил в схватке на ладье черниговской, да еще троих остальные помощники его порешили, хоть и полегли все почитай на той ладье. А было их почти две дюжины. Кто жив остался, в воду сиганул. Да

не много таких оказалось. Крепко бились разбойники, порезали-поранили многих ратников, хоть и в кольчугах те были. Куре ловкому чуть руку не отсекли. Пользовали его сейчас от ран другие ратники, что в знахарстве немного понимали, да себя чародеями не величали.

Подошел к нему Забубенный и тихо так проговорил:

— Спасибо, Куря, снова ты мне снова жизнь. Я теперь, дважды твой должник получается.

Посмотрел на него Куря снизу вверх, ибо сидел на лавке. Головой кивнул неторопливо.

— Получается, так. Да только жизнь, штука вертлявая, не успеешь оглянуться, как случай выйдет должок отдать. А покудова живи да радуйся. Мужик тот здоровый был, а ты, видать, мечом махать не привычный.

— Ну да, — безрадостно согласился Забубенный, — подучится надо маленько.

— Ничего, — усмехнулся Куря, — за этим дело не станет. Помахашь еще вдоволь. Мы в земли дикие идем, а там лихих людей много больше. Что ж ты его в камень то не оборотил?

Забубенный задумался. Авторитет чародея таял на глазах.

— Да вот решил силами человеческими для забавы померяться, — соврал Забубенный ради поддержания имиджа, — да только сил не рассчитал.

— А, — кивнул Куря, ничуть не усомнившись в словах механика, — в следующий раз не меряйся. А то поздно будет. Сразу заколдуй его в пень али в камень. Полегчает.

— Угу, — кивнул обреченно Григорий, — Заколдую.

Между тем головную ладью догнали, наконец, остальные отставшие ладьи каравана черниговцев. Увидав приближаясь, что посереде реки плывут две привязанные друг к другу ладьи, остальные черниговцы почуяли неладное и тоже к бою изготовились, но было уже поздно.

Крикнув остальным ладьям, коими Еремей да Кузьма заправляли, чтобы, не отставая больше, шли следом да к ночлегу готовились, Путята приказал отвязать ладью людей лихих, поджечь ее и пустить по волнам. Ратники так и сделали. После чего, Путята пробрался меж воинами ранеными на корму. Там под ногами Христича, что правил к берегу, лежал опутанный веревками Федька Кривой. Лишившись своей ватаги, злобно смотрел атаман лихой на все, что вокруг него происходило.

Глава девятая **«А караван идет...»**

Приблизился к нему Путята, своей рукой двоих разбойников убивший, и спросил спокойно, будто и не было буйной сечи, и находился перед ним не лютый враг:

— Что же ты, супротив нас-то попер, неразумный человек? Ты же видел, кто перед тобой. Не ленивые купцы, а служилые люди.

Федька Кривой изогнул шею так, чтоб в лицо воеводы взглянуть, и ответил куражно:

— А по мне все одно, купец, а ли воевода. Мне мошна твоя нужна была, а тебя, да сабель твоих я не боюсь.

Сплюнул Федька воеводе под ноги и замолк. Посмотрел черниговский воевода на него пристально, поразмыслив промеж себя о чем-то, поглядел на Христича, да вдруг спросил о том, отчего соседние ратники даже потеряли дар речи.

— Далеко мы идем, Федька. Опасный путь держим. Лихих людей мне поболее надобно иметь. Если сохраню твою душегубскую жизнь, да смерть моих товарищей прощу, будешь мне за это служить верную службу?

Снова вывернул шею атаман лихих людей так, чтоб с воеводой глазами встретится.

— Мне любя только молодецкая жизнь моя, да ветер на просторе. Да сабелька острая. Не желаю я тебе, княжеской собаке, службу служить. А конец мне всегда один. Не боюсь я тебя.

Подбоченился воевода, помолчал недолго.

— Ну что ж, — рассудил он, наконец, — коли так, то и тянуть не будем долго. Тогда знай, за то, что напал ты на людей черниговского князя, будешь немедля казнен. Вот этой самой дланью.

Федька Кривой даже не шелохнулся.

— Делай дело свое, воевода. Я свое сделал.

Подав знак воевода и двое дюжих ратников, Данила, да еще один, подняли атамана людей лихих, да к борту его подтащили. Прислонили головушку буйную к деревянному брусу. Подошел Путята, вынул меч, размахнулся и отсек атаману голову. А ратники, что держали обезглавленное тело, перекинули его через борт, поднатужившись. Точно также выбросили в воду и тела других разбойничков, что по всей ладье валялись. А своих мертвецов обычай повелевал схоронить в сырой земле на берегу.

Глядя на этот скорый суд, Забубенный решил, что воевода в случае чего перед колом не остановится. Местная система правосудия работала быстро и без бюрократических проволочек. Осудили, приговор огласили, раз, и ты уже на небесах. Ни адвокатов, ни последнего звонка другу. Вот тебе и система распознавания «Свой-чужой». Если свой, — тебе почести и почитание согласно рангу, чужой — гнить тебе в земле или камнем на дно идти. Никакой середины. Либо ты свой, либо чужой. Можно при случае переметнуться, если жизнь заставляет. Но тогда, ты теперь здесь уже как бы свой, а там уже чужой. И суть от этого не изменится. Так что система работает в любом случае. Полная демократия. Воздержавшихся нет. Закон джунглей.

Тем временем впередсмотрящий обнаружил местечко для ночевки и скоро ладья, направленная твердой рукой Хриistica, уткнулась днищем в прибрежный песок. Пока казнили Федьку Кривого, бывший пират даже бровью не повел. То ли привычный к этому делу, то ли там он уже давно был чужим, а здесь своим. Потому считал, все правильно происходит.

Скоро рядом с флагманской ладьей приткнулись все остальные суденышки. Ратники развели костры на лесном берегу. Отужинали. Выставили дозоры. Путята позвал к себе снова Еремея с Кузьмой посоветоваться. А Забубенный, утомленный острыми переживаниями этого дня, рухнул на подстилку из веток. Укрылся накидкой и уснул мертвецким сном, не взирая на капающий с неба дождь.

Ночь прошла быстро. Едва небо просветлело, а караван уже отчалил. Выстроились снова ладьи друг за другом, и пошли бороздить днепровские воды.

На утро в ладье Забубенного оказалось пополнение. Несколько ратников из отряда Еремея перешло на ладью Путяты, чтобы силы привести в равновесие. Молодцы все были здоровые, как и подобает ратникам. Лошадей своих на старой ладье оставили, — им отошли кони убитых.

Скоро дождь прекратился. Туман разогнало легким ветерком, что задул с рассвета в сторону моря и скоро усилился, посвежел. Путята велел поднять паруса, и заскользили ладьи по водной глади еще быстрее. Ратникам вышла передышка, — грести не надо. А тут и солнышко выглянуло, жить стало веселее.

Берега вдоль реки тянулись пустынные. Видно, не зря их ватага Федьки Кривого выбрала для своих черных дел. Ни городов, ни деревень крупных почти целый день не попадалось. Только опять ближе к вечеру, поравнявшись с обширным селом, где остановки делал торговый люд, увидели ратники, что шел им на встречу большой караван.

В нем было больше дюжины ладей, все шли под парусами бело-серебристыми. Половина ладей в воде низко сидело, бортами едва ль воду днепровскую не черпают. А нагружены они были диковинными зверьми, похожими на лошадей, только горбатыми, с длинными и губастыми мордами. Отродясь такого зверья не видали черниговские ратники, только Забубенный сразу в них признал верблюдов, что многократно в зоопарке наблюдал.

Едва их завидев, он так и сказал:

— Гляди-ка, верблюдов везут.

— А ты почему знаешь? — подивился Данила, во все глаза смотревший на караван.

— Ну, я же чародей, как никак, мне знать положено, что в землях заморских обитает, — ответил Григорий, делано ухмыльнувшись, изо всех сил стараясь приподнять чуть просевший авторитет, — Вот этих чудищ, как раз, и везут из заморских земель народ местный потешить, а ли кому в подарок. Проживают верблюды в далекой Азии среди бескрайних пустынь.

Несколько ладей было загружено живым товаром. То были невольницы: восточные красотики. Судя по тому, что шел караван через земли русичей, везли их в подарок кому-то из князей. Вспомнилось Григорию глядя на это, что на Руси, которую благодарные потомки почитали издревле страной, где каждый муж имел только одну жену, не в пример восточным султанам с их гаремами, на самом деле такая ситуация наблюдалась отнюдь не всегда. Со времен языческих, да и в первые годы христианства многие князья, не смотря на запреты церкви, имели по двести-триста наложниц. Только слова «гарем» они не знали. Так что восток по этому вопросу отстоял от нас не так далеко, как казалось с первого взгляда. Да к тому же на востоке в гарем входили все родственники наложниц, которых султан содержал за свой счет, а русские князья по древнему обычаю жмотничали и никого, кроме своих девок не содержали. Да и тем зарплату выплачивали не регулярно.

Следующая пара ладей, усеянная по всем бортам вооруженной охраной из крепких воинов восточной наружности, судя по всему, везла драгоценные подарки. Еще раз Забубенный уверился, что караван этот вез дары кому-то из русских князей. Либо в Киев, либо в Переяславль, либо в Смоленск, а может еще куда.

На корме последней ладьи, на специальном резном сиденье, похожем на средних размеров трон, сидел сам хозяин каравана. Посланник какого-то султана или шаха, разодетый в дорогие одежды. Над его лысой головой через всю корму был натянут тент из шелка, чтобы спасти его нежную кожу от прямых солнечных лучей. Это был маленький толстый азиат, по бокам которого стояли две наложницы с опахалами, хотя ветер и так дул исправно. Сервис, ничего не поделаешь. Эскорт услуги. Хозяин каравана курил стоявший перед ним на специальном столике походный кальян, закатив глаза от наслаждения. Наложницы были красивы и имели весьма внушительные формы. При этом они старательно шуршали опахалами и так активно двигались, что Григорий ощутил себя посетителем стриптиз бара «Приют моряка». Между тем азиат не обращал на них никакого внимания. То ли был педиком, толи просто наркоманом, накурился гашиша и пребывал сейчас далеко от сюда, в стране грез.

Увидев хозяина этого диковинного каравана, механик немного расстроился. Он уже ожидал узреть в самой богатой ладье не меньше чем Клеопатру, неожиданно возжелавшую навестить родственников из-под Киева. Благодаря чему половина Египта пришла в движение, срочно собираясь в дорогу. Забубенный даже сплюнул от досады и громко топнул ногой. Стоявший рядом Данила, который только что натянул новую тетиву на свой лук и теперь испытывал ее, приладив стрелу и поигрывая мощным луком, прицеливаясь то вправо, то влево, от неожиданности отпустил тетиву, и стрела вырвалась на простор. Проследив за направлением полета нечаянно выпущенной стрелы, Забубенный понял, что сейчас будет международный скандал.

Просвистев положенные пятьдесят метров между ладьей черниговских ратников и ладьей восточного посланника, стрела вонзилась в шею одного из охранников, стоявших у ближнего борта. Мертвый азиат выронил в воду щит и кривой меч, схватился обеими руками за шею, сделал пару судорожных шагов назад и рухнул, наконец, прямо на столик с кальяном, обломав посланнику весь кайф.

— Хороший лук, — только и сказал Данила.

Перед вернувшимся из мира грез толстым и лысым хозяином каравана на мягком персидском ковре, устилавшем палубу, быстро образовалась лужа крови. Некоторое время он недоверчиво взирал на труп со стрелой в шее, не выпуская из руки оторванную от кальяна длинную резную трубку. Затем все-таки перевел ословевший взгляд в ту сторону, куда указывал пальцем другой подскочивший охранник, то есть в сторону расходившейся

бортами с его кораблем ладьи черниговцев. Еще немного и они должны были навсегда разойтись противоположными курсами. Причем ладья каравана шла на веслах против течения, а ратники Мстислава Чернявого под парусом и с попутным ветром.

Покончив с раздвоением сознания окончательно, караванщик сделал короткий знак рукой. Охранники у борта вскинули луки.

— Хоронись! — крикнул зычным голосом Путята, мигом оценив ситуацию.

Спустя мгновение добрый десяток стрел накрыл ладью черниговцев. Одному ратнику из пополнения Еремея пригвоздило стрелой ногу к лавке, на которой он сидел. Дикий вопль огласил днепровские просторы. Второму стрела вошла в плечо. «Все, — решил про себя Забубенный, — точно международный скандал».

Но Путяту, похоже, это не так сильно беспокоило, как механика. Он снова оказался в своей родной стихии. На ладью напали, не важно кто и почему, значит надо дать отпор. Воевода, схоронившись от первого залпа вражеских лучников за мачтой, зычным голосом, так что его приказание прокатилось над палубой гулким эхом, рявкнул:

— Лучники, а ну отправить гостинцев в ответ!

Тот час добрая дюжина молодцов, в числе которых оказался и меткий Данила, достала луки из-под скамьи, приладив стрелы к тетиве. Натянула ее и пустила в догон заморским гостям целый рой стрел, подарок от ратников черниговского князя. О своего места у правого борта Забубенный видел, как стрелы веером накрыли удалявшуюся ладью заморского каравана. Сам хозяин исчез из виду, наверное, спрятался где-нибудь в трюме вместе с наложницами, решил Григорий. Основной удар, как всегда, пришелся на охрану. Трех вояк заморских прошило насквозь стрелами черниговскими, да так, что они одновременно с кормы сверзнулись в воду бурливую. Еще одного стрелой к мачте пригвоздило, то Данила постарался. Пятому стрела в руку вошла, попортив ее изрядно. Остальные попрытались было, да борта у той ладьи не чета нашим были, низкие. Не спрячешься. Их хорошо видеть было.

«Пять два», про себя считал Забубенный, не принимавший в неожиданной перестрелке участия. Его пока мучила совесть за то, что он стал причиной межнационального конфликта. Но остальных ратников на ладье она, похоже, не мучила вовсе. Они даже вошли в азарт своего привычного дела, подначивали друг друга, обсуждая результаты стрельбы. Военный должен воевать, иначе он будет пить и гнить. Это вековая мудрость.

Григорий, не отрываясь следил за происходящим позади. Расстояние, разделявшее неожиданных врагов, становилось все больше. Прилетевшие второй волной стрелы от охранников каравана воткнулись в борта и щиты оборонявшихся, но никого не убили и даже не ранили.

Забубенный смотрел на Путяту со стороны и ожидал от воеводы чего-то экстренного, типа приказа развернуть ладью, догнать караван и взять все его суда на абордаж. Спалить и пустить их на дно, отобрав товары, как настоящие пираты. От бравого черниговского воеводы, на службе у которого состоял настоящий разбойник, и такого можно было ожидать. Но Путята даже не давал новой команды стрелять, видно, понимая, что не за чем стрелы переводить, все равно не достанут, да еще против ветра. Молча, он смотрел назад, в сторону удалявшейся ладьи с неизвестно чьим посланником.

Забубенный уже с явным облегчением решил, что так и погаснет, не успев, как следует разгореться международный конфликт. Как вдруг, на удивление Григория, новая волна стрел окатила ладью заморскую, положив едва не треть охранников оставшихся в живых. То поравнялись гости с ладьей Еремея, а помощник воеводы узрев издалека перестрелку, уже заранее к заварушке изготовился. Его бойцы, стояли почти не таясь, и пускали стрелу за стрелой в ладью караванщика, словно забавляясь. Азиаты едва успели дать один жидкий ответный залп, который, правда, стоил жизни двум ратникам Еремея.

Несмотря на то, что вокруг ничего не грохотало, не было слышно разрывов снарядов, не трещали, как в некогда современной для него войне, автоматные очереди, а только был изредка слышен чавкающий звук стрел, вонзавшихся в мокрую древесину, Забубенный не мог оторваться от созерцания экологически чистой схватки. Тем не менее, люди в этой

схватке гибли по-настоящему.

Спустя несколько минут воздух огласился дикими криками. Оказалось, что к сражавшейся в одиночку с черниговцами последней ладье каравана присоединились все остальные, кроме груженных верблюдами и наложницами, и численный перевес мгновенно оказался на стороне азиатов. Случилось это, когда ладья Еремея уже вышла из зоны обстрела, вслед за ладьей самого Путята. И весь удар разъяренных гостей Руси пришелся на ладью Кузьмы и последнюю, груженую больше оружием и лошадьми. Вот тут то азиаты отыгрались. Тучи стрел заполнили воздух между кораблями. Одна за другой эти тучи осыпали корабли русичей, поражая ратников, которые тоже метко отстреливались. Но силы были не равны. И Забубенному показалось, что дальше разведывательную экспедицию продолжит максимум два корабля, да и то, если караванщик не решит развернуть караван и броситься в догон за обидчиками ни с того, ни с сего убившими его охранника.

«Интересное дело международная политика, — рассуждал механик под шум ветра, заглушавший иногда крики и вопли бившихся вдалеке воинов, — один случайный выстрел и псу под хвост все договоренности. Разбирайся потом, кто виноват. Снова война, маневры. Но, главное, всем на удивление весело. Недолгая, но активная жизнь».

Путята, как казалось, спокойно наблюдал избиение собственного арьергарда. Ввязался в бой, выходи из него с честью, даже если ввязался по глупости. Всем было ясно, а особенно Забубенному, что самое главное дело, ради которого их послали в чужие далекие земли, еще впереди. Оно еще и не начиналось, как следует. А они почитай треть, если не половину людей уже потеряли из-за этой стычки с азиатами. Для такого дела люди важны, да тишина. А теперь и людей покосило и шуму будет, на всю Русь. Но молчал воевода. Ничего не сказал он Даниле. Только раз, как бы невзначай, задержал взгляд на своем помощнике, а тот в свою очередь с непониманием глянул на Забубенного. Механик же буравил взглядом доски днища лодейного. На том и закончили разбор полетов. Ну, стрельнул случайно и стрельнул, что же теперь поделаешь. А чей это был караван, из какого царства государства, кому подарки вез, и сколько там народу полегло, про то сведаем, когда назад воротимся.

«Если, конечно, воротимся, — только и подумал механик-оптимист, — если тут ежедневно так развлекаются, то это задание, — билет в один конец. Наша служба и опасна и трудна. Эх, жаль, что самолетов-невидимок, да парашютов еще не придумали. Легче было бы проникнуть в тыл к врагу».

Скоро стихли дикие крики над Днепром, то последняя ладья вышла из-под обстрела азиатов. Никто из участников неожиданной схватки не захотел продолжить битву. Не повернул своих ладей посланник неизвестного царства, чтоб черниговцев наказать. И Путята не стал догонять караван заморский сызнова, чтоб отыгаться за убиенных ратников. Военное дело серьезное, надо помирать — помирай. Ничего не поделаешь. Да только разведчикам-диверсантам, а именно так и называл про себя Забубенный отряд черниговского воеводы, биться следовало только в крайнем случае. Иначе можно всех людей растерять, а задания княжеского не выполнить. Видать про то и размышлял воевода, когда приказал дальше свершать путь.

Так и шли черниговские ладьи до самой темноты, пока не настало время вставать на ночлег. А место определилось скоро, на излучине реки с правого берега. Было то напротив третьего днепровского притока, что прозывался Ворсклой, как выпросил любознательный механик у Данилы.

Как стали на ночлег определяться, посчитали потери. В той стычке с азиатами почитай треть народу черниговского полегло. Особенно на двух последних ладьях. Та, что в самом конце каравана обреталась, вообще непонятно, как добралась до ночлега. Из пятнадцати душ в живых осталось только пятеро. Все остальные почивали теперь вечным сном под мокрым саваном днепровских вод. Пригорюнился воевода. Позвал к себе Еремея с Кузьмой на совет. Остальным спать велел, сил набираться. Забубенный, хоть и гребли в этот день немного, устал как собака. Перекусил, чем дали, и уснул крепким сном.

Наутро обнаружилась новая диспозиция. Велел Путята всем, кто в живых на ладье

задней остался перейти в ладью, которой Кузьма распоряжался. Да оружия с собой перенести кто сколько сможет. Лошадей азиаты много побили своими стрелами. Если бы не смерть воинов, то часть из оставшихся в живых стала бы пешими, затруднив передвижение посуху. Но, к несчастью, и ратников погибло немало, а потому живые все при конях пока оставались.

Ладью четвертую, что теперь пустой выходила, повелел воевода сжечь, чтоб кому не попадя не досталась. А дальше идти на трех ладьях. До границы русских земель с половецкими оставалось уже не более дня пути. Тут уже всяких людей можно было повстречать, кроме половцев. Ходили по Днепру разные караваны, многие товары на себе везли. А с ними плавали не только достойные мужи, но и всякий сброд, бывало. Разбойники, опять же, любили пограничные земли, где не понять, чья власть. Ни тебе паспортов, ни тебе виз. А по берегам, не только половцы кочевали, но и разный неизвестный люд, как поведал Данила любознательному механику. Потому следовало идти скопом и держаться друг дружки, так надежнее выходило и безопаснее.

Перекусив, чем Бог послал, отправились снова в путь черниговские ратники. Едва миновали бурливую Ворсклу, увидели что в след им вышел из нее еще один караван из трех ладей, купеческий по виду. То могли быть переяславские купцы, что в далекие земли к русскому морю направлялись, чтоб торговать с греками. Ибо переяславское княжество граничило с половецкими землями, некогда прозывавшимися «Диким полем», а теперь не таившими для русичей былой угрозы. Однако, видно завелась там угроза новая, невиданная, раз так всполошились половцы, что на Русь плакаться прискакали и князей многих взбаламутили.

Ветер в то утро задул снова попутный. Свежо было на воде. Наполнившись силой, паруса понесли вперед черниговские ладьи, коих теперь всего три оставалось. Ратники, пользуясь передышкой, кто чем занялись. Больше все оружие свое чистили до блеска, да кольчуги зельем зловонным смазывали. «Замена масла», как определил эту операцию для себя Забубенный. Сам он сидел и смотрел на воду, да на чаек. Это занятие ему почему-то не надоедало. Иногда он также по долгу мог смотреть на небо.

Неожиданно к нему приблизился ратник и, нагнувшись, негромко сказал:

— Поди. Тебя воевода кличет к себе.

Забубенный отключился от созерцания водных просторов и круживших над рекой птиц. Раз воевода впервые за столько дней пути пожелал с ним словом обмолвиться, значит, совет нужен. Без чародея, похоже, никуда. Надо идти.

И Григорий, словно заправский матрос, пробрался, осторожно переступая через скамьи по раскачивавшемуся из стороны в сторону днищу на самую корму ладьи, где на бочке с медом сидел воевода, глядя вперед. Приложив ладонь ко лбу за неимением цейсовского бинокля, Путята словно пытался рассмотреть, что откроется за следующей излучиной реки. Что за новая напасть ожидает там разведчиков князя черниговского.

Рядом с ним не было никого из обычного окружения. Ни Данилы, что увлеченно мазал сейчас свою кольчугу адским зельем, ни Кури, что точил наконечники стрел о камушек, прихваченный с собой в дорогу специально для такого случая. Увидев подобравшегося к нему механика, Путята кивнул ему на скамью рядом с собой и произнес.

— Ну, садись, непонятный человек, будем разговор вести.

Забубенный гордо сел, вытянул ноги в кожаных портянках, поправил свой меч и приготовился к беседе с воеводой, которого сейчас вполне можно было называть адмиралом или командором, ибо командовал он целой эскадрой.

Глава десятая

«Предсказание великого механика»

Несмотря на приглашение поговорить, командор долгое время молчал, рассматривая быструю реку, что изгибалась вдали пологой извилиной, теряясь за густым прибрежным лесом. И лишь потом, изрек, не отрывая пристального взгляда от волн.

— Как думаешь, Григорий, что нас ждет в Диком Поле? Исполним мы княжескую волю, как надобно?

Забубенный призадумался. От него ждали предсказаний, как ото всякого настоящего прозреца. Причем ждал воевода, то есть непосредственное начальство, от которого в походе зависела судьба самого прозреца. Тут надо было не напортчить, а то и до кола недалеко. Вон их, сколько растет потенциальных по берегам реки.

— Ну, — начал осторожно механик, — я, конечно, не Нострадамус какой-нибудь и не премьер-министр правительства, но думаю, что в Диком Поле ждут нас дикие звери и дикие люди восточной национальности во множестве.

Как ни странно, воевода черниговский поверил в предсказание. Все-таки в темных временах есть свои преимущества, для колдунов в особенности. Путята даже оторвал взгляд он поверхности реки и вперил его в Забубенного.

— Во множестве, говоришь. А сколько их, да где они нас ждут. Неужели, у самого Заруба?

Забубенный вошел в ступор, но быстро из него вышел. Прогноз на ходу начал обрастать подробностями. Начальство требовало детали.

— Да нет, — уверенно заявил Забубенный, решив про себя «врать так врать», — У Заруба не ждут. Скорее всего, обретаются они где-то в глубине этого Поля. Далеко от берегов Днепра. Думаю, с десантированием у Заруба проблем не будет.

Воевода не унимался.

— А где искать этих неизвестных людишек, может, знаешь? Времени много уже ушло на дорогу, людей потеряли.

Теперь Григорий призадумался, сочиняя на ходу. Придумал так.

— Километров сто, наверное, от реки в степь, да еще с гаком. Там, где-то их монгольский кемпинг и стоит.

— Опять мудреные слова говоришь, — осерчал воевода, — что за километры такие, растолкуй.

— Ну, это почти тоже самое, что и верста обычная, пятьсот сажень, только по-другому называется. У нас, колдунов, своя мера длинны, есть. А если в межевых верстах мерить, то в ней целых два километра с лишком получается.

Воевода помолчал немного, пересчитывая километры колдуна в привычные версты.

— Ну, коли так, то дней за пять дойдем. А то и ранее. Надо нам их быстрее сыскать, донести князю о том месте. Главное, чтобы не помешал никто. Должны мы их врасплах застать.

— Дойти-то, может, дойдем, — кивнул Григорий, — но, пардон, надеюсь, черниговский воевода не собирается нападать на монгольские тумены с двумя ладьями воинов, пусть и таких крепких? Честно говоря, кажется мне, что народу у них не меряно, да быстрые кони имеются. Как бы они сами нас врасплах на обратном пути не застали.

— Дело говоришь, Григорий, — одобрительно кивнул Путята, — нападать на них мы не будем. Это я и без тебя разумею. Так, тихо подойдем, глянем, что к чему и назад. Наше дело должно быть незаметное и быстрое. Хотя по дороге туда мы уже дел наворотили столько, что хорошо еще, если слава наша буйная нас не обгонит. Князь нас за это по головке не погладит.

— Не погладит, — согласился Григорий, не уточняя, кто был причиной этой славы, и что еще может с ними сделать Мстислав Чернявый за провал операции.

Замолчали опять переговорщики, каждый о своем раздумывая.

— Я вот что разумею, воевода, — вдруг пришла в голову механика мысль настоящего разведчика, — если мы должны пройти тихо сквозь половецкие земли, себя не обнаружив, то нам никак нельзя идти в открытую. Там ведь степь кругом, а по степи «тихо подойти» можно только имея приличную легенду. Военный отряд русичей сразу лазутчики засекут и сообщат монголам. Тем более, что в Диком Поле сейчас смутные времена, как бы война идет со врагом неизвестным, и вообще не пойми что происходит, так ведь?

— Ну, — согласился воевода, заинтригованный словами походного колдуна, — только к чему ты клонишь, непонятный человек?

— Я слышал, — продолжал Забубенный излагать в виде своих мыслей то, что вычитал когда-то из учебника по истории, — что даже во времена военных действий никто не трогает торговые караваны, ибо все воюющие стороны признают необходимость торговли. Так?

Воевода покумекал над словами Забубенного и кивнул.

— Ну, так. Есть такой уговор, — купцов не трогать. Они и сейчас по половецким землям свободно разъезжают со своим добром, да и в древности, когда мы еще с половцами врагами были, все равно, говорят, торговали посреди войны. Еда всем нужна, да и оружие новое. В общем, купцы пронирливые везде поспевают, деньгу заколачивают, даже жизнью своей от жадности рискуя.

— Вот именно, — продолжал Забубенный развивать свою мысль, — деньги, конечно презренный металл, но торговля, как ни крути, развивает международные отношения. А потому предлагаю обрядиться купеческим караваном. А, как известно, каравану, кроме верблюдов нужна охрана.

— Каких таких верблюдов? — подивился незнакомому словечку воевода черниговский, — сколь живу, не видал никогда.

— Ну, это такой зверь диковинный с двумя горбами, что недавно на ладьях провозили мимо нас. На тех, что мы невзначай обстреляли, — пояснил Григорий.

— С двумя горбами? — переспросил Путята, покачав головой, — нелегко живется этой зверушке. Наказал ее Господь, видно, сиим ужасным видом.

— Да не в верблюдах дело, — прекратил рассуждения о судьбах верблюдов Забубенный, — любому каравану нужна надежная охрана. А ратников у нас как раз для этой задачи наберется порядком. Только надо купцов изобразить натурально и товару где-то раздобыть для отвода глаз.

Воевода почесал затылок. Идея Забубенного организовать липовый караван купцов явно пришлась по душе старому разведчику.

— Ну, с купцами-то как раз все просто. Тебя и обрядим, брешешь складно, а в подмогу Курю дадим, тот с новгородскими ушкуйниками долго по разным дорогам шатался, понабрался нужных словечек. Будете, как два брата-купца исполнять. Как-нибудь управитесь. Охрану мы вам организуем знатную, сам и организую. А вот с товаром как быть, окромя лошадей, оружия, да еды у нас и нету ничего, да и того не хватит, чтоб глаза отвести...

Пока воевода размышлял над тем, где посреди реки взять товар, чтобы сойти за купцов в Диком Поле, Григорий горевал над превратностями судьбы, лишний раз убедившись, что инициатива наказуема. Промолчал бы, авось и пронесло, отсиделся бы в арьергарде, а теперь пиши «пропало». Придется купца изображать.

— Да и как я купца-то изображу, — не выдержал и вслух выразился раздосадованный механик, — я рынков местных не знаю, курсов валют, да и вообще маркетингу не обучался.

— Ничего, — успокоил его воевода, — Купцы народ не ученый. За своего сойдешь. Они ведь известные хитрованы, знают только свою выгоду, а грамоте там, как дяки, или иноземным языкам и то не всегда обучены, хотя по ремеслу и полагается. Особливо купцы нашенские ленивы. Но, бывает, попадаются разумные, с понятием. Потому, если что, сыпь неизвестными словами, будто со мной разговариваешь, и тогда совладаешь. За иноземца тебя точно примут. А это на Руси главное, да и в Диком Поле тоже. Ну а, если какой интересующийся попадется, ты больше помалкивай, Куря за тебя отбрехается, авось до той поры просклизнем в глубину Дикого Поля.

Забубенный пригорюнился и уперся взглядом в доски лодейного днища. Не получилось от роли купца отвертеться. Придется, видно, карму исполнять.

В это время, словно в ответ на грустные мысли механика, раздался зычный голос откуда-то с воды:

— Эй, на ладье, правее прими, а то не разойдемся!

Григорий поднял голову на звук и увидел, что с их ладьей поравнялась головная ладья каравана, что шел позади, да теперь нагнал их. По всему видеть, то были купцы, поспешавшие куда-то по своим торговым делам.

Воевода черниговский, увидав сию оказию, широко улыбнулся, словно ждал этот караван уже неделю и, наконец, дождался.

— Ну, вот и товар твой подоспел, купчина... — сказал он, подмигнув оторопевшему Григорию.

Встал, подбоченился, да быстро зашагал через скамьи на нос ладьи и о чем-то перемолвился с Курей, да Данилой, что там стояли, чистили оружие. После чего, Данила пробрался обратно на корму и шепнул словечко Христичу. А тот, не долго думая, заложил такой вираж, что ладья и впрямь пошла на таран купеческого суденышка. Тот неизвестный караван тоже был на трех ладьях, да поменьше они телом были, чем военные челны черниговцев.

— Куда правишь, дура! Глазы повылазили! — заорал изо всех сил купеческий рулевой, но сам бросил ладью влево, чтобы столкновения избежать. По всему видно было, что ладья шла груженная товаром. Жалко купцам было ее на дно пускать.

А до левого берега Днепра, на котором виднелась песчаная отмель, было уже недалеко. Вторая ладья черниговских воинов, привыкшая следовать за Христичем как за ведущим, словно крейсер за флагманским броненосцем, повторила маневр, стеснив с пути своего вторую купеческую ладью. А за ней и третья также поступила. Получилось как по военно-морской науке позднего парусного времени: эскадра свершила поворот «все вдруг». Не успел Григорий и глазом моргнуть, как весь караван купеческий был повернут к берегу и загнан в небольшой заливчик. А передняя ладья даже выскочила на песчаную отмель. Ладьи черниговцев надежно заблокировали весь фарватер, и дальнейшее продвижение купцов по реке сделалось невозможным без вооруженных разборок.

Купцы не на шутку переполошились и схватились за оружие. Но, сразу было видно, что караван идет без мощной охраны. То ли купцы считали эти воды своими и безопасными, имея на то все основания, то ли охрана еще не подросла и должна была подсесть в пути, в диких землях. Но Григорий успел насчитать всего не более десятка мужиков купеческого вида в первой ладье и дюжину во второй. Сила была явно на стороне черниговцев, и они это понимали. Купцы, похоже, это тоже понимали, хоть и ярились.

— Вы что творите, ироды? — закричали с головной ладьи. Кричал здоровый бородатый мужик в красной шапке, отороченной мехом, — Крови нашей захотели, разбойники!

— Кто такие? — вместо ответа поинтересовался Путята, переводя разговор в деловое русло.

— Мы купцы Переяславские, идем к русскому морю, чтоб с греками торговать. Меня Артемий зовут. А это Нестор и Вакула, известные купцы в нашей стороне. На ладьях наши дружки, да работные холопы. А вы кто и чего надобно от нас? Где ж это видано, на своей земле купцам проходу не давать. Да мы почитай всех местных разбойников наперечет знаем, а вас что-то раньше не видали.

— А мы и не разбойники, — успокоил купцов воевода черниговский.

— Сами то мы не местные, — вдруг, неожиданно для себя, вставил слово будущий купец Забубенный.

Переяславские загомонили меж собою.

— А откель будете и чего в наших местах промышляете?

— Откель, про то вам знать не надобно, — коротко ответил Путята, смерив взглядом инициативного купца, у которого мгновенно пропал дар речи, — мы хотим товар ваш на время к себе забрать, чтоб послужил он для хорошего дела. Общего.

— Чего? — купцы опешили, — Забрать товар? Да это ж наш товар, сами его год запасали, чтобы на торговлю выехать. Ограбить нас хотите? По миру пустить. Значит разбойники вы, истинно, хотя и видом на ратников больше походите.

Возникла заминка. Тем временем, в голове у Забубенного вступили в противоречие две

мысли. Одна ранняя, о возможности спокойной торговли даже во время войны, а другая свежая, относительно того, что разворачивалось у него прямо на глазах. Он не вынес сего парадокса и легонько дернул за руку черниговского воеводу.

— Герр Путята, как же так получается. Купцы-то ведь свои, русские. А ты же сам только что рассказывал, уважаемый, что купцов никто не грабит, а тем более, русский русского. Уговор же есть.

Воевода с непониманием возрился на горе-купца и стал растолковывать ему как малому ребенку местную философию.

— Уговор-то есть, но он больше про Дикое Поле уговорен, а если жизнь заставит, то и русский русского ограбит и еще как. Для дела можно. Да и какие это свои: они, — переяславцы, а мы, — черниговцы. Князя у нас хоть и дружные, но разные. Случись что, — глаза друг другу повыколят. Так мы на Руси и дружим. А для меня, — мой князь голова. Если что, он с меня спросит, почему дело не сделал. А что мы по дороге купцов переяславских потрясли для пользы дела, так он только рассмеется, да чарку поднесет. А может и товар им вернет из казны. Так что, смотри и на ус мотай.

Забубенный умолк, потрясенный междоусобной философией. Как-то вдруг всплыли в памяти страницы древних междоусобиц княжеских, когда из-за власти в процессе дележа собственности брат убивал брата, отца и всех родственников, что стояли на пути. Почти в это время Забубенный и попал. Самое страшное, что мог сделать тогда князь-отец, это оставить власть сразу несколькими сыновьям, чтобы они «миром» поделили ее между собой.

Путята, между тем, продолжал переговоры с купцами.

— Товар заберу не весь, да и на время. Ну, а если что с товаром случится, — наш князь вернет вам все, в убытке не останетесь.

— А что за князь-то? — уточнил Нестор, — как его величать?

— Придет время, узнаете, — туманно ответил Путята, — А сейчас главное, чтобы я вас запомнил. Потом чтобы не ошибиться, кому добро возвращать.

— Да и на какое такое дело вам оно надобно? — продолжали возмущаться купцы, но по всему было видно, что признали силу и готовы расстаться с деньгами. Тем более, не со всеми. Это лучше, чем с жизнью. Философия ограбленного мгновенно действует в случае безысходности. Помогает легко расставаться с честно заработанным.

— Хорошее дело, но в чем суть, сказать не могу, — проговорил воевода черниговский, — как известно, меньше знаешь — дольше живешь.

Услышав такое объяснение, купцы Переяславские прекратили расспросы, согласившись с народной мудростью.

Что делать с товаром, порешили так: все купцы с головной ладьи, что на мель села, перешли на вторую к дружкам своим, потеснились. Да их там и немного было, устроились. А все, что в ладье было, велел находчивый Путята воинам под началом Данилы перенести на свою ладью. А было там немало. Переяславские купцы не бедные оказались. Везли они в Греки соболиные и песцовые меха, самотканые платки, обувь дорогой выделки, плетеные корзинки, да посуду из непонятного материала. Купцы чуть не плакали, глядя, как быстро заезжие воины-разбойники лишают их годами нажитого добра.

Забрали ратники еще часть купеческой одежды, — шапки да алые сапоги, яркие кафтаны, чтобы походить на торговое сословье. Остальные ладьи ратники Путяты досматривать не стали, чтобы купцы за оружие не хватались, лишней крови пускать не желая. Ну, а чтоб не кинулись в погоню за одолженным товаром, велел прозорливый воевода пробить отверстия небольшие в ладьях, чтоб дали они течь. Потонуть не потонут, но ход потеряют. Так всем спокойнее будет.

Как загрузились купеческим товаром, Путята велел путь править дальше. Развернул Христич свою ладью по течению, наполнился парус попутным ветром и пропали в дали за кормой ладьи купцов обестоваренных.

Как исчезла из виду последняя ладья, опять с вопросом обратился к воеводе беспокойный Григорий.

— Ты уж извини меня, герр Путята, но вот ты купцам обещал, что князь в случае чего вернет им одолженное добро. А если они не узнают, что за князь, то и не вернет?

— Прознают, если уже не прознали. Мы люди заметные. А купцы, — народ любознательный, особливо насчет денег и товара. Так что, прознают, чьи мы люди скоро.

— Значит, князь вернет им добро?

Воевода, что снова в даль смотрел, ответил небрежно:

— А я почему знаю. Он князь, чтоб решать. Может, отдаст, а может, и нет. Его дело. Ты лучше, поди, примерь, что тебе из одежды подойдет. К вечеру уже, даст Бог, у Заруба будем. Пора тебе привыкать быть купцом. А о переяславцах не переживай, они себе еще наторгуют.

Григорий ничего не ответил. Да и что тут ответишь. Воин торговца не понимает, хотя есть любят все.

Пришлось идти на корму, где Данила временно развернул вещевой рынок, разбросав купеческие шмотки по нескольким лавкам. Забубенный ощутил до боли знакомое чувство покупательского ажиотажа, которое возникает при посещении любого торгового центра, с той только разницей, что здесь не надо было платить вообще. Куря уже нарядился в красный кафтан и с наслаждением натягивал сапоги из тонкой кожи на свои широкие пятки, привыкшие больше к кожаным лаптям. «Да, подумал Григорий, халява в любой жизни халява» и приступил к подбору одежды для выполнения спецзадания в тылу противника.

Покопавшись в купеческом тряпье, он нарядился в широкие красные штаны и желтый кафтан с вышивкой, ничего менее яркого не нашлось. Кое где поджимало, но к покрою диковиной одежды Григорий быстро привык. Предыдущий владелец этого форса был мужик не хлипкий. Дополнила всю эту пеструю картину шапка с зеленым верхом, отороченная собольим мехом, в которой оказалось не жарко на солнце и не холодно на ветру. Сделав пару дефиле по ладье, Забубенный стал быстро входить в роль и, бросив взгляд на свою прежнюю тужурку и кольчужку, сиротливо лежавшие на скамье у высокого борта ладьи, решил, что в купеческих шмотках жить приятнее, хотя он и походил сейчас на светофор. Жаль, правда, рюкзачок с чародейными прибабасами, — фонариком и рациями, — никак не вязался с новым имиджем. Но это Забубенного не смущало.

— Ну вот, — удовлетворенно сказал, оглядев его, воевода, — настоящий купец. Только волосенки коротковаты, да усы маловаты, ну да ничего, отрастут. Сойдешь за младшего брата, а Куря будет старшим. Слушай его и на людях не перечь.

— Оно понятно, — кивнул новоиспеченный купец и начал прорабатывать легенду, — а откуда мы будем родом?

— Да, ясное дело, из Чернигова, — ответил Путята, — так проще будет. Чтоб никто второпях лишнего не ляпнул. Вы идете торговать с братом-купцом из Чернигова через половецкие степи к соленому морю. Путь не близкий, крепкая охрана, товару целые возы набрали.

— Кстати, а где мы возы возьмем? — уточнил Григорий.

— Дай до места доплыть, а уж возы где-нибудь возьмем, не сомневайся, — успокоил Путята.

Забубенный уже почему-то не сомневался. Остаток дня он провел в деловых переговорах с братом-купцом, сговариваясь о том, что нужно излагать, когда покупатели интересуются по вопросам покупки кожаных сапог или платков. О мехах Куря прочитал Забубенному целую лекцию, приправив ее своими воспоминаниями о походах с новгородскими купцами в далекие северные земли, где они объясачивали местных охотников. То бишь, обдирали до нитки и ставили на счетчик, предлагая за охрану отдавать им восемьдесят процентов добытой пушнины. А тех, кто был не очень согласен, в момент раскулачивали, оставляя без штанов, а кое-кого и вообще мочили на месте без суда и следствия по законам коммерческого предприятия.

Такие походы новгородцы предпринимали регулярно, в разных северных направлениях распространяя власть Новгорода. Ибо стоило им только на годик другой забыть о существовании каких-нибудь карелов и других северных народностей, как немедленно

приходили шведы со сподвижниками и грабили их самостоятельно, лишая Великого Господина совершенно законной прибыли. В таких походах и проходила тогда жизнь вольнонаемного ратника. В общем, Куря, как выяснилось, был уже знатный экспроприатор награбленного, равно как и добытого честным трудом. Наемного воина, как известно, оружие кормит.

Проговорив с ним полдня, Забубенный вынес для себя массу коммерческих знаний и в его мозгу уже начала зарождаться идея создания совместного новгородско-черниговского предприятия по разведению белок и продаже полученной таким путем пушнины шведам за валюту. Но эту мысль он не успел еще, хорошенько обдумать, как неожиданно их каботажное плавание подошло к концу, а поход к середине.

Когда над быстрыми волнами Днепра стали сгущаться теплые южные сумерки, река сделала большой плавный поворот на восток, и взглядам дружинников черниговского князя предстал пологий берег с полоской желтого песка у воды. Лишь в нескольких местах берег рассекали впадавшие в Днепр узкие притоки. Места, где можно было пристать ладьям, было, хоть отбавляй. Здесь легко могли бросить якоря сразу тысячи крутобоких судов. Именно эту излучину и выбрали на совете князя для общего сбора своих войск. А называлась она Зарубом.

Глава одиннадцатая

«Ху из «половцы?»

Присмотрев местечко поспокойнее, заросшее со всех сторон леском, направил туда свою ладью черниговский воевода. Вслед за ним и остальные суда, где Еремей с Кузьмой командовали, к берегу пристали. Пока вокруг тихо было.

Быстро темнело. Лагерь Путята велел разбить в глубине побережья, ладьи все на песок вытащив. Охрану поставили крепкую вокруг, мышь не прошмыгнет. Перекусили на скоро, да улеглись спать. Решил воевода на рассвете выступать дальше. Хотя на чем выступать, новоявленный черниговский купец Григорий Забубенный так и не узнал. Уморился он за последний день плавания, а потому заснул мертвецким сном, положив шапку под голову, да укрывшись воинской накидкой.

Наутро, едва открыв свои заспанные глаза, вчерашний мореход не узнал лагеря. Ладьи исчезли из поля зрения, как потом выяснилось, их вкопали в землю, да прикрыли ветками, чтоб в глаза не бросались. Пяток людишек из отроков Еремея оставили охранять суда до времени. А на берегу уже стоял новый караван, — купеческий, из пяти возов. Появившихся из ниоткуда, но уже груженных экспроприированным добром, да оружием с припасами в кадушках и бочонках. По бокам его выстроились конные ратники-охранники, предтечи будущих секьюрити-мотоциклистов. Сам воевода, а нынче согласно легенде, главный секьюрити братьев купцов Путята, уже сидел в седле, наблюдая за погрузкой добра, да изредка покрикивая на ратников, что работали сейчас как обычные грузчики.

— Вставай, купец, — приветствовал он пробудившегося механика-чародея, — а то всю торговлю проспшишь. Пора в дорогу выступать.

— Пора, — кивнул Григорий. Откуда появились возы, он даже спрашивать не стал. Путята отлично справлялся с ролью снабженца-прапорщика.

Забубенный сходил к воде, умылся днепровской водой, наскоро перекусил холодной зайчатиной. За это время погрузка товара была закончена. Осмотрев готовый к отправке транспорт, Григорий поинтересовался у Путаты, куда ему садиться.

— Садись в средний воз, там седушки мягче и места поболее. «Брат» твой скоро поспеет.

Не успел Забубенный взобраться в телегу с деревянными лавками, едва обернутыми какой-то шкуркой, как, словно в ответ на сообщение воеводы, продираясь сквозь прибрежные кусты, прискакал к стойбищу отряд из пяти ратников, во главе с Курей, одетым пока по старому — ратником. Нашептал что-то воеводе на ухо командир разведчиков.

Спешился, коня с оружием отдал отроку, а сам в телегу влез и сел рядом с Григорием.

— Здорово, брат-купец, — довольно ухмыльнулся Куря, словно предвкушая куражное дело в скором времени. Скинул с себя воинские одежды Куря и скоро засверкал красным кафтаном. Забубенный же давно отсвечивал всеми цветами радуги.

— Ну, братцы, — подытожил воевода зычным голосом, обращаясь ко всем своим воякам, — более мы пока не ратники черниговские, а охрана двух братьев-купцов из нашего города, что свои товары везут далеко в степь, на берега Дона, в половецкие вежи. Ничего более знать вам не надобно. А ежели съездим в даль эту успешно мы, будет всем награда от князя нашего великая, ибо дело делаем нужное. Ну, с Богом, тронулись.

Сказав это, повернул коня воевода и направил его по тропинке в сторону встающего солнца. Первые лучи светила, меж тем, окрасили багрянцем верхушки деревьев. Засвистели бичи погонщиков, приложив тягловых лошадей по широким спинам. Караван со скрипом тронулся с места в степи незнанные, коих пока и не видно было из-за прибрежного леса.

Тропинка чуть в гору пошла, и скоро купеческий караван поднялся на открытое место. Увидали там ратники дорогу, что вела вдоль берега, петляя, да забирала направо, меж холмов и деревеньки, в сторону степей незнанных. Туда и двинулись.

Солнце поднималось на небосвод, раскаляя брони воинов, купеческие кафтаны, да добро на возах. Скрипели несмазанные колеса. Сверкали меха соболиные под южным солнцем, светились самотканые платки белизной с узорами, обувь дорогой выделки глаз привлекала, да плетеные корзинки с посудой побрякивали. А Забубенный ощущал себя недобитым Нэпманом.

Повозка, раздобытая оборотистыми воеводой, оказалась довольно широкой. Сидеть им втроем с «братом» и здоровенным возницей, которым оказался лысый пират Христич, было вполне вольготно. Да еще и товара помещалось немало. Правда подвеска на взгляд продвинутого механика-новатора была явно жестковата, пассажиров нещадно трясло на ухабах проселочной дороги, которая то и дело, вообще пропадала в траве. Хотя Христича это, похоже, не волновало. Он вел телегу вперед и без дороги как ладью, словно по компасу. Колеса у телеги, меж тем, были не совсем круглые, а подшипники явно не смазывались с самого первого дня производства этого незатейливого транспортного средства. «Не «Мерседес», конечно, но жить можно, — успокаивал себя каждый раз Забубенный, подпрыгивая на ухабах и больно ударяясь о жесткий борт телеги, — все не пешком ноги стаптывать».

Двигаясь так с самого рассвета без приключений, оставив далеко позади себя Днепр, где-то к полудню «купцы» остановились на трапезу. Пейзаж вокруг путешественников пока не сильно изменился. Это была еще не степь, с ее бескрайними просторами, а холмистое редколесье, вполне родное для русского глаза. Организовать первый пикник у обочины решили в тени небольшой рощицы, сквозь которую проходила дорога.

Развели костер, зажарили припасенного мяса, ибо не охотились пока, хотя живности шныряло вокруг предостаточно. Забубенный за время пути лично увидел с десяток зайцев. А уж про всяких уток-куропаток и говорить не приходилось. Были они здесь еще совсем не пуганные, не знакомые с автоматическим оружием и оптическим прицелом. Просто рай для высокотехнологичного охотника из будущего. Григорий с интересом отведал мяса неизвестного ему зверя, завяленного непонятным способом, и выпил медовухи. На душе полегчало. Жизнь у купцов пока шла по плану. Все спорилось. Ехали, пили-ели. Врагов пока не встречали.

После трапезы, расставив охрану, по русскому обычаю покемарили немного развалившись, кто на возах, а кто прямо на траве. Ну, а как южное солнце стало клониться к горизонту, вновь по возам расселись, да двинулись в путь. Путята с Данилой впереди ехали, за дорогой присматривая, не появится ли вдали пыльное облако, за которым и неизвестные всадники появиться могут. Ратники Данилы караван с боков обороняли, на всякий случай. Еремей же с Кузьмой позади каравана обретались со своим отрядом.

Ну, а сытому да пьяному купцу хорошо живется, и на разговор тянет. Потому,

насмотревшись на окрестные пейзажи и блестящий затылок Христича, который, судя по всему, не признавал никаких головных уборов ни зимой, ни летом, Забубенный стал приставать с расспросами к «брату» — купцу. Кто, мол, такие эти половцы, на кого похожи, чем живут, что делают. Мол, сам он, не местный и ничего про них не знает, а для дела разведчика надобно быть подкованным по сему вопросу.

Подивился Куря такой серости «брата» своего. Как же это можно, на Руси жить, хоть и не в Чернигове, а ничего не слышать про половцев с коими до недавних пор почитай полторы сотни лет война была бесконечная. Да про них все знают, от старых стариков до детей малых, коими раньше их и пугали.

— Ну да ладно, — согласился удивленный Куря, — слушай, коли не знаешь. Давным давно, пришли кочевники эти издалека в донские степи, куда и мы держим путь, прогнав оттуда силою племена печенегов, тоже известных на Руси злодеев. Ты про них-то не слышал, часом?

— Слышал, — уверенно кивнул Григорий, разглядывая парившего высоко в небе сокола, хотя чем отличается печенег от половца ни за что бы, ни ответил. Но ронять имидж дальше просто не хотелось, — А почему половцев так прозвали?

— Ну, точно не знаю, но сказывают, что русичи, что с ними первыми повстречались, стали звать их так за цвет волос похожий на цвет мякины. Были они все желтоволосые.

— Желтоволосые? — удивился в свою очередь Григорий, — хорошо, что не желтолицые. А сейчас, что, брюнетами заделались?

— Не пойму о чем ты баешь, но половцы такие же остались. Желтоволосые.

— А на рожу они как, на нас похожи или узкоглазые, прости Господи за политнекорректность?

— Да на нас похожи, вроде.

— Понятно, — удовлетворенно выдохнул Забубенный, — значит европеиды. А я то уж думал китайцы.

— Хотя, — немного подумав, продолжил мысль Куря, не обратив особого внимания на непонятные слова «брата-купца», — с глазами у них и правда был не совсем порядок. Узковаты.

— Ты же сам говорил, — кочевники, — оформил соображение Забубенный, — кочуют везде. Ну, вот и намешались там, по дороге.

Куря, отхлебнул медовухи из баклажки, окинул холмы окрестные замутненным взором и стал рассказывать дальше о временах прошлых, давно минувших. По всему было видно, что ратник любил вспоминать походы давние, хоть и не свои.

— Ну вот, осели они в степях и стали кочевать от Дона до Лукоморья. Городов не строили. Ленъ было, наверное, а ли худые строители из них выходили. Были у них только вежи — деревеньки обширные и слабо защищенные, где они зимой отсиживались, да отлеживались. А как наступает лето, повадилась ироды набеги на Русь делать. Что ни лето, — налетят половцы на своих конях, а кони у них были знатные, пожгут, пограбят и обратно в степь прячутся. Городки наши приграничные, по началу от них постоянно страдали. А потом совсем осмелели кочевники и стали дальше вглубь русских земель набеги устраивать. Даже до Киева и Переяславля доходили не раз, но не взяли ни разу. Они вообще воины были так себе, города не брали, — не умели. Только скакать молодцы.

— На то и кочевники, чтоб скакать, — философски поддержал мысль «брата» слегка захмелевший Григорий, — и что, никто не надавал им по морде за непотребные дела?

— В то время Черниговом уже правил мудрый князь, Владимир Мономах, что детство свое жил в Переяславле.

— А, про этого князя слышал, — оживился Григорий, вспомним минимум из прочитанного, — он все время в шапке дорогой ходил.

— Ну вот, — не обращая внимания на исторические познания Забубенного на тему шапок, продолжал Куря, — Мономах разбил тогда половцев и решил им отомстить раз и навсегда, чтоб не повадно было совершать набеги на Русь. Собрал рать большую воинов

пеших и конных. Выждав время, пошел войной на становища кочевников. Половцы ведь сильны были только в конце лета, когда кони их быстрые сыты и здоровы, и слабы весной, потому что корма кончались, а степь становилась непригодной для прохода.

Куря, перевел дух, помолчал немного, и продолжил.

— Половца нельзя летом «взять» в сухой степи. Но зато посреди зимы он был беззащитен, бери его голыми руками. Не могли зимой кочевники уйти далеко от своих вежей. Вот князь Мономах по вежам и нанес удар весной, разгромив их вчистую.

— Умнейший был мужик, я смотрю, дальновидный, — восхищенно заметил Забубенный, — нестоящий стратег. А что дальше было с Мономахом?

— А дальше, — без запинки ответил Куря, — разобравшись с кочевниками на границах, он прошел по глубоким кочевьям половцев-лукоморцев, что обретались у Азовского моря и беспокоили набегами судоходный путь по Днепру.

Неожиданно вспомнив сказку Пушкина, про кота-ученого, что ходит по цепи кругом, Григорий, который слышал несколько версий про таинственное Лукоморье, уточнил:

— Слушай, брат, а Лукоморье это там, что ли?

— Ну да, а ты что не знал? — удивился в очередной раз Куря, но не сильно, и продолжал, — А на следующий год князь совершил мощнейший поход на Дон, туда, где половцы начали уже строить свои первые глинобитные городишки, пытаясь поглубже врыться в землю. Но у них опять не получилось. Половцы такой народ, за что не возьмутся, ничего не получается. Только скакать умеют. Вот князь Мономах во встречном бою разбил все их конные рати. Да так разбил, что они уж больше нам не опасны стали.

— Нанес, так сказать, контрудар в самое сердце, — вставил слово Григорий, которому не терпелось поддержать разговор.

— Ну да. Вот с тех самых пор угроза половецких набегов пропала. А потом и вообще все перемешалось. Как воевать перестали, — дружить начали. Торговля пошла, переженились все. Болтать по ихнему многие стали, да у нас словеса новые объявились, — кушак, халат, башмак, штаны, каравай, собака...И князья наши, почитай теперь все наполовину половцы.

— Да, слышал, — вдруг вспомнил Забубенный, и пробормотал себе под нос озадаченно, — ведь и мать князя Александра Невского тоже была половчанкой.

Куря, ничего не сказал на это, видно, глубоко задумался о чем-то, погрузившись в хмельные мысли. Солнце, меж тем, уже почти зашло за горизонт. Темнело быстро, как и положено на юге. Потому, увидав в предзакатных лучах починок у дороги, состоявший из полудюжины домов, начальник купеческой охраны велел на ночлег становиться на поляне, рядом с почином. Чтобы до людей недалеко было. Ибо, купцы в ставшие просто в чистом поле привлекали взоры лишние. А так понятно, — торговать приехали.

Остановились быстро. Вozy кругом поставили, как полагается, чтоб оборону держать легче было в случае непредвиденном. Пяток шалашей соорудили, хотя дождя и не ожидалось. Расставили охрану.

В починок Путята ратников послал, познакомиться, о себе рассказать, кто такие, откуда. Чтоб не пугались сильно прибывших людей. Пока расставлялись, да костерок мастрячили, воротились ратники-переговорщики. Оказалось, что пугаться людей пришедших здесь особенно некому. На весь починок один дед старый живет, остальные людишки куда-то поразъехались. Дома стоят пустые, хотя имущество в них кое-где имеется.

— Видать, не давно утекли отсюда мастные жители, — проговорил задумчиво Путята, сложив руки в замок, — Да сильно торопились. Коли не все добро с собой прихватили.

— Может, нас испугались, — выдал предположение Данила, — заприметили издалека, да приняли за разбойничков. Вот и подались в леса. Может, к утру воротятся.

— Может, воротятся, — согласился воевода черниговский, — а, может, и нет. Разумею я, что не нас они испугались. Сердце вещует, что пострашнее в здешних местах людишки имеются. А нас издалека, скорее, за купцов принять можно, чем за душегубов. Те то с обозами на ночь глядя по дорогам не шляют. А наоборот, будет. В лесочке сидят,

дожидаются, пока купчина с мощной тугой проедет.

— Это верно, — вставил словечко Кузьма, — мы с Еремеем всю дорогу позади обоза ехали, да ничего такого не заметили. Никто на нас не напал, знать не имеется тут разбойничков. А в здешнем починке дюжина дворов, отбиться всегда можно. Видно все ж не лихих людей испугались, а чего пострашнее.

— Может оно и так, — рассудил Путята, — ну, да на покой пора. Завтра еще день будет. Может чего прояснится.

Григорий смотрел на огонь, и помалкивал, размышляя нетрезвым мозгом с суете всего земного. Сидели черниговцы у костра, вокруг которого быстро сгушался ночной сумрак. Путята, Еремей с Кузьмой, Данила, да Куря с «братом»-купцом. Младые ратники, что «дедами» местными подражались на работы, уже готовили походную еду. Опять мясо, неизвестное видом Забубенному, на вертеле жарилось, распространяя вокруг чудесные ароматы. Так, за философскими рассуждениями о том, воротятся ли местные на утро или нет, все скоро и поспело.

Честно говоря, Григорий любил мясо, но от жесткой местной пищи, которую приходилось потреблять постоянно, у уже него начинались проблемы со стулом. Ведь никакого салата с мелко порубленными огурчиками и помидорчиками, сдобренными специями или сметаной с майонезом, не предвиделось. А тем более суши, креветок, омаров или крабовых палочек. В лучшем случае полагался местный экологически чистый, но жесткий от длительного хранения, хлеб. Насчет местной рыбы Забубенный ничего сказать пока не мог. В реках ее, видимо, было видимо-невидимо. Но вот отведать какого-нибудь стандартного осетра, который здесь должен был идти на одном уровне с селедкой будущего, пока не удалось. Хотя бы овощами напиться. Нет, что-то похожее на огурцы он уже однажды видел в Чернигове, но походный рацион их почему-то не включал. А уж про манную кашу утром Григорий и не вспоминал уже. Рад был бы по уши, если даже удалось бы откуда-нибудь взять «БИЧ-пакет» с китайской вермишелью и разбавить его в стакане горячей водой. Вот был бы пир.

Перед ужином, в ностальгическом порыве любви к овощам, Забубенный даже прошелся вдоль покинутых домов, но никаких овощей на местных огородах он заметить не успел. Да и весна вроде была в местном климате, рано еще.

Покончив с трапезой, разлеглись спать. Кто в шалашах, а кто прямо на возах. И скоро под высоким южным небом раздался богатырский храп. Купец первой гильдии, как он себя мысленно именовал, Григорий Забубенный, перед сном отправился в местный кустарник. Поскольку стойбище черниговцев располагалось в поле, идти нужно было в темные кусты, что росли за кольцом охраны, метрах в ста. Забубенный хотел было взять с собой для спокойствия пару ратников, но передумал. Как-то неловко получалось ходить до ветра под конвоем. Решил просто взять фонарик, магический посох колдуна, что тихо лежал в телеге среди вещей, завернутый от посторонних глаз в старую рубашку.

Никто механика не украл, но на обратном пути Забубенный споткнулся о корягу и, чертыхаясь, рухнул в какую-то яму посреди поля. А когда встал, позабыв, где он находится, машинально включил фонарик. Тонкий, но яркий луч, на несколько секунд разрезал ночной мрак, осветив его одинокую фигуру. Дикие вопли раздалась в стане черниговцев.

Ратники, охранявшие купеческий обоз, побросав оружие, со всех ног бросились врассыпную, и пропали в лесу. Обоз остался без прикрытия. Забубенный, словно победивший джедай, быстро выключил свой огненный меч и еле втолковал остальным повскакавшим воякам, схватившимся спросонья за оружие, что он свой, черниговский. Хотя и колдун. Пока лицо его в полумраке разобрали, к тлевшему костру подтащив, да успокоились, — битый час прошел. Авторитет колдуна снова в силу вошел. Жаль только, Григорий свой фонарик потерял, пока полю от проснувшихся ратников бегал.

А охранники, что луч света узрели, вообще только под утро воротились. Где были, что делали, рассказать не могли. В мороке полном от страха находились, языки не ворочались еще как надо. На Забубенного смотрели с ужасом, стороной обходя. Хорошо хоть оружие

свое они еще вчера на постах побросали, а не в лес уволокли. Досталось бы тогда колдуну от воеводы за то, что оружие заставил их растерять.

— Ты б, Григорий, посохом своим на врагов княжеских так светил, ужас наводя. А своих людей у нас и так не хватает. Негоже... — едва успел проворчать на утро Путята, но закончить внушение не успел. Появились, откуда не возьмись, местные с подношением: хлеб-соль принесли, да чарку. Вышли из леса. Оказалось, был прав Данила. Схоронились жители в лесу. Были у них там места заповедные. Обозных ратников они и в самом деле за разбойничков приняли. А дед просто старый, он убежать не успел со всеми, да про него и позабыли второпях.

Были среди местных мужики и бабы возрастов разных, да детишек целая куча. Оказались они все родней друг другу. Жили одним родом в полудюжине домов. А прозывались все фамилией Полянычей.

Увидав народное посольство, Путята осекся делать выговоры колдуну, и снова стал исполнять роль главного охранника черниговских купцов. Отошел в сторону и созвал своих ратников, вразумляя ночных беглецов, а остальным, раздавая поручения. Вместо него тут же вперед вышел Куря в ярком кафтане, как старший «брат-купец». Он влез на воз, наполненный добром, и давай с шутками прибаутками местным жителям втюхивать меха соболиные, да платки самотканые с узорами.

— Подходи честной народ, — горланил Куря, работая на основную легенду и размахивая руками с разнообразными товарами, — посмотри-пощупай товары наши хваленые, чрез моря-реки в село ваше привезенные. Такого вы нигде больше не увидите. Только у нас, здесь и сейчас: отличные меха, обувка на века, корзинки плетеные, да платки самотканые.

И местный народ, позабыв про ночные страхи, столпился вокруг повозок с товарами, разинув рты. Мужики больше оружием интересовались, им Куря успел быстро пристроить пару мечей поплосше, да лук с тремя стрелами. Ну а бабам пришлось по сердцу узорчатые платки, да яркая обувка. Охали они на все лады, рассматривая экспроприированный товар переяславских купцов, да все нахваливали.

А Куря свое дело знает, то одним боком платок покажет, сверкнет узором, то другим. Башмачками друг по дружке постучит, шутку-прибаутку отпустит. Бабы хохочут. Мужики в бороды усмеваются. Веселые купцы приехали. В общем, дело пошло.

Григорий молчал, смотрел на действо, да удивлялся: и откуда только у Кури прорезался талант барыги профессионального. Такое только с рождения дается. И вдруг чует, кто-то его за рукав тянет. Обернулся: пышнотелая длинноволосая молодуха из Полянычей стоит рядом, да улыбается загадочно.

— Ты купец? — спросила.

— Купец, — рассеяно кивнул Забубенный, сам смотревший шоу в исполнении Кури и позабывший, что по одежке и он вполне сойдет за купца.

— Тогда покажи мне вон тот платок, — молодуха указала на цветастый красный сверток, лежавший сверху на куче товара.

Забубенный потянулся за платком, лихорадочно соображая, сколько же запросить с молодухи за товар. А когда достал нужное, девица не стала смотреть, а заявила вдруг:

— Мне примерить надо, да совета у сестрицы спросить. Неси свой товар в дом, вон туда, — и пальцем показала на дальнюю избу.

Григорий послушно отправился за ней следом, по дороге присматриваясь потенциальной покупательнице. Бабенка была ничего, бойкая, фигуристая. На вид лет двадцать, не более, но похоже, голода не знала. И вообще ни в чем себе не отказывала с детства: сарафан едва ли не обтягивал упитанное тело, а корма мерно колыхалась при ходьбе. Загипнотизированный механик зашел за ней в избу, состоявшую внутри из двух помещений, тонувших в полумраке. В одном из них напротив затянутого бычьим пузырем окна, стояла лежанка и большой сундук.

Войдя, молодуха не говоря ни слова, открыла сундук, нырнула в него с головой и стала

что-то искать в его глубине, оставив Забубенного в недоумении. Григорий некоторое время не сводил глаз с колыхавшейся кормы, едва прикрытой полупрозрачным ситчиком, и скоро ощутил, как оживают древние инстинкты. Наконец, чтобы хоть как-то разрядить обстановку, он выдавил из себя:

— А где сестрица-то?

Молодуха прекратила рыться в сундуке. Вынырнула из него и, резко развернувшись, шагнула к Забубенному, прижав его своей необъятной грудью к дверному косяку.

— А зачем тебе моя сестрица? — спросила она ревниво, — может, и я на что сгожусь?

И надавила сильнее. Так, что не ожидавший такого поворота механик, ощутил жесткий холод косяка спиной и горячее тепло спереди. Руки сами собой отбросили ненужный платок в сторону и взялись за то, за что очень хотелось взяться. За корму.

— А ну как муж зайдет? — пытался найти пути к отступлению Григорий.

— Не зайдет. Умер он, — ответила молодая вдова, прижимаясь к механику все сильнее.

«Интересно отчего? — хотел просить Забубенный, но не решился». Спустя секунду они уже валялись на лежанке, срывая друг с друг исподнее. Точнее, исподнее было только на Забубенном, на молодой вдове ничего кроме сарафана не оказалось.

Полчаса Григорий просто тонул в этой женщине. Она была горячей и мягкой, как только что испеченная булка и, похоже, истосковалась по мужику. Механик это чувствовал и старался изо всех сил, заставляя скрипеть рассохшуюся от времени лежанку. Сделав дело три раза подряд, он в изнеможении скатился на пол, заваленный одеждой. Но, вдова не дала ему роздыха и, сев на него сверху, заставила сделать дело еще раз. Григорий чуть не умер от натуги. Но все-таки доказал, что он настоящий мужик и сексуальный герой.

Обратную дорогу от дома пышнотелой вдовы до торгового места Забубенный еле осилил, так все болело. Хотя народу здесь было не столь много, как на ярмарке, но, видать, семейство Полянычей было зажиточным. Обмен товарами прошел удачно. Отсутствия вдовы и второго купца никто не заметил. За это время и Полянычи прикупили себе много нужного и Куря в накладе не остался. Поднялся за одно утро прилично, совершив выгодный товарооборот. Не был бы ратником, смекнул Григорий, у него и свой бизнес бы неплохо пошел.

Ну, а как спрос упал, удовлетворившись, решили купцы дальше ехать к югу. Только Полянычи их стали отговаривать. Сказывали, что дальше что-то темное происходит. Часто стали половцы стекаться по этой дороге к Зарубу. Видно непонятная сила гонит их оттуда на Русь.

Но купцы не робкого десятка оказались. Распрощались с Полянычами душевно, по чарке выпили, тут уж Григорий от брата не отставал, и дальше двинулись в Дикое Поле на поиски длинной деньги, не смотря на неведомые опасности.

Глава двенадцатая

«Исход половецкий»

Собрались купцы быстро, по военному. Не успели Полянычи глазом моргнуть, а уж все купцы с помощниками на возах сидят, а охрана в седлах. Подвились Полянычи. Обычно купцы как приедут, — неделю гуляют, а уезжать соберутся, — еще неделю. А эти, не успели приехать, уже в путь дорогу собрались. Видать во Чернигове живут быстро, а торгуют еще быстрее. Ну, да что ж поделаешь, главное люди то хорошие оказались. Помахали им платочками бабы во след, а мужики руками, на том и расстались. Горячая вдова провожать не вышла. Она, видно, свое от купцов получила.

А Забубенному торговать понравилось. Во-первых, он сам пока еще ничего не делал, за него торговал «брат» Куря. А во-вторых, благодаря торговле он уже второй день не просыхал совершенно официально. Причем сегодня, прощаясь с местными жителями, пришлось пить уже с утра. Правда то была не водка, а хмельной мед, по крепости не превосходивший пиво натур-продукт, но все равно расслаблялся Григорий с самого утра.

Что, как ни крути, приятно. Да еще и это неожиданное секс-приключение добавило остроты жизни.

Забубенному подумалось вдруг про свою работу, на которую нужно было вставать рано. За день можно было измазаться всякой жирной грязью, а уходить часто приходилось поздно. Хотя и любил он моторы и новаторство всякое, а сейчас ему жилось ни чуть не хуже. И на работу не тянуло. А встретил бы дома такую женщину, как у Полянычей, может, и женился бы. В общем, начал привыкать постепенно механик к местной жизни. Были и в этом времени свои приятные стороны.

Первый же ухаб на дороге привел Григория в чувство, ехали они на телеге с почти квадратными колесами, а жесткая седушка ничем не напоминала анатомическое кресло современных Забубенному автомобилей. Для его нынешних соплеменников такие машины были порождением нечистой силы и, появившись вдруг одна из них сейчас здесь на дороге, либо разбежались бы все по полям, либо изрубили бы в куски мечами. Да, что тут скажешь, если одним фонариком можно колдовской авторитет заработать.

Григорий покосился на ратников. Те, что видели его ночью, до сих пор сторонились колдуна и все как один, хоть и были из разных отрядов, попросились в арьергард к Еремею. Воевода поразмыслил немного и дозволил. Ехали сейчас отроки и ратники бывалые позади обоза, да со страхом на Забубенного поглядывали издалека. Ожидали новых проявлений нечистой силы.

Тем временем отряд оставил починок Полянычей далеко позади. Молчаливый пират Христич правил возом без единого слова. О чем он думал, Забубенному было невдомек. Может, вспоминал свои пиратские дела. А может, тоже солнцем любовался, да пейзажами.

Дело шло к полудню. Воздух нагрелся. Лес по сторонам все редел, отступая перед полями. Птицы, рассевшись на ветках, да спрятавшись в высокой траве, пели как ненормальные. Стрекот стоял такой, что Забубенный аж заслушался. Говорить особенно не хотелось, вчера о многом переговаривали. А Куря, с утра наторговавшись, глотку немного надорвал рассказывая местным свои шутки-прибаутки. Сидел, теперь молча, кемарил под солнышком.

Так и ехали молча, пока солнце окончательно не разгорелось. Жар такой стоял, что воевода решил людей, более привычных к прохладным местам, побережь. Как только повстречалась рощица у дороги, встали на полуденный привал. Дозоры расставили, да под хлипкие деревца попрятались, что давали прозрачную тень. Залегли под телеги и спать. Храпака давать.

Вообще, как успел заметить Забубенный, все его соплеменники нынешние не дураки были поспать днем. Но и вставали зато, не свет ни заря. Ложились рано, вместе с солнцем. В будущем этот обычай будет утерян, а жаль. Всякие врачи говорят, что сон днем благотворно влияет на пищеварение и продолжительность жизни. Хотя на ее продолжительность в этом времени, как показалось Григорию, гораздо больше влияли встречные мужики с мечами и стрелами.

Как бы там ни было, а спать Забубенный после обеда не отказывался. Вот и сейчас, как только поступила команда «отбой», пристроился под своей телегой напротив Кури, и моментально заснул под философские мысли, благо ничто их пока не нарушало. Снилось ему прошлая жизнь с моторами, гаечными ключами и бензином. Но, из сладких грез его вывел какой-то шум. Открыв глаза, Григорий с удивлением обнаружил себя не в гараже, а под телегой черниговских купцов. Вдали, насколько хватало глаз, поднималось облако пыли.

— Подъем лентяи, — орал на своих подопечных Путята, — к оружию. Приготовится к обороне. Приближается какой-то отряд. Конным, — всем на коней. Остальные, — ждать за телегами. До сроку мы еще купцы. Без команды не дергаться.

Забубенный вскочил на ноги, зевнул и потянулся. Разыскал на телеге свой короткий меч без имени. Положил его поближе, так чтобы в случае чего, можно было выхватить из ножен, и остался стоять рядом, опершись на телегу. Брат Куря уже давно был на ногах, даже залез на телегу и присел в своей обычной позе купца-балагура. Христич, блестя на солнце

лысиной, которую, наверное, можно было бы заметить их космоса невооруженным глазом, тоже сидел на козлах, поглаживая свой меч, припрятанный среди товаров.

Остальные ратники, следуя приказаниям воеводы, уже были на конях, пешие стояли, прислонившись к телегам, как Забубенный. Только приведя организм в боевую готовность, Григорий позволил себе рассмотреть приближавшуюся опасность. С юга на них действительно надвигался какой-то отряд, а точнее колонна непонятных людей, которые, судя по всему, тоже приметили черниговцев. От основной массы, которая вдруг остановилась, оказавшись обозом из возов странной формы, отделился конный авангард, человек двадцать, и поскакал вперед, напрямик к телегам, вокруг которых отдыхали от полуденного зноя «купцы», напряженно вглядывавшиеся в даль.

Путята сидел на своем коне спокойно, ничем не выдавая готовности вступить в бой и внимательно разглядывая приближавшихся. Едва они подъехали на расстояние в несколько сотен метров, на взгляд Забубенного, как воевода коротко выдохнул:

— Половцы.

Ратники немного расслабились. Хотя случись такая встреча, судя по рассказам Кури, лет на сто пораньше, скорее напряглись бы, и неизвестно еще что из нее вышло бы, кроме смертоубийства. Григорий внимательно разглядывал приближавшихся всадников.

Главный из них, скакавший впереди всех, сразу удивил механика своим видом. Помимо доспехов, представленных довольно тяжелой бронью, наплечниками и нарукавниками, его лицо было прикрыто маской из металла с прорезью для глаз, а голова островерхим шлемом с торчавшим вверх пучком разноцветных перьев. На боку он имел слегка изогнутый меч, позади лук со стрелами. В целом, человек без лица выглядел так мистически, что Забубенный ощутил себя на каком-то балу, где всем можно присутствовать только в маскарадных костюмах и масках.

— Ишь ты, — процедил сквозь зубы Куря, — личину в самую жару нацепил. Знать, и, правда, бояться ребятушки встречи неожиданной.

Всадники, скакавшие за своим предводителем, выглядели несколько прозаичнее, но все были в кольчугах с короткими рукавами и броневыми пластинами на груди. На каждом приплюснутый кожаный шлем-шапка, обитый металлическими пластинами, с непременными перьями, болтавшимися позади шлема словно ленточки от бескозырки революционного матроса. Вооружены, помимо лука и меча, все были длинными копьями, а некоторые еще имели аркан или лассо, висевшее спереди на седле. Видно слава ковбоев дикого запада не давала местным кочевникам-скотоводам расслабиться. Хотя, вряд ли они знали друг о друге. Да и ковбоев к тому времени еще не существовало.

Приблизившись, предводитель половцев в маскарадной личине, уже наверняка тоже рассмотрел отдыхающих в рощице людей и определился со своим отношением «мочить не мочить». Выбрал «не мочить», поскольку признал русичей. Остановил коня в нескольких шагах от стоявшего впереди всех черниговского воеводы. За его спиной застыли остальные половецкие воины.

— Я половецкий хан Данила Кобякович, — заявило привидение в маске, бросив на воеводу вопросительный взгляд, и дополнило его словами, глухо зазвучавшими из-под личины, — Кто такие? Куда идете?

Воевода помолчал немного и ответил с почтением.

— Мы люди мирные, охраняем черниговских купцов, — сообщил Путята, указав на Курю и Григория, сверкавших своими цветными кафтанами на ближайшем возу, — а про наш путь купцы вам сами поведают, мое дело маленькое. Охранное.

Данила Кобякович тронул поводья, и его конь сделал несколько шагов в сторону телеги с купцами. Свой вопрос он повторять не стал, но и Куря не пал на колени перед половецким ханом. Так, не слезая с телеги, словно заправский демократ-новгородец, сообщил:

— Мы торговые люди князя черниговского Мстислава. Идем торговать в ваши земли, добро всякое везем. От князя вам поклон и пожелание доброго здоровья. И еще вот примите от нас полезный подарок.

На сей раз Куря слез с воза и достав из телеги меч из дорогих с рукоятью камнями украшенной, протянул его с поклоном половецкому хану. Тот и бровью не повел, чего, впрочем, было не видно. Может, и повел. Только вместо него выехал вперед один из всадников, что позади обретались, и принял подарок. Контакт состоялся.

— И от меня князю своему поклон передавайте, — сообщило привидение, но подарков ответных не предоставило, — только не время торговать сейчас в наших землях. Появились в них воины Чингис-хана и кровь полилась рекою. Издалека пришли. Много больше их, чем наших воинов. Не найдете вы сейчас богатства в наших землях, только растеряете свое вместе с жизнями.

— А нам купцам и на поле брани торговать можно, мы не боимся, — ответил с вызовом Куря, да только его уже никто не слушал.

Половецкий хан Данила Кобякович, вместе со своими всадниками, развернулся и поскакал по дороге дальше, подняв облако пыли. Судя по всему держа путь к Зарубу. Вслед за ним тронулся и обоз его, поравнявшись скоро с местом стоянки черниговцев. То были длинные возы с мощными колесами без спиц, сделанными из цельных кусков дерева. Когда они приблизились, то сразу стало понятно, зачем половцам такие огромные колеса. Каждый воз, в который были впряжены по две крепкие тягловые лошаденки, нес на себе передвижное жилище-шатер, длинные подпорки для шатра, и еще кучу всякого хлама, необходимого для ведения мобильного хозяйства. Со стороны казалось, что масса огромных фантастических улиток сдвинулась с насиженного места и уходит в неизвестные края, таща свой домик на спине. На возах сидели низенькие крепкосбитые старички и старухи, хранители очага. Но большинство все же были молодыми и ехали рядом на конях при оружии. Видно среди половцев не многие доживали до старости. Но те, кто еще был жив, удивленно поглядывали на странных русских людей, возжелавших идти туда, откуда они удирали, прихватив все самое дорогое.

— Слушай, — поинтересовался Забубенный, дернув Курю за рукав желтого кафтана, — а чего этот половецкий Данила Кобякович, сматывается что ли со своей земли? Куда этот табор движется? Он же хан, ну и бился бы себе на смерть с монголо-татарским игом.

— Так он же сам тебе рассказал. Пришлих воинов, сильно много, чего биться то самим, — пояснил спокойно Куря, разбиравшийся в местной политической ситуации гораздо лучше странного человека Григория Забубенного, — когда в Киеве дядька есть и другие родственники. Приедет сейчас Кобякович в Киев, в ножки бросится, и начнет разводить их по-родственному. Мол, сами не можем, так вы помогите. Побейте их вместо нас, мы же родственники. Ну, а Мстислав Добрый, князь Киевский, мужик буйный, родственников любит. Вот и вступиться за половцев. Это точно. А кровь свою придется русским проливать.

— Да. Это как всегда, — кивнул Григорий и удивился, вспоминая сколько раз в своей истории русские отдавали жизни в огромных количествах черт знает за кого и во имя чего, не получая от этого никакой материальной выгоды. Делали самую страшную и черную работу, а плодами русских побед пользовались все кому не лень: европейцы, американцы и прочая шушера. Забубенный в сердцах даже возопил, — А на кой черт нам такие родственники, которые сами за себя воевать не хотят?

— А кто его знает, я же не князь и не хан, — ответил Куря, — иногда они конечно повоевать могут, но только не сильно хотят. Если дело круто поворачивается, то половцы долго не держаться. Больше любят за нашими спинами отсидеться. Подарков князьям надарят, а сами в кусты.

— Интересно, куда шел тот караван с верблюдами и бабами красивыми по Днепру? — задумчиво проговорил Забубенный и добавил, глядя на поднимающий клубы пыли обоз половцев, почти скрывшийся за холмом, — Крысы бегут с корабля.

Остальные черниговские воины в молчании наблюдали за проходом половецких возов с походными шатрами. Как только последний воз исчез за холмами, и пыль улеглась, Путята дал команду собираться в дорогу.

Жара спала, пора было углубляться во вражескую территорию. Ибо теперь Забубенный считал ее все более вражеской, поскольку даже хозяева со всем скарбом в спешном порядке покидали эту землю, оставляя ее неизвестному победителю. А победитель этот был уже совсем близко, почему-то именно так сердце подсказывало походному колдуну.

Обоз черниговских купцов быстро собрался и выехал на дорогу, уводившую их все дальше от родного дома. Путята, словно стремился на встречу со своей судьбой и хотел, чтобы она состоялась гораздо раньше намеченного самим порядком жизни. Вместо обычного неторопливого ритма продвижения воевода вдруг изменил тактику и велел обозу двигаться так быстро, как только могли везти кони, выжимая из них все силы. Сам же, взяв своих ратников, ускакал с авангардом далеко вперед, затерявшись среди холмов и кустов, в кои уже почти повсеместно превратился окрестный лес, ранее шумевший по обеим сторонам дороги. Обоз остался прикрытым только десятком ратников Данилы, да замыкавшими бойцами Еремея с Кузьмой, которые так и норовили ускакать во след своему воеводе, бросив тихоходный обоз посреди поля.

Хотя, тихоходным обоз казался только на взгляд какого-нибудь неторопливого кочевника, одиноко пробиравшегося своей тропой. Христич же поступил именно так, как приказал Путята. Он нещадно стал хлестать лошадей, которые ломонулись вперед по ухабам со скоростью неплохих рысаков. Спустя час такой скачки Григорий вспомнил свой первый кавалерийский опыт катания на старой Савраске, которая довезла его до Чернигова и упала. Хотя, сейчас ехать было не в пример комфортнее, пятая точка недавнего кавалериста была уже изрядно отбита жесткой деревянной седушкой.

Бросив искоса взгляд на Курю, механик не отметил на его лице никаких следов неудовольствия, разве что тому явно хотелось пересест на коня и пуститься вдогон за ускакавшим воеводой. В тринадцатом веке люди все же были еще не так изнежены мягкими сиденьями как в двадцать первом. Еще не так трепетно заботились о спокойной жизни своей задней части тела, и к мелким неудобствам относились вполне по-спартански.

Спустя еще час бешеной скачки, Забубенному стало казаться, что он моряк. Мир вокруг него колебался вверх и вниз, кренился вправо и влево, сам он едва не вылетал за борт от ударов и сотрясений на кочках, а пьяный горизонт, все время ускользал из поля зрения. Телега, ведомая лысым пиратом Христичем, неслась по бурному морю кочек, словно ладья, поймавшая парусом попутный ветер. И тут, на одном из поворотов, случилось то, о чем Забубенный давно и смутно догадывался после изучения подвески воза. На полном ходу вдруг отлетело переднее колесо. И телега, со всем своим имуществом и седоками, рухнула на бок, опрокинувшись. Григорий едва успел сигануть в сторону, чтобы не расстаться с жизнью. Мимо него просвистели и воткнулись в землю несколько мечей из товара. К счастью оставшиеся возы, сильно проигрывали Христичу в скорости, потому упавших людей никто не успел раздавить, налетев сзади.

Когда Забубенный поднялся, отряхивая свой кафтан от песка, то увидел Христича и Курю уже на ногах. Ратники какое-то время молча стояли, озадаченно рассматривая остатки телеги, которая рассыпалась в хлам, и добро, разлетевшееся метров на десять от дороги.

— Ты, чего? — наконец поинтересовался брат-купец у лысого возницы, — сдурел что ли, так гнать?

— А я что, — спокойно ответил Христич, — воевода сказал, чтобы быстро скакали, я и скакал. Все равно ведь медленно шли, даже догнать никого не смог.

— Ну да, — прикинул Куря, — это ты с возом хотел конных догнать? Голова.

— Что делать-то будем, братья-апахи? — спросил подошедший поближе к месту крушения Григорий, — телеге-то полный капут. Не подлежит восстановлению. Как говорят в страховых компаниях, это не ущерб, это полное уничтожение.

Куря посмотрел на подъезжавших ратников из арьергарда и две телеги, шедшие впереди них.

— А что тут думать, купцы без колес не могут, — и кивнул на ближайший воз, — потесним ребяташек.

Примерно через полчаса, как показалось Григорию, весь товар перекочевал с земли на новый воз. А экипаж второго воза на тягловых лошадях, оставшихся после крушения транспортного средства, пилотируемого Христичем, без дела. Солнце к тому времени уже почти село.

Едва разобравшись, двинулись дальше и повстречали Данилу, который вернулся узнать, куда делся обоз. Оказалось, что Путята уже присмотрел место для ночлега и беспокоится, не напал ли кто.

— Пусть лучше беспокоится о том, кому руль на телеге доверять, — проворчал Забубенный, но все же влез в новый воз, которым управлял все тот же Христич.

Слава Богу, на этот раз до места ночевки доехали без приключений.

Глава тринадцатая

«Степь незнаемая»

На этот раз воевода велел устроить ночлег в стороне от дороги на берегу неизвестной речушки, что текла, причудливо изгибаясь, между высоких кустов. Когда телега, ведомая Христичем, прибыла на место, там уже был разбит лагерь, нарублены дрова, и пылал костер, вокруг которого расселись ратники в ожидании вечерней трапезы. Солнце уже почти село. Южные сумерки быстро съедали остатки красных разводов на небе.

Григорий спрыгнул с телеги, распрямил ноги и немного побродил по лагерю, разминая затекшие и отбитые за время долгой скачки части тела. Костерок на берегу реки Забубенный оценил. Ему вполне нравилась местная походная жизнь. Если бы еще не вспоминать про страшных монголов, да сиденья в телегах были мягче, и по утрам давали йогурты, то жить можно было вполне сносно. На счет размягчения седушек в телегах Гризов не сильно надеялся на скорую поправку положения, хотя все дело в руках человеческих, а вот про йогурты следовало забыть на несколько веков, — таких продвинутых продуктов с умными бактериями здесь еще не делали. Бактерии пока находились на низком уровне развития. Хотя, Куря рассказывал, что половцы как скотоводы-кочевники были знатными производителями мяса, молока и прибабасов на его основе.

Надо было при встрече поинтересоваться у Кобяковича, где в степи можно разжиться кефиром и сметаной двадцати процентной жирности, без которых Забубенный в своем времени не мыслил существования. Погрустив немного, Григорий отогнал мрачные мысли. Подошел к высокому берегу реки, на котором стоял лагерь черниговцев, и посмотрел в закатное небо, которое всегда помогало ему вытягивать из головы суетные мысли.

С того места, где находился великий механик, открывался дивный вид на простиравшуюся до самого горизонта степь, местам поросшую редкими деревцами. Похоже, за прошедшие дни, отряд значительно углубился в земли половецкие и уже достиг степной полосы, которая за рекой плавно переходила из лесостепи в широкую степь. Конечно, в сумерках уже скрадывались детали, но там, куда был устремлен взгляд Забубенного, ощущалось огромное открытое пространство, пусть и прерываемое иногда холмами, речушками и небольшими рощицами. Это была уже не средняя полоса киевской Руси, поросшая густыми борами. Здесь входила в свои владения Степь Незнаемая, в которую без особой надобности русские люди заходить не спешили. И, чем дальше продвигался механик на юг, тем сильнее чувствовал на себе дыхание южных земель. Но сейчас всего этого было еще не видно. Быстро темнело. А, там, где смыкались две стихии — земля и небо — еще светилась тонкая красная полоска заката.

Глядя на нее Забубенный увидел стаю летящих птиц. Они были далеко, где-то у самого горизонта и, судя по всему, это были хищные птицы. Не соколы, те не летают огромными стаями, а скорее стервятники. Григорию представилось, что летят они на ночной пир, глотать кости недавно убитых в битве воинов. Он вдруг явственно, словно находился в Третьяковской галерее и смотрел на картину, представил себе поле, устланное телами убитых воинов. Но сейчас он был в чужом времени, и чтобы увидеть подобное, не нужно

было идти в музей. Достаточно просто двигаться вперед, и такие картины скоро сами могли встать на пути. Не зря же начался половецкий исход из этих мест.

Когда красная полоска погасла, механик вздохнул и вернулся к огню. Не вступая в неспешные разговоры, что вели воевода с ратниками, он перекусил немного и лег спать под навес, устроенный сбоку от телеги. Всю ночь ему снились стервятники.

На утро воевода быстро поднял отряд и, ни свет не заря, тронулись в путь. В принципе, Забубенный одобрял ранние старты, ведь, чем дальше на юг, тем жарче становились погоды. А по рассветному времени передвигаться по степи, что ни говори, легче. Но в эту ночь он спало плохо, и на утро чувствовал себя разбитым, не выспавшимся. Чего было не сказать о брате купце, который сидел себе на телеге и мурлыкал походные песни, поглядывая на сверкавшую на солнце лысину Христича. Эти песни, хоть и считались походными, были довольно заунывными, видно, русскому солдату в походе не всегда весело. И навевали на Забубенного депрессивные настроения.

Воевода торопил своих подопечных, шли ходко. Слава Богу, Христич больше не гнал как вчера, а то очень скоро не досчитались бы еще одной телеги. «Интересно, — даже подумал Григорий, — сколько ладей утопил этот бравый капитан пиратского происхождения, пока научился держать руль? Или это он так прикалывается от жизни».

За полдня не повстречалось на пути черниговцев ни одной живой души: ни русской, ни половецкой. Никаких становищ. Взгляд Забубенного блуждал по полям не находя ничего приметного. Только пару раз ему привиделось, что далеко впереди, по ходу движения, из-за горизонта поднимаются клубы дыма от пожарищ. Но теплый ветер быстро разметал эти подозрительные столбы, превратил их в бесформенные облака, похожие на темные тучи, оставив Григория в недоумении: было это или нет. Может, привиделось из-за жары или просто дождь собирается?

К полудню, когда высоко поднявшееся солнце нещадно терзало ратников, отряд остановился на привал у очередной речушки, берега которой поросли высокой травой. Речка была довольно быстрой на вид и несла свои воды на юг. Ратники остановили обоз под тремя чахлыми деревцами, дававшими небольшую тень, приготовили походный обед, и разлеглись на дневной отдых.

Но воевода не спал. Устроившись в тени одного из деревьев местного оазиса, он подозвал к себе ближайших помощников: Данилу с Курей, да Еремея с Кузьмой, мужей мудроватых. Держал с ними совет, и, судя по всему, отдавал приказания. Григория не звал, видно колдун был сейчас не нужен. Но колдун и не обижался, ему было жарко, а скакать куда-то по степи на самом солнцепеке он и не особенно рвался. Не колдуна это дело. Окончательно утомленный солнцем Григорий, проваливаясь в жаркий сон.

Спалось Григорию в чахлой тени ужасно, жарко и потно. Снились всякие гадости на тему стервятников, глодавших его печень. Обычно так плохо он спал в прошлой жизни когда, либо переест, либо недопьет. Спать на жаре в силу проживания в северном климате ему доводилось редко. Можно сказать, совсем не доводилось. Да, кроме того, после обеда в деловом двадцать первом веке спали редко. Только американские бизнесмены, которые всем своим помощникам, — секретарям, менеджерам, почтальонам и грузчикам, — советовали «не стоять, когда можно сидеть и не сидеть, когда есть возможность лежать». А для выполнения этих полезных советов настоятельно рекомендовали всем держать в своем кабинете кушетку для отдыха, что обычно грузчики и делали.

Измучившись во сне от проклятой птицы, Забубенный усилием воли прервал эти пытки Прометея и проснулся. Над лагерем стоял послеобеденный храп. Не в силах больше спать Григорий решил пойти к реке умыться. Он встал, отряхнулся и медленно побрел к недалекому берегу речушки, стремившей свои довольно быстрые для равнины воды на юг. Видно эта река казалась себе уже горной. По дороге Забубенный заметил несколько дозоров, но дозоры не заметили его, ибо спали в наглую, забыв про свои посты.

«Эх, служба, — покачал головой Григорий, проходя мимо кемаривших ратников, но будить не стал». Ибо пробудившиеся дозоры могли помешать купанию.

Подойдя к невысокому, но обрывистому берегу, подмытому быстрыми волнами, Григорий разделся, аккуратно сложил пояс с мечем, сбросил с себя даже исподнее, и голышом стал пробираться нащупывая проходы между высоких кустиков травы к благословенной воде. Нырять не стал из соображений секретности, ведь его не совсем худое тело, еще не тронутое загаром, могло вызвать при погружении мощный всплеск, или того хуже, обрушить часть берега, а это было не к чему. Он решил окунуться по-тихому и назад, пока не получил нагоняй от высокого начальства разведкаравана.

Нащупав пальцами водную стихию, Григорий с наслаждением погрузился и, сделав два мощных гребка, оказался на середине речушки, ширина которой едва ли превышала двадцать метров. Заплыв туда, Забубенный перевернулся и лег на спину, подставив свое белое брюхо солнечным лучам. Вот теперь солнце стало в радость. Великий механик даже зажмурился от удовольствия и слегка поскуливал, балдея в прохладных волнах. Речка, по температурному режиму, как ни странно, оказалась действительно близкой к горной. Плавать в ее мутной воде было довольно прохладно, хотя и терпимо. Зато Забубенный быстро оклемался от кошмарных снов, несколько раз нырнул, пытаясь достать дно, и не достал. Но старался он не сильно, видимость была нулевая, неизвестно какой камень можно было схватить головой на дне. Но, судя по ощущениям, метра три в глубину здесь было. Может и больше.

Побарахтавшись в свое удовольствие, Григорий огляделся по сторонам и увидел, что уже отплыл в низ по течению метров на пятьдесят от места стоянки, но решил, что возвращаться еще рано. Холмик с тремя деревцами был виден хорошо, а обратно он и по берегу дойдет, хоть и голышом. Людей здесь все равно нет. Скоро неизвестная река делала широкий поворот, где Забубенный и задумал «сойти» на берег. А пока он снова лег на спину, распластался по поверхности, изобразив морскую звезду, и расслабился, превратившись в часть реки. Жизнь была хороша, даже в древней Руси не смотря ни на что. Главное, — вовремя искупаться.

Вверив себя течению, великий механик плыл по нему с нескрываемым наслаждением, отфыркиваясь с закрытыми глазами, изредка пошлепывая по поверхности воды ладонями, чтобы не заснуть совсем. А на поверхность его памяти вдруг снова всплыли картины из прошлой жизни. Ему вспомнились родные озера Питера, неподалеку от станции метро «Озерки» на Поклонной горе, где он часто купался в детстве и позже, когда уже превратился в подростка с первыми признаками усов. А когда вырос совсем и случилась перестройка, живописные места, где раньше спокойно могли гулять люди, застроило и заселило собой всякое быдло, возжелавшее иметь особняки на природе, но в черте города. Теперь оно с радостью отдыхало, проезжаясь на водных мотоциклах по головам плавающих в той же акватории людей, сильно удивляясь что в их домашнем озере барахтаются какие-то инфузории.

Забубенный качался на волнах, все больше расслабляясь. По опыту он уже знал, что в самом начале отдыха из головы долго лезли всякие гадости, и жизнь казалась невыносимой и несправедливой. Но, стоило пройти времени, как поток гадостей из головы постепенно иссякал и природа давал о себе знать, замещая беспокойство расслаблением, сном, а потом и хорошим настроением. Чем больше времени человек проводил на природе, тем лучше расслаблялся.

Пройдя круг, размышления Григория вернулись в то время и место, где он волею фантастической судьбы сейчас находился. «Что-то я давно не смотрел на берег, — проскользнула по поверхности расслабленного сознания мысль, — пора возвращаться, а то унесет к черту в Черное море».

Забубенный открыл глаза и поднял над водой руку. Тотчас что-то резко взвизгнуло в воздухе, и вокруг его запястья обвилась тонкая веревка, затянувшись петлей. Григорий не поверил своим глазам, тупо уставившись на шнур, стянувший запястье. О том, что этот шнур существует не сам по себе, а за него кто-то дергает с другого конца, механик скоро сообразил. Чья-то сильная рука резко дернула за веревку, перевернув расслабленного механика вниз лицом, и рывками потянула к берегу, словно обычный мешок или

загарпуненного тюленя.

Григорий крутился в воде как торпеда, пытаясь вырваться, вскидывал голову над поверхностью, судорожно хватая воздух, но его снова увлакивало под воду, где он захлебывался, держась из последних сил, но вырваться не смог. Когда его подтянули к берегу и, схватив за запястья, рывком поставили на ноги, он глазам своим не поверил. Совершенно голый механик стоял между двумя лошадьми, на которых восседали свирепого вида вооруженные воины с копьями и мечами в кожаных доспехах. Двое из них держали Забубенного почти на весу, растянув его за запястья между двумя лошадьми. Остальные, человек двадцать, столпились на пологом берегу, загнав лошадей по колено в воду. Видимо, приехали на водопой. Впереди всех сидел на буланом коне невысокий, крепко сбитый монголоид с широким и круглым лицом, на котором сверкали узкие хитрые глазки. Его бочкообразное тело было затянуто в дорогие доспехи, расшитые золотом и укрепленные металлическими пластинами. Явно какой-то хан, или что-то вроде того.

Конные молчали, изучая свой неожиданный улов. Забубенный вообще на мгновение потерял дар речи, хотя мысли его заработали с лихорадочной скоростью. Возникла пауза. Голый механик висел между двумя лошадьми, и ощущал себя мишенью для упражнения нукеров в стрельбе из лука или метания копий. По лицу главного монголоида было видно, что сейчас решается судьба великого механика. Но Забубенный был не в том состоянии, чтобы молча дожидаться этого решения. И чтобы как-то разрядить обстановку он сам решил начать переговоры.

— Извиняйте, мужики, если водопой испортил и лошадок ваших напугал, — пробормотал еле слышно Григорий, — я лошадок в принципе люблю, но боюсь. Я ведь тут купаюсь просто. Вода общая. Пейте на здоровье, всем хватит. Ну, на кой черт я вам сдался, отпустили бы вы меня до дому подобра-поздорову и ехали бы в свою степь, на все четыре стороны, а?

Не известно, что повлияло больше на ситуацию, пламенная защитная речь великого механика или его нагой вид, но главный круглолицый всадник сделал короткое движение и Забубенный рухнул в воду, отпущенный руками державших его всадников. Уплыть даже не пытался, ибо все равно находился на веревочном поводке. Побарахтался немного между ног у коней и присел на дно.

Ждать пришлось не долго. Из толпы затянутых в кожу конных воинов выехал вперед один, оказавшийся видом своим совсем не схожий с остальными, — рубаха на нем была светлая, и доспех на ней иного вида совсем. А на рожу, бородатый и светловолосый, — вылитый русич. Ну, а когда заговорил он, приблизившись к голому механику, так и понятно стало, точно из славян, только говор странный.

— Повезло тебе паря, — ласково проговорил неизвестный всадник, не слезая с лошади, — убить тебя, надобно было сразу. Нельзя при них купаться в воде, боги запрещают. Да Тобчи убивать не велит. Добрый. Ты кто такой будешь, интересуется?

Забубенный посмотрел на бородатого снизу вверх, и, не удержавшись от ерничества, спросил:

— Может, сначала одежду какую дадите? А то неудобно мне голышом, да и холодно. Лошади беспокоятся, опять же.

— Ты за лошадок не переживай, они и не такое видали. Кто такой, спрашиваю? — в голосе неизвестного появились железные нотки, — холоп чей, а ли, может, воин?

— Купец я. Путешествую по делам торговым, — ответил Забубенный, первое, что пришло в голову, — заученную легенду.

— Купец? — удивился конник, — а где ж твой товар?

Григорий махнул рукой в сторону стоянки черниговских ратников. От сидения в холодной воде у него уже стучали зубы, но ему пришла мысль о спасении. Вдруг успеют сотоварищи проснуться, заметить его отсутствие и напасть на этих неизвестных вояк. Есть, конечно, вероятность, что проворонят нападение, но выбора не было. В рабство к этим восточным ребятам славянин Забубенный не хотел. Мгновенно разыграла национальная

гордость. Хотя с каждой минутой у механика все больше крепла мысль, что это именно те, с кем так жаждал встретиться Путята, — монголы.

— А вон там, за холмом возы стоят с товаром.

Бородатый русич повернулся к монголоидам, и что-то пробормотал не непонятном механику наречии, только подтвердив опасения Забубенного. Монголы громко расхохотались. А маленький круглый человек на коне что-то сказал в ответ.

— Тобчи, говорит, хорошо, что купец, а то он уже подумал, что ты воин. Самый храбрый из русских, — усмехнулся неизвестный, — вылезай из воды, иди на берег. Дам тебе одежду. Будешь теперь моим рабом, Тобчи дарит мне тебя. А товары твои, мы сейчас заберем. Не пропадут они в степи.

— У русичей нет больше рабов, — отшатнулся Григорий.

— А я и не русич, — процедил сквозь зубы всадник, — Я — Плоскиня, вождь племени бродников. И монгольские ханы мне друзья, а русичи с половцами, — враги. Ненавижу ваше племя.

До Забубенного еще не дошло все происшедшее. Двадцать минут назад жизнь была прекрасна. Он наслаждался свободой, и вот теперь ему говорят, что он раб. Да еще кто, такая же славянская рожа, как и он сам. Как быстро все меняется. Он взглянул на реку, — уплыть не дадут. А бежать по берегу голышом несподручно. Значит, надо где-то взять одежду и бежать.

Монгольский конник легонько ткнул его копьем, — мол, вставай. Веревку с руки сняли. Словно сомнамбула, механик прошел между монгольскими конями на берег. Когда поравнялся с Тобчи, тот снова что-то сказал на своем непонятном наречии. Монголы рассмеялись, показывая на Григория.

Словно во сне, механик натянул на себя широкую холщовую рубаху и рваные штаны, брошенную на землю Плоскиней из притороченного к седлу мешка. Все было грязное, рваное и ношеное.

Озираясь по сторонам, он увидел, что на берегу находится монгольский отряд человек в пятьдесят. Все сидели на конях, словно ожидая приказа к выдвижению. Так и оказалось. Пока Забубенный натягивал на себя рубище, бросая косые взгляды по сторонам, в надежде увидеть лазейку, в которую можно было бы утечь, воздух резанула команда, брошенная по-монгольски. Вперед выехал Тобчи и поскакал по направлению к месту стоянки лагеря черниговцев. Отряд, развернувшись широким фронтом, поскакал за ним, на ходу перехватывая копья на изготовку и замыкая полукольцом холм с темя деревьями, где отдыхали ничего не подозревавшие черниговцы.

Ускакали все, остался один Плоскиня, вождь бродников и пара его холопов на конях. «Пора, — решил Забубенный, — сейчас или никогда».

— А что это народ твой бродниками прозывается? — проговорил Забубенный, делая шаг к Плоскине, который сидя на коне, наблюдал за атакой монголов. Механик решил схватить его за ногу и сбросить вниз, а сам, вскочить на лошадь и ускакать на волю. — Это оттого, что они по дорогам степным бродят, наверное, и грабят кого не лень?

Забубенный был уже в двух шагах от Плоскини. Он метнулся к вождю бродников и, уцепившись за ногу, хотел сдернуть его вниз. Но в этот момент на его многострадальную голову обрушился удар тяжелой палицы, погасив свет в очах. Холопы хорошо стерегли покой своего хозяина.

Глава четырнадцатая «Бора-бора Кара-чулмус!»

Когда несчастное сознание вернулось в тело Григория, то он еще долго отказывался открыть глаза, чтобы подольше не входить в этот мир снова, поскольку не ждал от него ничего хорошего. Григорий предпочитал слушать. Он слушал этот мир и не мог понять, где он и что происходит. А слышалось ему разное: шум ветра, громкие голоса вокруг,

покрикивания, но что эти люди хотели сообщить друг другу, Забубенный не понимал, поскольку язык был ему не знаком. Отовсюду доносилось конское ржание и стук копыт по сухой земле, отдававшийся гулким эхом в ушибленном мозге. Стук то затихал, то снова усиливался, проносясь мимо.

Судя по всему, Забубенный лежал посреди какого-то оживленного места, а вокруг него сновала масса народа. Руки его были связан сзади крепкой веревкой. Ноги свободны. Все также, не открывая глаз, механик прислушался к своему оживавшему телу. Он лежал на животе лицом вниз на какой-то соломе, — руки и лицо кололи сухие стебельки травы. На голую пятку, жужжа, село какое-то насекомое и поползло вниз по стопе. Забубенный невольно дернул ногой и тут же услышал голос, вернувший его к ненавистной действительности:

— Глянь-ка, купец очухался.

Ох, как не хотелось приходить в этот мир рабом, если ты уже был свободным человеком. Григорий в тайне надеялся, что опять неведомым путем, если уж не вернулся назад, то перенесся в иное, лучшее время. Но, увы, он остался здесь. И был теперь, судя по всему, рабом Плоскини, вождя ненавистных бродников. Этих предателей, помогавших монголам.

Не получив подтверждения своей догадки, владелец голоса со всего маху в экспериментальных целях въехал ногой под ребра беззащитному механику. Забубенный аж задохнулся от удара, — боль пронзила все тело, заставив резко согнуться и открыть глаза.

Перед ним стоял один из холопов Плоскини, нависая всей тушей над распластавшимся связанным пленником. Видно тот самый, что огрел его палицей во время неудавшейся попытки побега. Последнее, Забубенный заключил из слов самого холопа, который, увидав, что жертва открыла глаза, поинтересовался:

— Ну, что, сволочь, головушка-то болит?

— Спасибо за заботу, — процедил сквозь зубы механик, свернувшийся буквой Зю,

— Все ОК, и вам того же желаем.

— Ну, тогда вставай, — незлобиво добавил холоп, — тебя Тобчи ждет, говорить желает.

И снова заехал ногой в живот Григорию. Спустя полминуты, погасив искры в глазах, механик уточнил, извиваясь на земле:

— А чего хочет эта узкоглазая морда?

— Да про дружков твоих поспрошать, кажись, — не таясь, сообщил холоп, — видно, не понравились они ему. Делов наделали, много народу положили, да утекли. Ну, да он тебе сам скажет, если захочет. Вставай уже, покойник.

Григорий весь сжался внутренне, ожидая нового удара, но его не последовало. Видно, пленника нужно было доставить к монгольским оккупантам если не в полной целости, то хотя бы в сохранности. Чтобы сам мог хоть немного ходить и говорить. Полежав еще чуток, Забубенный поднялся. Сначала на колени, а потом на ноги. И чуть не упал, от нахлынувшей на него качки. Земля, словно палуба корабля в десятибальный шторм, ходила под ногами, кружилась, со всех сторон обступая фигуру механика. Ушибленный мозг давал себя знать.

Холоп Плоскиня увидел, что голова пленника не совсем дружит с ногами, но поддерживать не стал. Григорий подсознательно ждал ускоряющего движение удара в заднюю часть тела, но его снова не последовало. Когда качка немного улеглась, он сделал несколько нетвердых шагов и, осмотревшись мутным взором, спросил.

— Куда идти-то?

Вокруг него пестрели светлыми оттенками шерсти юрты монгольских кочевников. Промелькнула странная мысль для больного сознания «Это сколько же валенок можно было бы сделать из этих палаток». Даже на первый нечеткий взгляд палаточный городок посланцев великой степи занимал несколько квадратных километров, а может гектаров, и казался просто бескрайним, как городок украинских шахтеров, желавших получить от верховной Рады свою зарплату. Пытаясь охватить стойбище монголоидов мутным взором,

Григорий не смог понять, где оно начинается и где кончается. Точнее, даже не пытался понять. Ибо понять монголов было невозможно.

— Туда иди, — указал на одну из сторон света холоп Плоския, — Да побыстрее передвигай свои копыта. Тобчи, — хан нетерпеливый, ждать не любит. Опоздаешь, — отрежет тебе что-нибудь за опоздание, а потом уж говорить с тобой начнет. Если будет чем.

Сказав это, холоп из племени бродников громко расхохотался. Видно шутка показалась ему очень удачной. Забубенный так не думал, но сообщать это холопу не стал. Пусть смеется, дурачок. Сама собой всплыла народная мудрость, — хорошо смеется тот, кто смеется последним. «Вот оклемаюсь, — думал Григорий больным мозгом, которому злость придавала силы, — я тебе все припомню, полицай вонючий».

Едва передвигаясь по монгольскому лагерю, Забубенный почему-то чувствовал себя сейчас раненым белорусским партизаном, захваченным в беспамятстве на железнодорожном переезде, где он пытался подложить бомбу под эшелон с немецкими танками. Партизан попал в плен после столкновения с картелями. И сейчас партизана вели на допрос к местному гауляйтеру, где решится его судьба. Поскольку нацисты не очень любят «партизанен», скорее всего, решится она либо расстрелом, либо виселицей. Для тех, кто «не поддерживать немецкий командование» путь был прост и понятен. Хрен редьки не слаще.

Не стараясь сдерживать больное сознание, механик просто попытался уловить главное направление движения, на которое ему указал холоп Плоския, и начал переставлять ноги в сторону одной из сотен юрт, видневшихся впереди. То и дело мимо него проносились монгольские всадники. Поодиночке и толпами. Вооруженные отряды текли между юртами бесконечными ручейками, сливались в потоки и уходили в разные стороны, ведомые своими командирами. Кажется, их называли сотниками или темниками. Но Забубенному было все равно, куда они все шли. Он видел только копыта лошадей, которые его раздражали, поскольку постоянно преграждали путь, и тормозили движение. А злобный Тобчи, который любил отрезать лишние части тела опоздавшим на встречу уже стоял перед внутренним взором механика, не давая ему расслабиться.

Через сто метров пути из-за спины Григория неожиданно раздался конский топот и послышались возбужденные голоса. Обернувшись на шум, он заметил монгольского всадника, который нагнал его конвоира, и что-то быстро приказал холопу Плоския, махнув рукой с зажатой плеткой в сторону, противоположную основному движению пленного механика.

— Эй, покойник, обожди, — крикнул конвоир Забубенному. А, поравнявшись с механиком, добавил, — поворачивай во-о-н туда. Тебя сам Субурхан видеть желает. Дался ты ему зачем-то.

Григорий подчинился и покорно зашагал в новом направлении, размышляя о том, что еще за Субурхан такой? Наверное, еще одна монгольская шишка. Впрочем, ему было уже все равно куда идти, лишь бы быстрее прийти. Надоела эта неопределенность.

Наконец, после обхода очередной юрты, конвоир и пленный механик вышли на довольно широкое пространство, где стояла одинокая большая юрта, разукрашенная какими-то лентами, а все остальные находились на почетном удалении от нее. Тут холоп Плоския, остановившись, положил руку на плечо Григорию, указал ему на разукрашенную юрту, у входа в которую стояли два мордатых монголоида с копьями, и сказал:

— Стой, покойник, пришли. Туда иди.

Забубенный не колеблясь, — семи смертям не бывать, а одной не миновать, — шагнул в палатку мимо охранников, которые ни сделали ни одного движения, чтобы его задержать. Видимо хозяин палатки их предупредил. И действительно, внутри его ждали.

Отодвинув рукой полог, механик шагнул внутрь, оказавшись в полумраке. Спустя несколько мгновений, глаза его привыкли и стали сносно различать предметы. Их оказалось несколько. Сам гауляйтер, который сидел по левую руку от неизвестного крепко сбитого монголоида, еще один незнакомый воин того же происхождения, что сидел справа. И Плоския, вождь бродников, пленивший независимого механика. Две знакомые рожи и двое

неизвестных.

— Привет, честной компании, — поздоровался Забубенный.

На стенах было развешено оружие: сабли, луки со стрелами. На полу, покрытом каким-то ковром, сложены несколько кожаных седел с дорогой вышивкой. А прямо перед ними, вместо еды, которую ожидал там увидеть Забубенный, был набросан какой-то хлам. Присмотревшись, Григорий с изумлением опознал в нем экспроприированные меха переяславских купцов, несколько знакомых предметов из одежды и оружия черниговцев. А из-под них, словно усики улитки, торчали антенны двух чудом уцелевших и сохранившихся от прошлой жизни мини-раций «Кенвуд». Ситуация прояснялась: здесь наверняка шел военный совет, где Забубенному предстояло выступить в качестве подследственного. Это не доставило механику особой радости. Если здесь вещи из лагеря Путяты, то значит, походного лагеря уже нет и в помине, а, скорее всего и самого Путяты. Загрустил механик. Даже покачнулся, прислонившись к одной из жестких распорок, что помогала держать форму юрты.

— Тебя, раб, позвали сюда, чтобы узнать, зачем вы пришли в степь и кто вы такие?

— вместо приветствия сказал Плоския, — Говори, великий Субурхан ждет ответа.

Видно, вождь бродников один знал язык славян, обитавших на территории русских княжеств, что раскинулись в Приднепровье, и потому работал у оккупантов переводчиком. Хотя, у самого Забубенного, промелькнула справедливая мысль, что называть монгольских товарищей оккупантами было еще рановато, ведь они еще даже не вступали на русские земли. И, судя по всему, даже не собирались. А старшим у них был, как выяснилось, вовсе не широкомордый Тобчи, а какой-то Субурхан, хозяин этой палатки, один из двух неизвестных. Судя по всему, — средний.

Плоския замолчал, ожидая ответа. Остальные неизвестные монголы, которые были для Забубенного на одно лицо, тоже молчали, ожидая перевода ответа. У механика же сильно болела голова, и он мечтал только об одном, прилечь где-нибудь. Ну, хотя бы даже здесь. Стоять с ушибленным мозгом было трудновато. А сесть ему никто пока не предлагал. Этикет у монголов был странный.

— Я свободный механик, — уточнил Григорий и попытался поторговаться, — А если скажу, — отпустите?

Плоския перевел ответ членам генштаба монгольского экспедиционного корпуса. Те неожиданно рассмеялись. А сидевший в середине крепыш с хитрой бородкой средней величины, с виду похожий на некогда современных Забубенному ди-джейев или дизайнеров, что-то громко сказал.

— Великий Субурхан, глава всех монгольских воинов, говорит, что ты не трус. Но твою судьбу он решит позже, — перевел его замечание Плоския, — Она будет зависеть от сказанных тобой слов. А еще велел объяснить, что означает слово «механик»?

— Ну..., механик, это такой человек, который может все на свете разобрать, починить, и собрать. А иногда даже модернизировать и сделать технологический тюнинг, — с радостью сообщил Забубенный польщенный таким неожиданным вниманием монголов к его профессии. Он даже гордо выпрямился, отлепившись от косяка, на время ответа позабыв о терзавшей его боли.

Возникла пауза. Затем Плоския что-то коротко сказал монголам. Как-то слишком коротко, на взгляд Забубенного, он передал многообразную суть работы великого механика. Григорий даже захотел уточнить у Плоскини, что именно тот перевел иностранцам, и правильно ли они его поняли. Ведь сам вождь бродников несколько не смутился речам Забубенного, словно бродники ежедневно все модернизировали и тюнинг был им вполне привычен, как ловля рыбы или землепашество.

По лицам монголов казалось, что они вполне удовлетворены ответом и поняли о чем речь. Они коротко кивнули в знак понимания, выслушав вождя бродников. Следующий вопрос Субурхана послужил тому подтверждением.

— Субурхан хочет знать, может ли механик починить осадную башню? — перевел

вопрос Пlosкия, и добавил — чжурчженьские инженеры, создавшие их, были убиты во время недавнего половецкого набега, а башня сломана. Субурхан накажет половцев, но башню нужно починить. Она скоро будет очень нужна.

— Да я двигатель «БМВ» отремонтировать могу с закрытыми глазами, не то, что какую-то башню поправить, — похвастался Забубенный, — конечно запчасти понадобятся. От этих чжурчженьских механиков что-нибудь осталось, кроме скелетов?

— Ну, там, инструменты, гаечные ключи, подшипники?

Плоския перебрался с монголами парой фраз и ответил:

— Нет, половцы их сожгли вместе с юртой.

— Жаль, — расстроился Забубенный, — хоть бы чертежи посмотреть. Тормоза, трансмиссию. Ну да ладно, на глаз сделаем. Не велика премудрость. Все, что придумал один чжурчжень, другой всегда сможет починить. Или хотя бы разобрать. Главное, помощников дайте побольше. Один быстро могу не поспеть.

Пока механик произносил эту фразу, он вдруг осознал, что уже почти согласился помогать оккупационному командованию. Настолько он любил решать конкретные технические задачи, что порой забывал о политике и морали. Вот так и ученый, подумал вдруг Григорий, разрабатывает себе тихонько атомную бомбу, проникая в секреты мироздания, просто потому что, ему самому это интересно. А потом какой-нибудь американский маньяк-президент берет эту бомбу и убивает ей миллионы японцев. Да, конфликт личного интереса и морали налицо.

В этот момент сидевший рядом с Субурханом и Тобчи воин, молчавший до сих пор, что-то сказал. Его соседи кивнули.

— Великий стрелок Джэбек, напоминает, что ты не ответил на главный вопрос, — что ваш отряд делал в половецкой степи? — перевел Плоския.

— Какой отряд? — делано удивился Забубенный, хотя уже понял, о чем пойдет сейчас речь, и голос его слегка дрогнул. Ему самому хотелось узнать о том, что случилось с Путятой, Данилой и братом-купцом Курей.

Плоския сделал два шага вперед и пнул ногой лежавшую на полу меховую кучку. При этом раздался металлический лязг, — стукнулись лежавшие снизу мечи. Один из них Плоския поднял, оглядел и, вопросительно глядя на Забубенного, сказал:

— Такие мечи куют в Чернигове и на киевщине. А среди киевских князей много родственников половецким. Половцы нам враги. Так, что так глубоко в степи делал вооруженный отряд из сопредельных земель?

— Да купцы мы, — решил косить под дурака Забубенный, вспоминая легенду прикрытия, — торговать ехали. Отсюда мечи и меха наши, и другое добро. А купцов никто не трогает даже на войне. Чего нам бояться-то? Я же сразу и сказал, как повстречались. Родом мы с братом из Чернигова, оттого и оружие не местное.

— А зачем вам оружие, если бояться некого? — зло ухмыльнулся Плоския, — а может, искали чего, вынюхивали?

— А чего в степи вынюхивать? — честно удивился Забубенный, — она широкая и пустая, что в ней толкового может уродиться?

Плоския покосился на монголов, но переводить не спешил.

— Товаров в ней мало, ибо народ кочевой ничего сам производить не желает, — продолжал гнуть свою линию механик, — может экономика не позволяет, а может, по жаре работать не охота. Вот и гоняют коров туда-сюда по пастбищам кочевым. Зато коровы дают молоко и йогурты, которых у нас на Руси маловато. Ну а мы им меха и оружие. Вот и совершается культурный товарообмен. Мы купцы, — народ мирный. А оружие везли для продажи. Можем, например, вам продать. За полцены.

Плоския снова зло ухмыльнулся.

— Нам не надо. Мы и так уже все взяли, даром. А вот брата твоего в желтой одежке не успели прихватить, — утек в степь. Жаль, хороший бы раб получился. Вроде тебя.

Затем он обернулся и перевел сказанное монголам. Пока он говорил, Забубенный

наполнялся гневом. Значит, отряд разбит, но Куря и еще кое-то спасся. И монголы их не смогли догнать. Где же они сейчас? Наверное, ускакали к Зарубу. Мстислав Чернявый давно уж ожидает их с докладом, да и киевские князья, небось, войско уже всю собирают для похода. В любом случае придется затаиться на время, приняв свою судьбу для вида, и готовить побег из этого места. А там, — бежать при первом же удобном случае обратно к Зарубу и дальше на Русь.

Молчавший до той поры старый знакомый Забубенного Тобчи вдруг что-то резко сказал.

— Тобчи не верит, что вы купцы, — перевел Плоския, — Слишком хорошо дрались. Несмотря на внезапное нападение, в бою погибла половина его воинов. И он поклялся убить твоего брата, когда найдет его. И тебя должен убить, — по монгольским законам смерти предается весь род врага.

— Да то не мы бились, — ответил сквозь зубы Григорий, — то охрана, что мы наняли в Чернигове. Секюрити. Ратники черниговские, а им полагается уметь драться. Они тренированные. Увидали вас, да за налетчиков приняли, вот и стали отбиваться. За то им деньги и платили. А мы с братом, — люди мирные.

— Твой брат убил его брата в том бою, — сообщил Плоския, — самолично. Он был на коне и махал мечом не хуже ратника. Порубил троих. Монголы такого не прощают.

— Ну, что поделаешь, — кивнул Забубенный, — значит судьба. Довели человека. Если у мирного купца начнут отбирать товар, он кого угодно за свою собственность задушит. А если у него еще и меч в руках оказался, то вообще пиши «пропало». Частная собственность, — вещь неприкосновенная. Первый закон развитого капитализма. Да и не развитого тоже. Даже в степи. Одного не пойму, — я-то тут причем? Брат убил, вот брата и ищите по степи.

Плоския помолчал немного, выслушав ответ Григория, а потом пробормотал, прищурившись:

— Вот смотрю я на тебя, раб, и не пойму. Не понятен ты мне. Вроде из славян, а говоришь так, словно уродился за морем и кожу имеешь черную, как воины мавританские.

— Ты не первый это заметил, — успокоил его Забубенный, — мы, свободные механики, — вообще народ странный. Сами себя не понимаем иногда. Где нас посторонним понять. Душа механика, — креативные потемки. Внутри нас неведомая сила, что влечет наши руки к железу и работам по металлу. Нас все время тянет что-нибудь подкрутить, что-нибудь разобрать. Это невозможно объяснить не механикам. А уж тем более, — бродникам. Про степняков я вообще не говорю. Их дело — степь да степь кругом. Кони, шашки и прочая романтика. А мы, механики, любим странные вещи.

Тут снова в разговор вступил Субурхан, сделав заявление. Плоския еще не успел его перевести, как Тобчи недовольно что-то заметил на это. Главный начальник бросил на него грозный взгляд и повторил свою загадочную фразу. Тобчи замолчал, насупившись, но, стараясь взглядом пробурить дыру в Забубенном.

— Субурхан решил, что ты будешь жить, до тех пор, пока не починишь осадную башню. Тебе дадут помощников столько, сколько тебе понадобится, — перевел решение руководства Плоския, — Но ты должен прямо сейчас показать на что способен настоящий механик. И еще, — ты больше не мой раб. Ты — собственность Субурхана.

— Благодарствуем, что хоть с казнью повременили. И на том, спасибо, — проговорил механик, добавив озадаченно, — но, как же вам показать, на что способен настоящий механик?

Посмотрев по сторонам, Забубенный наклонился и вытащил из кучи мягкой рухляди две мини-рации. Погладил, словно древнюю реликвию, нажал по очереди на них кнопку «вкл», с радостью услышал легкое потрескивание и удовлетворенно проговорил:

— Работает еще. Хорошо.

И тут у него в мозгу зародился коварный план мести. Он потянул одну из раций Плоскине и, обращаясь к монголам, сказал:

— Пусть он возьмет это и выйдет за порог юрты. Там он узнает, что такое настоящий механик, а вы поймете это не сходя с места.

Вождь бродников указал на рацию и перевел два слова монголам. Субурхан кивнул, без интереса поглядывая на маленькие черные штучки, от которых он не ждал никакого подвоха. Они не были похожи на оружие. Тогда Плоскиня взял рацию, и, выйдя наружу, отошел на положенные три метра от юрты.

Выждав несколько секунд, Забубенный нажал на кнопку вызова и ляпнул первое, что взбрело в голову.

— Хьюстон, Хьюстон, вызываю Уитни Хьюстон, — взвизгнула трескучая рация у порога.

В трех метрах от юрты упало тело. Затем раздалось еще два мягких шлепка, словно на землю уронили мешки с картошкой. Григорий, не спрашивая разрешения, нетвердой походкой подошел к выходу и отдернул полог. Вождь бродников без чувств валялся на земле, выронив рацию. Рядом, словно два тюленя, лежали охранники Субурхана.

— Да, — удовлетворенно заметил Забубенный, подняв рацию, выпавшую из руки Плоскини, — техника в руках дикаря, кусок металла. Вот, господа монголы, на что способен настоящий механик.

И он с самодовольным видом обернулся назад, ожидая увидеть ту же картину в юрте, но, из-за его спины, как ни в чем не бывало на свет вышли торе монголов-предводителей и осмотрелись.

— Ты придумать эту говорящую чурку? — спросил Тобчи, как выяснилось, говоривший вполне сносно на ломаном русском, и взял у изумленного Григория одну из раций. Изучив взглядом панель управления, он безошибочно нажал на нужную кнопку и пробормотал по-монгольски что-то свое. Вторая рация в руках Григория изрыгнула в эфир фразу, прозвучавшую на слух как «Бора-бора Кара-Чулмус! Бора-бора Албаст!».

— И что это значит? — задал глупый вопрос великий механик.

— Мы долго воюем, — сказал Тобчи, прищурившись, — Мы видеть многие земли, много народов и много злых духов. Мы всех победить. Ты не похож на них. Мы не бояться тебя и всегда мочь убить. Помни об этом. Но, — тут Тобчи запнулся и посмотрел на своего начальника, — великий Субурхан оставлять тебя в живых, пока ты не починить башня. Тебе дадут юрта и много рабов, как ты просить. Но знай, ты сам теперь, — раб Субурхана. А до тех пор Плоскиня и все наши воины будут думать что ты, — настоящий дух степи Кара-чулмус, что может превратиться в голос без тела, а также пить кровь людей. Они в это поверить. Пусть так и будет. Твой судьба мы решить позже.

Забубенный не знал, что и сказать на это. Мгновение назад был уверен, что произведет неизгладимое впечатление на дикарей, как белый человек, что предъявил папуасам радиоприемник. Готов был ощутить себя чуть ли не хозяином положения, диктовать монголам свои условия, как некогда черниговцам, а сейчас выяснилось, что его просто провели. Хитрые монголы-атеисты в нечистую силу верили не сильно, либо вообще не верили. И что, блин, теперь было делать?

— Иди, — приказал Тобчи, — ты ранен. Субурхан приказывает отдохнуть несколько дней. Потом начинай работа. Когда надо будет, Субурхан тебя позовет.

Глава пятнадцатая

«Реабилитация. Кара-чулмус отдыхает»

Всю следующую неделю Забубенный пользовался плодами своей неожиданной встречи с тремя великими монголами и лечился, поправлял ушибленную голову. Субурхан сдержал свое слово, — ему выделили лучшую юрту на краю стойбища, как он и пожелал, и не трогали гораздо дольше, чем несколько дней. Ежедневно присылали самые свежие продукты: кумыс, фрукты, мясо. Видно, осадная башня действительно нужна была позарез.

Кумыс механик не пил, не очень он пришелся ему по вкусу. Да и само название

ассоциировалось у Забубенного почему-то больше с верблюдами, чем с лошадьми. Хотя, как надо доить, ни тех, ни других, Григорий себе не представлял. Валяясь в своей юрте Забубенный продолжал тосковать по йогуртам и нормальному коровьему молоку. Тогда Плоския, поступивший со всеми своими походными людьми в личное услужение Забубенного, по его приказу послал гонцов на Дон, где жило племя бродников. И скоро у Григория появилось нормальное молоко, значительно приподняв ему настроение.

Всю эту неделю Забубенный проспал вповалку, поскольку лекарств у него не было, и лечился он в основном сном, самым древним естественным способом восстановления организма. О том, что его могут убить во сне или отравить он даже не думал. Поначалу голова так сильно болела, что ему было все равно. Ну, убьют, так убьют. Но затем, боль стала постепенно стихать.

Судя по всему, чары Кара-чулмуса охраняли его надежно. Хотя были это эфемерные чары степняка-вампира или личный приказ Субурхана, сказать было трудно. Так или иначе, в юрту к нему никто не входил без разрешения, — монголы обходили ее за три километра. А бродники, поселившиеся рядом по его приказу, вели себя тихо, делали только то, что он им говорил. И тоже не входили без спроса. Да и было их всего человек пятьдесят. Так что за неделю постельного режима, потребления экологически чистых продуктов и здорового сна Забубенный немного пришел в себя и даже стал иногда выходить наружу, посмотреть, что творится в великой степи.

Где находился лагерь монголов он так и не знал. Но надеялся, что не очень далеко от реки, где его, одинокого купальщика, захватили врасплох. Степь здесь была сильно похожа на то место, где стоял последний лагерь Путяты, но ведь, на взгляд горожанина, она везде одинакова. И Забубенный тоже так думал поначалу. Лишь со временем, сидя у юрты долгими тихими вечерами и разглядывая бескрайние просторы, покоившиеся под голубыми небесами, он начал понимать, что степь, которую каждый день омывают солнечные лучи, очень разная. И теперь ему казалось, что он понимает, почему степняки-половцы так любили и почитали свое божество, — Вечное Голубое Небо — Тенгри.

Опуская глаза не грешную землю, со своего наблюдательного поста механик видел, что в монгольском лагере царил непривычный покой. Если в первый день своего пребывания Забубенный, даже ушибленным мозгом, отметил постоянное брожение между юртами кочевников, — кто-то все время уезжал-приезжал с новостями и за ними, выполняя различные поручения местного хана, — то сейчас там царил полный штиль. Редкий всадник осторожно пробирался между бесконечными юртами. А их тут было просто безумное количество. У Забубенного даже возникло подозрение, что многотысячная монгольская армия осторожно снялась в одну из ночей, пока он спал, и ускакала подальше отсюда.

Чтобы рассеять сомнения, он подозвал Плоския и расспросил его о том, что происходит в армии монголов. Бледный как мел вождь бродников, для которого согласно поверьям каждый разговор с Кара-чулмусом мог стать последним, рассказал, что великие военачальники Субурхан, Джэбек и Тобчи остаются на месте в своих юртах и ждут, когда Кара-чулмус захочет починить башню. При этих словах Забубенный горько усмехнулся и подумал, что если Кара-чулмус вдруг «не захочет починить башню», то его очень скоро найдут в каком-нибудь овраге с переломанным позвоночником или вообще не найдут. Кара-чулмус — дело не материальное, все-таки степной дух. Взял да испарился.

«А жаль, что фокус рацией не совсем удался, — думал механик, лежа в юрте после сытного обеда и предаваясь философским размышлениям о причинах тишины в монгольском лагере, — Руководство не поверило. Хотя, простые солдаты прониклись. Да что с них взять. Они, конечно, смелые ребята, но чтоб так верить во всякую нечисть... Суеверия они и в Африке суеверия. Живучая штука. А тем более в тринадцатом веке. Ни тебе самолетов еще, ни космических кораблей. Да и в мое время во всяких мертвецов еще верят, что из могил вылезают, лишь только стемнеет. Нет, бытовые страхи, похоже, неистребимы».

Что будет, если вдруг раскроется обман общества, и со слов своих полководцев

свирепые монгольские воины узнают, что он никакой не Кара-чулмус, а простой российский механик на испытательном сроке, заброшенный в неведомую глушь времен, Забубенный старался не думать. Сначала надо подлечиться в местной санатории, — еда, сон, свежий воздух и хорошая погода сделают свое дело. Хотя, скорее всего воины этого никогда не узнают, — вряд ли полководцы признаются, что так напарили своих солдат. Для повышения боевого духа они это сделали или, еще какие политические цели преследуют, Забубенный был не в курсе, — монголы не так просты, как кажутся. Но, в любом случае, его пока оставили в живых. Значит, время на размышления о будущем еще есть. С этой счастливой мыслью Григорий заснул и проспал весь остаток дня и всю ночь.

На утро у Забубенного открылись чакры. То ли удар по голове сказался, то ли за прошедшее время он так хорошо отдохнул и прочистился, но иначе механик не смог себе объяснить внезапно возникшее решение немедленно заняться изучением монгольского языка.

Начал он с того, что вызвал Плоскиню, и до обеда пытал его на предмет основных правил языка кочевников и как что среди них называется. Плоскиня несколько удивился желанию степняка-вампира, но перечить не стал. Прежде всего, Забубенный усвоил, как звучат по-монгольски самые главные слова: лошадь, седло, скакать, доспехи, копье, лук, колчан и стрелы. Оказалось, звучит довольно смешно и громко. Построил несколько предложений и попрактиковался на вожде бродников. Тот подтвердил, что произношение у Кара-чулмуса идеальное, но Забубенный ему не поверил. Чего только не скажешь, когда жить хочется.

До вечера Григорий выучил еще добрых пятьдесят слов и словосочетаний, среди которых было: есть, пить, спать, летать как птица, ходить на охоту, воевать, делать оружие, чистить доспехи и бороться. Причем, как объяснил любопытному до чужой культуры вампиру Плоскиня, слово «бороться» монголы понимали не как биться с врагом на войне, а только в узком смысле, — борьба, как развлечение. То есть состязание в стиле вольной борьбы или борьбы Сумо. Ну, или каратэ, как перевел для себя Забубенный, расширив смысл этого слова. Поскольку монголы приходили в восторг от борьбы, то постоянно устраивали турниры для забавы. Ведь они почти все были багатуры в силу своего образа жизни, то есть богатыри, как потом влилось это слово в русский язык. А когда сила есть, то ума, соответственно, уже не надо. Их хлебом не корми, — дай побороться. Все это объяснил Григорию по неволе словоохотливый Плоскиня.

Кара-чулмус оказался на редкость талантливым учеником и схватывал все на лету. Григорий не стал распространяться, что, несмотря на сознательно выбранную профессию механика, с детства не равнодушен к языкам. Любовь ко всякой иностранной культуре была для Забубенного чем-то вроде хобби и пришла через любовь к моторам и автомобилям. А та в свою очередь через иностранные журналы. Причем, как и в основной работе, он не любил простых решений. Поэтому скрепя сердце выучил неинтересный английский язык, поскольку на нем все же писали иногда про машины. Современный немецкий и французский, а затем переключился на редкие виды. Освоил сначала суахили, потом японский, следом древне вьетнамский, древненорвежский, реликтовые языки индейцев Полинезии и затерянных Африканских племен, ну и попутно латынь. На всякий случай. Вдруг, повезет с латинцами встретится. А нет, — так можно и с докторами при случае по душам поговорить. Сам не понимая зачем, он также выучил эскимосский фольклор и матерные выражения древних шумеров.

Такой подход к делу привел к тому, что скоро великий механик Григорий Забубенный стал самым известным механиком-полиглотом на своей СТО. К нему часто приходили за лингвистическим советом мастера-мотористы, работавшие над сложным ремонтом по мотору и зашедшие в тупик, для выхода из которого им приходилось осваивать новую техническую литературу, а времени на это не было. Зато был Забубенный, который охотно и безвозмездно подсказывал им, что означает тот или иной иностранный термин.

Приобретенные в качестве хобби знания не пропали даром, а опыт освоения чужих

языков в контакте с монголами очень даже пригодился. Забубенный вообще не любил общаться через переводчика. Ведь русская душа требует понимания, а через переводчика по душам не поговоришь.

Ничего этого Плоския не знал, перечисляя Кара-чулмусу заплетающимся от страха языком монгольские слова и понятия, одно за другим. Освоив в первый день обучения довольно много слов, нетерпеливый Забубенный решил сразу же попрактиковаться на носителях языка. Ибо, как слышал от своих учителей, для изучения языка нет ничего лучше, чем погрузиться в атмосферу носителей языка. Учишь французский, — езжай во Францию. Осваиваешь японский, — плыви в Японию и тусуйся там многие годы с самураями и каратистами. Только так выучишь язык и поймешь культуру народа.

К счастью за монголами не надо было ехать в Монголию. Они сами сюда приехали. Выйдя под вечер из палатки, и, преодолев в сопровождении вождя бродников метров сто в сторону основного лагеря, Забубенный бесстрашно бросился под копыта скакавшей лошади, пытаясь остановить первого попавшегося на пути монгольского всадника властным движением руки. Сказав при этом по-монгольски:

— Стой, всадник. Куда скачешь?

Всадник, судя по всему, оказался не местный, и Кара-чулмуса, напугавшего его лошадь, которая встала на дыбы, в лицо еще не знал. А потому, успокоив лошадь, тут же попытался вразумить неизвестного, перехватив копьё и взметнув его над головой. Еще секунда, и бессмертный степняк-вампи́р попрощался бы с жизнью.

К счастью, Плоския во время сориентировался, крикнув что-то всаднику и указав на Забубенного, трижды произнес короткую фразу, венцом которой было слово «Кара-чулмус». Всадник передумал убивать неизвестного, опустил копьё и с удивлением воззрился на него. Осмотрев с ног до головы стоявшего перед ним странно одетого человека, осторожно и вопросительно пробормотал:

— Кара-чулмус?

Забубенный радостно закивал. Первый контакт с носителем языка начинал складываться.

— Кара-чулмус! — подтвердил он, кивнув головой.

Всадник еще немного помолчал, привыкая к странному собеседнику, и вдруг выпалил:

— Я багатур Бури-Бoko. Скачу к стрелку Джэбеку. Везу известие. Не убивай.

Забубенный не поверил своим ушам, но все понял. Решив, что на сегодня практики хватит, он старательно проговорил по-монгольски:

— Скакать. Везти. Не буду.

Не поверив своему счастью, багатур Бури-Бoko хлестнул лошадь плеткой и ускакал, скрывшись между юрт походного лагеря. А удовлетворенный первым контактом с носителем языка, Григорий отправился обратно к себе и до захода солнца вытянул из Плоскини еще добрую сотню глаголов, существительных и устойчивых идиоматических выражений. Ему понравилось говорить по-монгольски. Прогресс пошел. А на следующее утро у него неожиданно состоялся второй разговор на местном наречии.

Проснувшись от необычного шума, Забубенный присел на своей походной кровати, — набросанных на полу юрты коврах и халатах с подушками, — прислушался к тому, что творилось снаружи. Как только конский топот доброй дюжины лошадей, разбудивший его, стих, полог откинулся в сторону, и в запретную юрту Кара-чулмуса бесстрашно вступил монгольский воин. Это был сам Субурхан. Чуть позже вслед за ним вошли Тобчи и Джэбек, — верные сателлиты.

Забубенный, едва успевший вскочить, натянуть походные штаны с рубахой и принять задумчивый вид, застыл у стены. А, увидев предводителя монгольского корпуса в своей юрте, заволновался. Просто так Субурхан сам к тебе не придет. Знать, дело появилось.

— Здравствуй, Кара-чулмус, — сказал Субурхан, остановившись посреди юрты. Затем, отыскав глазами небольшую скамеечку, служившую Забубенному табуреткой, сел. Джэбек и Тобчи сели рядом, благо скамеечек было много.

— Я приехал говорить с тобой, страшный степной вампир, так что не убивай пока, — ухмыльнувшись, заметил Субурхан. А Тобчи и Джэбек широко улыбнулись, оскалив мелкие кривые зубки, если не сказать клыки. Со стоматологами у степняков явно были проблемы.

— Милости просим, — пробормотал Забубенный на родном наречии, но, осознав, что Плоскини рядом нет, перешел на монгольский.

— Я стараться говорить по-монгольски, но мало знать слов, — выдавил он из себя, — позвать Плоскиня?

— Нет, — махнул рукой монгольский вождь, — я слышал от багатура Бури-Бoko, что ты уже говоришь на моем языке. Повстречав тебя и оставшись в живых, он считает, что заново родился. Весь лагерь говорит об этом.

Забубенный мог себя похвалить: слушая Субурхана, он почти все понимал. А что не понимал, додумывал по смыслу. Вот, только говорить мог пока медленно и скудно. Поэтому говорил больше монгольский военачальник, а потенциальный Кара-чулмус больше отмалчивался и слушал. Вот и сейчас он промолчал, но не смог сдержать самодовольной улыбки. Все-таки первый контакт прошел не зря, раз слухи о нем дошли до самого Субурхана.

— Тебя хорошо кормят? — вдруг поменял тему монгол, оглядев суровым начальственным взглядом убранство юрты, остатки еды и питья на деревянном подносе, служившим Забубенному столом и передвижным баром одновременно, — Все ли у тебя есть, что нужно?

— Мерси, — ответил по-своему Григорий, озадаченный вопросами монгольского начальника, — еды хватает. Сервис по первому классу.

А потом, спохватившись, пробормотал по-монгольски:

— Еда хорошая. Вода тоже. Кара-чулмус доволен.

Субурхан кивнул, словно все это укладывалось в одну линию с его мыслями.

— Значит, ты здоров?

Григорий озадачился еще больше «с чего вдруг такая забота?», но автоматически промямлил:

— Здоров. Еда хорошая. Воздух тоже. Голова почти прошла.

Субурхан опять кивнул, видимо, соглашаясь, что степной воздух, пропитанный ароматами трав, действительно целебен. И вдруг высказался прямо:

— Хорошо, — сказал он, — Значит, ты уже готов бороться с Бури-Бoko.

— Бороться? — повторил Забубенный, — я должен бороться с багатуром Бури-Бoko?

Субурхан хищно улыбнулся и снова кивнул.

— Завтра на рассвете.

Григорий даже слегка осел вниз, слабость навалилась на него неожиданно.

— Но зачем? Я же не багатур и не люблю бороться.

На это Субурхан резонно заметил, погладив свою бородку:

— Зато я люблю посмотреть на борьбу. Потешить себя видом состязаний. Мои багатуры храбры, но победа над самим Кара-чулмусом, — это особая победа. К тому воину, что победит вампира-степняка перейдет его дух и он станет непобедим.

— «Перейдет его дух»... — повторил как во сне Забубенный, — Что это значит? Ведь борьба не битва? Там не убивают? Не проливают кровь?

— В борьбе бывает все, — философски заметил предводитель монголов, — А мы очень любим это развлечение. Оно вселяет веселье, радость и силу в наши сердца. Но, ты прав, кровь там не проливают.

Где-то в глубине души Григорий знал, что есть немало способов лишить жизни человека и без пролития крови. Ему вдруг представился «Клетчатый» в исполнении Баниониса из кинофильма «Приключения принца Флоризеля», прошептавший «Не терплю крови», глядя на зияющую рану от сабли в своей груди. Успокаивало одно, — монголы тоже не любят крови, хотя и проливают ее реками.

— Но, я не знать правила, — неуверенно заметил Григорий.

— Правил нет, — успокоил его сидевший рядом Тобчи, — Борются голыми по пояс. Бури-Боко будет тебя хватать и ломать. Но, ты должен терпеть и сопротивляться. С виду, ты тоже сильный. Продержись как можно дольше, — и тогда тебя ждет славная смерть от руки багатура, а его — слава победителя Кара-чулмуса.

— Но, — осторожно проговорил механик, — ведь Кара-чулмуса нельзя победить. Он же сам дух-убийца!

Субурхан кивнул. По его хитрому лицу промелькнула самодовольная усмешка.

— Это так. Настоящего духа, — нельзя. Но ты же не настоящий. А мои воины уверены, что ты и есть Кара-чулмус. Поборов тебя Бури-Боко прославит всех монголов. Ведь до него еще никто не побеждал в открытом бою самого Кара-чулмуса!

— А он не боится Кара-чулмус? — выпалил Григорий.

Субурхан впервые за время этого странного разговора поднял глаза и смерил пристальным взглядом собеседника. До этого, он как бы разговаривал сам с собой, скользя взглядом по механику, словно его и не было.

— Боится. Пока я не прикажу бороться, — при этом и так узкие глаза Субурхана сузились еще сильнее, — А когда прикажу, он будет бороться хоть со всеми злыми духами степи.

«Замечательно, — как-то отрешенно подумал Забубенный». И выдал самый неожиданный аргумент:

— А вдруг, победителем стану я?

Все трое военачальников переглянулись и вдруг расхохотались так, что затряслись стены юрты. Смеялись они долго и от души.

— Ты очень грозный, Кара-чулмус, — сказал Субурхан, отсмеявшись положенное, и глотая слезы от смеха, таким тоном, словно Григорий сморозил стопроцентную чушь, — но ты не победишь Бури-Боко. Он настоящий багатур.

Монголы поднялись со своих лавок, собираясь уходить. Григорий отчаянно оттягивал конец этого судьбоносного разговора, а потому родил еще один аргумент за отмену боя.

— А кто же будет вам чинить башню, если Кара-чулмус погибнет? Ведь сами воины не умеют. А я классный механик. Ты же сам говорил, что будешь ждать, пока я не почию башню?

Субурхан, уже повернувшийся спиной к Забубенному, остановился, задумавшись. Но это длилось не более секунды.

— Я передумал. Степь велика. Мы найдем новых чжурчженей. Сейчас я хочу насладиться видом борьбы. Готовься. На рассвете ты выйдешь в поле.

И монголы направились к выходу в обратном порядке. Великий стрелок Джэбек, не проронивший за время беседы с Кара-чулмусом ни слова, первым покинул его палатку. Похоже, он предпочитал стрелять, а не говорить. Следом за ним вышел Тобчи, постукивая себя тонкой плеткой по сапогу. А сам Субурхан, только что решивший судьбу степняка-вампира, вышел последним, бросив на ходу:

— Прощай. Завтра на рассвете ты выйдешь в поле.

Вечером, разминаясь перед юртой, Забубенный вспоминал всю систему растяжки и боевые приемы одного из стилей каратэ под названием «Киокушинкай», который некогда изучал и даже добрался до желтого пояса. Желтый, — не черный. Но ничего другого в арсенале у него не имелось. Борьба будет без оружия, тут любой опыт пригодится.

Глава шестнадцатая

«Кара-чулмус и Бури-Боко»

Утро пришло внезапно. Так неожиданно, что Григорий даже не успел испугаться. Первые лучи солнца окрасили степь в розовые тона, сделав ее бесконечным холстом божественного художника.

Как ни странно, возможно, в последнюю свою ночь, Григорий спал вполне сносно и

никто ему не снился. Так натренировался перед сном, что еле дополз до своих ковров в юрте и упал, как подкошенная сосна. Быть сосной ему понравилось. Ничто из людских проблем тебя не беспокоит. Спишь себе, сил набираешься. Зеленеешь во сне. А когда на рассвете следующего дня его разбудили какие-то громкие звуки, доносившиеся снаружи, он нисколько не удивился. Встал, натянул легкие штаны, подтянул их бечевкой на поясе, ополоснул лицо холодной водой, стоявшей у входа, и так с голым торсом вышел в степь, как и хотел Субурхан. Пора было разобраться с этой неопределенностью.

Когда, откинув полог юрты, грозный механик вышел на свет божий, то обнаружил, что с неопределенностью как раз все в порядке. Она определена. Причем, без вариантов. Хотя удивлению Григория не было предела. Он ожидал увидеть, что вокруг юрты грандиозным полукольцом выстроилась конная толпа монгольских всадников, жаждущих зрелищ. Но увидел невдалеке только высокий помост, специально сооруженный по такому случаю, где удобно устроились на подушках три багатура-предводителя: сам Субурхан, Джэбек и Тобчи. За ними маячило человек двадцать верных нукеров и больше никого. Вся монгольская армия занималась ежедневными делами. Получалось, что бой будет закрытым. Зрелище только для избранных.

Люди всегда хотят зрелищ, в этом Григорий не сомневался. Причем, народ готов пойти даже на убийство ближнего, лишь бы состоялось зрелище. Недаром, пока не было кино, люди любили ходить на просмотр казни своих ближних через повешение, колесование, или отрубание головы. Позже, с появлением огнестрельного оружия, — через расстреляние. Чего не сделаешь от скуки. Но, это в Европе. Европейцы тщедушны и ленивы. Они любят комфорт. Монголам же не было скучно. Они все время воевали на свежем воздухе, так что кровавых развлечений хватало. Поэтому, когда выдавалась свободная минутка, боролись багатуры ради бескровной забавы, просто хотели померяться силой.

Но, — это в обычном случае. Сейчас же случай был из ряда вон. В качестве мальчика для битья выступал не кто иной, как грозный степной дух-убийца Кара-чулмус, а его противником крепкий багатур Бури-Бoko. Обычная бескровная борьба, на сей раз, должна была окончиться смертью одного из них. Но, сам Бури-Бoko мог об этом и не догадываться, — хитрый Субурхан наверняка не сказал ему всю правду для поддержания остроты момента. Просто приказал побороть вампира и все. А под конец поединка можно ведь и знак подать незаметный, — шею сломать, например. Монголы хитрованы известные.

Конечно, биться с духом бестелесным трудно, но у багатура выхода нет. Сказали биться, — бейся. «Хотя, все эти затруднения для храброго багатура отпадут после первого же точного захвата, — грустно размышлял великий механик, выходя на всеобщее обозрение, — а как стресс от успеха пройдет, тут Бури поймет, что Кара-чулмус-то не бестелесный оказался и быстренько его сломает своими накаченными в походах ручищами».

А сам Бури-Бoko уже стоял в центре примятого круга травы, на котором были расстелены несколько ковров, создавая подобие ринга без ограждений. Багатур поигрывал мышцами. Был он в кожаных штанах и жилетке, которую скинул с себя, лишь только Кара-чулмус появился из юрты, оставшись с голым торсом, как и полагалось по нехитрым условиям поединка. Был ли он предупрежден Субэдзем об отсутствии способностей вольного борца у Кара-чулмуса, для Забубенного оставалось тайной. Но вида пока не подавал. Был серьезен и даже слегка зажат.

«Значит, нервничает, — подумал Григорий, приближаясь, — это хорошо».

— Приветствую тебя, о великий Кара-чулмус! — вдруг громко крикнул багатур и поднял руки над головой, а затем повернулся к помосту, приветствуя монгольский генералитет.

Григорий молча кивнул в ответ и тоже бросил взгляд на монголов-предводителей. Из своей открытой ложи они пристально следили за происходящим, на их лицах читалась торжественность момента. И никто бы не догадался, что результат поединка заранее предрешен. «Везде эта грязная политика», — промелькнула мысль у обреченного на смерть механика. Но, обращаясь к сидящему на помосте Субурхану, вслух он выкрикнул другое:

— Идущие на смерть посылают тебя!

Крикнул по-русски, ибо в последние минуты жизни говорить на иностранном языке считал ниже собственного достоинства. Великие русские механики так никогда не поступают. А Забубенный в эти минуты чувствовал себя русским на сто процентов.

Субурхан подал знак. Окончив краткие приветствия, борцы сблизились. Сидевшие на конях монгольские воины затихли, целиком уйдя в созерцание великой схватки духа и человека из монгольского племени. Казалось, даже ветер перестал дуть, а лошади фырчать. Все смолкло.

Бури-Бoko, преодолев природное смущение перед духами, вспомнил приказ Субурхана, шагнул вперед и попытался провести захват первым. К голове Забубенного метнулась короткая мускулистая рука. Но, Григорий был готов. Он отпрыгнул в сторону, и рука просвистела мимо, захватив лишь воздух. В глубине души механик не верил в смерть, чтобы там ни говорили, и решил считать происходящее с ним просто жестоким спаррингом, где победителю достается призовая игра в виде разрешения жить дальше.

Багатур сделал еще шаг вперед и взмахнул левой рукой, — Забубенный снова увернулся. Опять отпрыгнул в сторону, затем назад. Встал в защитную стойку, опустив руки вниз, и посмотрел на атакующего врага, ожидая его следующий выпад.

Бури-Бoko заробел: дух никак не давал себя захватить. Может быть он все-таки бестелесный? Но, монголы, — упертые ребята. И багатур попер вперед, наклонив голову. В низкой стойке ринулся он на Забубенного, размахивая руками. Григорий резко шагнул одной ногой назад, одновременно оставаясь на месте и уводя тело от захвата, затем в сторону, чуть отклонился, совершив круг, и оказался за спиной атакующего монгола. Очутившись в этой позиции, механик нанес не очень сильный, но точный удар ногой в пятую точку багатура, придав ему ускорение. Получив удар в задницу, Бури-Бoko вылетел с ринга на траву и упал. По рядам всадников, наблюдавших за поединком, пронесся неодобрительный ропот. Если бы на багатура ставили ставки, то сейчас его рейтинг начал бы ползти вниз.

Видно это он и сам понимал. Когда Бури-Бoko поднялся и развернулся назад, по его лицу было ясно, что багатур начинал злиться. Еще никто ему не давал пинка под зад принародно. Точнее, все кто попытался это сделать, были мертвы. И Бури-Бoko преисполнился желания придушить своего противника, во что бы то ни стало, будь это хоть трижды бестелесный дух. Кроме того, Кара-чулмус боролся не по правилам. Полагалось схватить друг друга и ломать до потери пульса, а дух прыгал из стороны в сторону и лягался. Это и раздражало Бури-Бoko больше всего. Но приструнить духа он не мог. «Эх, — подумал багатур, — был бы я на коне и с копьём, я бы его живо прикрепил к земле». Но он был без копья, без коня и голый по пояс. Но и так он был грозен. Бури-Бoko считался чемпионом по борьбе среди других багатуров из отряда Субурхана.

Багатур рванул вперед так быстро, что Забубенный, немного замешкавшись, упустил время для маневра. Слишком долго думал: бить врага или уходить от удара. Практики не хватало. Рефлексы начали всплывать из памяти, но слишком медленно. Решил увернуться, но было поздно, пришлось бить. Григорий нанес встречный удар ногой в голову противника, точнее в лицо, между мелькавшими руками. Эффект был странный. Забубенном показалось, что он пнул своей босой ногой холодный затвердевший студень. А Бури-Бoko от неожиданности немного затормозил, но всего лишь на мгновение, и тут же рванул дальше, размахивая руками. На этот раз он схватил Григория за шею одной рукой, толкая вперед, но не успел заключить его в железные объятия прочно.

От толчка механик стал падать, заваливаясь на спину, но в падении, вывернулся ужом, пнул противника коленом в ребра, и, освободившись от захвата под вой багатура, откатился в сторону на пару шагов. Этого оказалось мало, сначала одна железная рука Бури-Бoko опять схватила его за лодыжку, а потом и вторая. Багатур стал тянуть механика к себе за ноги.

«Все, сейчас ногу заламают, — промелькнуло в голове у русского механика». Он захотел перекатиться на спину, но железные клешни Бури-Бoko держали его крепко. Маневр не получился, но и сдаваться Забубенный не собирался. Русские не сдаются. Тем более

монголам.

Тогда он в слепую, вспомнив про чутье каратистов, нанес свободной ногой удар назад. Не глядя. Пяткой в область головы. И смог так достать багатура. Угодил опять в ступню. Окрыленный своей меткостью, Забубенный ударил еще и еще раз. Пока хватка не ослабла. А когда это случилось, перевернулся так на спину и вмазал багатуру сразу двумя ногами по голове. Из сломанного носа Бури-Бого ручьем полилась кровь, он выпустил ногу механика и осел назад, закрыв лицо руками.

Используя отпущенные секунды, а Григорий был уверен, что Бури-Бого еще не сломлен, он вскочил на ноги и отпрыгнул на пару метров, встав в прочную стойку. Приготовился к новой атаке упорного багатура. Но Бури-Бого медлил, сидел, размазывая кровь по лицу, видно Забубенный основательно его приложил. Но, потом все же тяжело поднялся. И тогда случилось непонятное. Механик вдруг вспомнил. Все рефлексы проснулись. Все, что учил в прошлой жизни, всплыло на поверхность. Промелькнуло за доли секунды, спрессовалось в опыт.

И он пошел в атаку. Разбежавшись, Забубенный подпрыгнул на полтора метра в воздух и с диким криком «Ки-й-й-й-я», от которого вздрогнули лошади, с лету нанес сокрушительный удар ногой в голову мускулистого багатура. С боку. Монгол тряхнул головой и покачнулся, но устоял. Теперь он выглядел, как боксер за пять секунд до нокаута. Стоял и покачивался, слегка согнув руки, в бесполезной попытке защититься.

Приземлившись, Забубенный вмазал ему левой ногой по ребрам, раздался хруст. Бури-Бого накренился влево. Следующий удар рукой в солнечное сплетение продолжил атакующую серию. Бури-Бого нагнулся вперед, словно гуттаперчевый, судорожно хватая ртом воздух. А Григорий вспоминал все, чему учили, и оттачивал удары. Локтем в подбородок снизу вверх, — багатур мотнул головой, словно конь, хрустнула челюсть. Прямой удар другим локтем вперед, — изо рта пошла кровь, видно раскрошил зубы. Затем простой, но мощный удар кулаком в грудь, снова в солнечное сплетение. Что может быть проще и надежнее удара кулаком? Только удар ногой под коленку, — очень больно — багатур повалился вперед, как мешок с песком. Упал на колени. И тут Забубенный, с непередаваемым удовольствием и диким криком нанес завершающий удар сверху вниз ребром ладони по ключице. Ключица хрустнула, но Бури-Бого все еще стоял на коленях перед механиком. Хотя должен был упасть.

Вместо этого, он вдруг поднялся и, рванувшись вперед, навалился всем телом на измученного Григория, подмяв его под себя. Два тела рухнули на траву рядом с рингом. И нижним телом был механик, только что праздновавший победу. Но, монголы, видно хотели провести его второй раз подряд. Бури-Бого с искаженным от боли окровавленным лицом, крепко прижал к земле недвижимого Забубенного, протянул руки к его горлу и стал душить.

Когда его железные пальцы сомкнулись на шее механика, тот испытал не боль, а обиду. Ведь победа была уже в кармане. А эта измученная макевара вдруг ожила и теперь хочет лишить его жизни.

Воздух быстро кончался. Собрав последние силы и, не пытаясь оторвать руки противника от своей шеи, Григорий чуть приподнял гигантскую тушу Бури-Бого над собой, и с еще большим удовольствием, нанес удар коленом в пах. Багатур тихо вскрикнул и обмяк, отпустив шею механика. Больше, как показалось механику, его в этой жизни ничего не интересовало.

Григорий, поднатужившись, спихнул с себя липкую тушу багатура, и встал, вздохнув полной грудью. На всякий случай осмотрел лежавшее рядом тело. Бури-Бого и не пытался встать, чтобы продолжить бой. Он инстинктивно схватился за самое дорогое и лежал, согнувшись, поскуливая.

— Извини, братан, — подытожил схватку Забубенный, стараясь отдышаться, — Тебе теперь прямая дорога в евнухи.

Но тут вдруг Бури-Бого прекратил скулить и неожиданно встал. Забубенный глазам своим не поверил. После такого удара в такое место, так быстро не встают. Но багатур встал.

И на его лице Григорий увидел такое зверское выражение, что понял сразу, — пора бежать. Шутки кончились.

И Кара-чулмус инстинктивно рванул в сторону своей юрты, но спрятаться там было невозможно, и механик побежал вокруг нее, стараясь оторваться от преследователя, чье яростное сопение он слышал за своей спиной. В панике механик и прихрамывающий багатур, которому боль и ярость придавали силы, три раза обежали вокруг юрты Кара-чулмуса на глазах изумленных монгольских предводителей. К счастью Забубенный бежал гораздо лучше, чем дрался, поэтому Бури-Бoko, как ни старался, не мог его догнать. Да и бежать ему сейчас было не очень удобно. Мешало кое-что распухшее. Но он все равно бежал. А Григорий лихорадочно соображал, что же делать дальше и не свернуть ли в сторону монгольского лагеря, чтобы затеряться там, среди многочисленных юрт. Но на следующем круге Бури-Бoko вдруг споткнулся и упал, издав дикий рык. Силы покинули его снова.

Забубенный от неожиданности остановился в двух шагах от упавшего тела и, переводя дух, посмотрел на помост, где восседали предводители монголов во главе с Субурханом. «Что-то теперь будет? — отстраненно подумал механик, рассматривая суровые лица изумленных монголов, — ведь бой прошел не по плану. Сразу велит заколоть, как сайгака, или позже?»

Сбоку послышалось побряхтывание, — это опять медленно встал негибачаемый Бури-Бoko. Забубенный затравленно посмотрел на монгола, а затем в сторону помоста. В эту минуту его уже дважды решенная судьба решалась в третий раз. И решилась.

Субурхан думал не долго. Монголы не стерпели бы нерешительного хана. Он резко встал, поднял руку и произнес:

— Багатур Бури-Бoko храбро сражался и выиграл эту схватку! Он загнал в угол Кара-чулмуса. Вы все видели это. Он доказал нам, что никто не может сравниться с ним в силе. Но степные духи бессмертны. Их нельзя победить. Поэтому бой закончен!

Сделав такое неожиданное для механика заявление, Субурхан замолчал, и, сойдя с помоста, приблизился к Забубенному и Бури-Бoko. Похвалив багатура, которого на ногах держала только сила воли, он, подойдя на расстояние вытянутой руки к механику, проговорил, хитро ухмыльнувшись в усы:

— А ты молодец. Купец ты или дух, не знаю, но теперь мы связаны. Я оставляю тебе жизнь, а ты будешь служить мне еще лучше. Я решил, как ты мне понадобишься.

Ошарашенный поворотом событий, Григорий молча ждал, что будет дальше. А Субурхан, обернувшись к воинам, выкрикнул еще громче:

— Воины, только что Кара-чулмус поведал мне, что останется с нами до конца похода и поможет нам починить осадные башни!

Окрестности огласились дикими воплями радости. Монголы трясли копьями и вопили изо всех сил, так словно они были аргентинскими болельщиками, а Забубенный был не Забубенный, а Диего Марадонна, и он только что забил победный гол сборной Бразилии. От этих воплей у него разболелась голова. Она и так не успела, как следует зажить после удара палицей. А тут еще этот багатур поломал его шею, может, и сдвинул чего. В общем, Григорию стало плохо.

— Я в юрту пойду, — устало сообщил Забубенный стоявшему рядом Субурхану, — моя голова болеть.

Тот сделал разрешающий жест, мол, иди, а завтра я с тобой потолкую о новой жизни.

И бессмертный Кара-чулмус, под дикие радостные крики монголов, поплелся через поле к себе в юрту. Что станет с оставшимся без самого дорогого Бури-Бoko, утомленный Григорий сейчас меньше всего хотел знать. Едва он вошел в палатку, как в изнеможении рухнул на ковры и скоро заснул. Жить дозволили. Остальное потом.

На следующее утро, а Забубенный проспал весь день и еще ночь, он почувствовал себя гораздо лучше. Настолько, что решил поддержать имидж Кара-чулмуса, отремонтировав

ударными темпами осадную башню монголов, сработанную для них какими-то чжурчженьскими инженерами. Судя по всему, — китайцами. Почему он так решил и сам не знал. Наверное, где-то читал. Но вот где, как всегда не мог вспомнить. А после удара по голове и не очень старался. Вдруг от учащенных размышлений разовьется гематома. Да и слово «чжурчжени» было какое-то явно китайское. А ведь монголы на севере своей огромной страны-орды контактировали с китайцами, которые тогда так еще не назывались. А древние китайцы были гораздо культурнее язычников монголов. У них уже тогда в войске существовал целый штат доносчиков. А в мирной жизни были инженеры, способные придумывать и строить всякие полезные вещи: мосты, осадные башни, орудия пыток и здания тюрем. Вот монголы после очередного набега и вывезли нескольких умельцев из мест населенных чжурчженьской династией Кинь или соседнего тангутского государства Си-Ся, где тоже были талантливые инженеры. Но происхождение инженеров, в конечном итоге, было уже не важно, поскольку половцы так неосторожно этих инженеров сожгли вместе с юртой и секретными чертежами.

Но, Кара-чулмус обещал народу починить башню. Точнее, обещал Субурхан, но это роли не играло. А раз Кара-чулмус дает слово, — то обязательно сделает. Это любой степняк знает. Хотя ведь он сам себе голова, хозяин своего слова. Кара-чулмус слово дал, он же и обратно взял. Но Григорию уже надоело валяться без дела. От боя с Бури-Боко он отошел. Видимая опасность миновала, захотелось чем-то себя развлечь. Тот факт, что осадная башня могла быть использована монголами для взятия одного из русских городов, его сильно не беспокоил. Монголы на Русь пока не собирались. Ну, а если что, Кара-чулмус что-нибудь придумает. Даст бог, — и не дойдут.

Через холопа Бурашку, что состоял теперь при особе Кара-чулмуса в качестве кучера и мальчика для битья, Забубенный кликнул своего верного пса Плоскиню. А когда тот прибыл, велел ему притащить на широкую утопанную поляну перед юртой, все, что осталось от осадной башни. Что башня находится где-то далеко, Григорий не сомневался, ибо, сколько не осматривал окрестности, ничего выше юрты не видел, — кругом одна степь. Плоскиня, робея, подтвердил опасения Григория, — башня далеко, только к вечеру управятся, да и то, если возьмутся всем миром. Окромя своих сил, помощь самих монголов понадобится.

Степной дух-убийца милостиво соизволил подождать. Ну, а пока башню волокут, он хорошенько позавтракал и совершил конную прогулку на телеге по становищу монгольской армии. Главная цель прогулки, — осмотреть окрестности на случай провала разведывательной миссии, за время которой он так удачно сменил имидж и легенду. Надо было прикинуть пути отступления. Печалило только одно, — скорее всего, миссия черниговского отряда уже может считаться невыполнимой или даже проваленной, поскольку информация до князя своевременно не дошла, а все подполье уничтожено. Кроме самого непонятого члена подполья, предназначение которого было непонятным даже ему самому. Особенно, после победы над Бури-Боко.

Но, несмотря на терзавшие Забубенного сомнения, он решил довести дело своей новой жизни до логического конца. Ведь не спроста же он объявился именно в этом времени, став из простого механика на испытательном сроке чародеем с широкими возможностями. Пусть и потенциальными. Главное, люди верят. Неспроста познакомился и втерся в доверие к черниговским вельможам. И уж точно не случайно попал к монголам, которые теперь держали его за своего степного духа.

Главное, чтобы монголы не потребовали от Кара-чулмуса каких либо дополнительных чудес в подтверждение своего могущества. Ну, например, — вызвать дождь в самое пекло, или заставить день превратиться в ночь. Что именно должен делать по статусу Кара-чулмус Григорий Забубенный догадывался в общих чертах. Субурхан еще не объяснил. Но, раз он дух, значит, — мертвяк. Раз мертвяк и пьет кровь, значит вампир. А от вампира вряд ли потребуют вызвать дождь. В лучшем случае попросят, чтобы к лошадям не подходил, а то скотина покойников пугается. Может взбрыкнуть. Хорошо хоть не стали просить съесть окровавленное тело Бури-Боко.

Но монголы и сами не подходили к юрте, которую облюбовал на отшибе Кара-чулмус, и лошадей держали подальше. Лошадь для монгола, — это святое. Да и бродники, если бы не прямой приказ монстра-кровопийцы, давно сделали бы ноги в степь и умчались на свой Дон. Туда, где обитали по речным долинам, конкурируя с половцами, за рынки сбыта и место под солнцем. А поскольку они общались со степняками, да сами были наполовину перекачиполе, то и про существование великого и ужасного для всех степняков Кара-чулмуса по кличке Албаст были наслышаны. Только вот видеть его, до появления в ставке Субурхана гостя из далеких земель, приплывшего голышом по реке, а потом выпустившего огонь из пальцев и побившего лучшего багатура, не приходилось.

Начав объезд монгольского становища, Забубенный быстро понял, что зря он это сделал. Механик хотел было навести контакты с местным населением, пообщаться, поговорить о проблемах кочевой жизни и пенсиях для ветеранов великих походов, но натолкнулся на древние суеверия во всей красе. Где-то в глубине души он никак не мог поверить, что отлично вооруженное, мобильное и самое храброе войско для своего времени, боится прогневить какого-то непонятного Кара-чулмуса. Особенно, после его победоносного выступления на ринге. Скорее, великий механик и каратист Забубенный, ожидал сейчас увидеть восхищение или попытку взять автограф, но этого не было.

Забубенный просто не верил, что Субурхан со своим экспедиционным корпусом, преодолели безо всяких джипов, на обыкновенных лошадях небывалое расстояние в тысячи километров от района современного некогда Григорию Нерчинска до берегов Дона. Претерпели в пути голод и холод, — поскольку великий поход начинался зимой, чтобы возможно было пройти степь по снегу. Зной, ибо львиную долю пути нужно было проделать по безжизненной пустыне, где растет только карагач и кое-где, встречаются караван-сарай. И в конце этого беспримерного марш-броска на выносливость каким-то чудом неукротимые монгольские тумены вскарабкались на лошадях на высокие хребты Кавказа, разгромив по дороге грузинские войска местного царя Георгия Лашы, а спустившись вниз, без всякого отдыха, ударили половцам в тыл, снова растекшись по степи.

Нет, Забубенный не мог поверить, что эти стальные люди, считавшие трусость наследственным качеством и убивавшие весь род человека, запятнавшего себя трусостью, легко преклонялись теперь перед одним единственным чулмусом, в которого свято верили. Но это оказалось именно так. Нет, после боя, они считали его своим Кара-чулмусом, чем-то вроде местного божества, но и боялись его по привычке к суевериям. Все, кроме Субурхана с товарищами, знавшими правду и желавшими использовать его в темную для своих политических целей.

Окинув отдохнувшим взором палаточный городок монгольского воинства, и, в очередной раз, подивившись его бесконечности, Забубенный въехал на телеге в чайна-таун состоявший из юрт в надежде пообщаться с их обитателями. Но, тщетно. Едва завидев повозку Кара-чулмуса, все храбрые монгольские воины попрятались в юрты, оставив с наружи только верных коней, и, наверняка, попрощавшись с ними. Огромный лагерь, скрывавший многотысячное войско, мгновенно вымер, — весть о приближении степного духа-убийцы распространялась быстрее, чем это расстояние пролетал луч света.

В полной тишине, нарушаемой только скрипом грубо сработанных колес, ведомая хлопом Бурашкой повозка, медленно катилась по обезлюдевшему лагерю, огибая юрты. Люди здесь были в огромном количестве, но их словно и не было вовсе. Забубенный ощущал их животный страх, который передавался ему даже сквозь непроницаемые стены юрт. Люди даже дышать побаивались, когда рядом проезжал Кара-чулмус. Странное ощущение пронзило Григория. Он сейчас чувствовал себя настоящим вампиром. Казалось, еще мгновение, и действительно вопьется кому-нибудь в шею. Так он катался целый час, пока не понял, что это бесполезно. Никто с ним не будет общаться, как с человеком, кроме Субурхана. Плюсы в положении Кара-чулмуса были на лицо, но и минусы имелись существенные. Особенно, для широкой русской натуры, которая требовала общения.

— Поворачивай к черту, назад, — приказал, наконец, Забубенный, доведенный этим

массовым саботажем до депрессии. У него даже голова опять разболелась, — пока не заблудились. Там уже, наверняка, Плоския с товарищами башню притащил. Поехали, посмотрим.

Бурашка, как звали холопа, некогда упражнявшегося в избииении Забубенного, а теперь ставшего его рабом, быстро развернул повозку и направил ее в сторону юрты проживания. Доехали достаточно быстро. Но, как ни всматривался Григорий в окрестности, никакой башни не увидел. Кругом, как и раньше, колыхалась высокая трава, в которой стрекотали веселые кузнечики-жизнелюбы. Никаких признаков жизнедеятельности вождя бродников не наблюдалось. Тогда, решив, что дело оказалось не таким быстрым, Григорий даже обрадовался и пошел в юрту спать, велел себя не беспокоить. От путешествия по лагерю монголов и возникших в связи с этим депрессивных настроений, механик испытал настоящий стресс. Сейчас ему уже не хотелось чинить и строить башню вместо чжурчженей для этих диких людей. Он желал снова только одного, — поспать. Сотрясение мозгов опять дало о себе знать. Поэтому Кара-чулмус просто упал на ковер и заснул крепким сном, — другом детей и нервнобольных.

Всю ночь ему снился сосновый бор, по которому гулял ветер, а скрип сосен напоминал звуки, рождавшиеся во время шторма от раскачивания мачты корабля. Когда же, на следующее утро, великий механик раздвинул свои веки и вышел на свежий воздух проветрится, то решил, что снова перенесся в другое время или, как минимум, место. Его одинокая юрта со всех сторон была окружена частоколом каких-то огромных махин, заслонявших собою даже вечное голубое небо Тенгри. Механик из Петербурга Григорий Забубенный вдруг ощутил себя лилипутом в порту, куда одновременно зашли все корабли ударного флота Гулливера. Самой большой неожиданностью в увиденном было то, что во время переговоров с великими монголами у Забубенного сложилось впечатление, что башня была всего одна. И в подсознании почему-то поселилась приятная мысль, что она маленькая и легкая. Сейчас же, после контакта с увиденным, первым желанием великого Кара-чулмуса было спрятаться в юрту и взять свои слова обратно. Фронт работ его откровенно пугал.

Но, как говорится в старинной монгольской поговорке, назвался груздем, — полезай в кузов. Одна башня или сто, — какая разница. Главное понять принцип. А в принципе механик во всем мог разобраться. И Забубенный полез. Он нашел в себе силы не спрятаться в юрту, поборол страх первостроителя, увидевшего котлован и передумавшего строить дом, потому что тот не умещался в воображении. Вместо этого, великий механик свистнул своих верных нукеров: Плоския, Бурашку и еще троих, с которыми и отправился в первый путь. Следовало провести осмотр фронта работ.

Первое, что удалось выяснить, — башен было двенадцать. Все они были поломаны и находились «не на ходу», как это смог объяснить Плоския. Тем не менее, Плоския с помощью монгольских товарищей как-то умудрился притащить их за тридевять земель из потайного места, где их прятали посреди степи от постороннего глаза. Вот что Кара-чулмус с людьми делает. Дружба с вампиром мгновенно избавляет от лени. «Хотя, какая тут дружба, — думал Забубенный, вышагивая впереди, словно заправский прораб, и глядя в побелевшие от страха лица своей новоявленной команды помощников, — того и гляди, в обморок упадут». Хотя уже начал отдавать должное прозорливости Субурхана. Совести у бродников не было, поэтому работали они исключительно за страх. Но работали хорошо.

Начать Забубенный решил с подробного общего впечатления, а потом перейти к детальному осмотру. Ради чего пришлось вскарабкаться на ближайшую башню с целью окинуть взором окрестности и расположившийся на них фронт работ. Башня стояла на огромной платформе-основании, покоившемся на шести титанических деревянных колесах. Точнее должна была покоиться, — два соседних колеса были разрушены, а их обломанные оси сиротливо торчали наружу. Отчего вся машина сильно кренилась вбок, вызывая у Григория ассоциации с еще несуществующей Пизанской башней. Но общая масса сооружения была так велика, что Забубенный презрел опасность обрушения, — простояла же она всю ночь, — и полез внутрь. Задней стены у башни не было, а наверх вела

уступчатая, но грубо сработанная лестница с неровными ступеньками и кривой линией односторонних перил. Поднимаясь, Забубенный все время боялся насажать заноз в свои нежные пальцы механика. «Топоры что ли у этих чжурчженей затупились, недовольно ворчал себе под нос Григорий, — я был о них лучшего мнения».

Но потом механик вспомнил, что башня-то была по сути китайского производства, чего уж было от нее требовать качественной внутренней отделки, как от стен Зимнего Дворца. Это было все равно, что сравнивать автомобили разной ценовой категории. Предназначалась то башня не для загородного отдыха на природе. Вот китайцы и сработали ее дешево и сердито, ведь внутри этой башни монголы не чаи собирались распивать неторопливо, а выдерживать ответную атаку воинов, защищавших стены городов, то и дело выраставших на пути экспедиционного корпуса. А когда в тебя летят роем стрелы каленые, камни тяжелые, да льется сверху горящая смола на голову, вряд ли захочется испытать зеленого китайского чайку с конфетами «Мишка на Севере».

Когда шершавые ступеньки закончились, наконец, и Забубенный оказался на верхней площадке башни, то, сквозь оборонительные зубцы, ему открылся великолепный вид на рассветную половецкую степь, и возвышавшийся окрест действующий музей деревянного зодчества в виде дюжины осадных башен. Бесконечным ковром палаток упирался в горизонт монгольский лагерь. Солнце уже поднялось над землей и начало поджаривать ее своими беспощадными лучами. Еще не наступило самое пекло, но воздух быстро нагревался, предвещая очередной знойный день. Прикрыв сверху глаза ладонью от яркого света, Григорий окинул рассветную степь своим взором, пытаясь определить в какой стороне восток, а в какой запад. Где скрывается юг, а где лежит север. И где ему искать Русь гостеприимную, а откуда ничего кроме набегов не дождешься. Из школьной программы он знал, что солнце встает на востоке, но тогда получалось, что между ним и Русью как раз лежит весь монгольский лагерь. И все-таки классное было утро.

— Красота то какая, — проговорил Забубенный, глядя на стайку птиц летевших высоко в небе. Однако, пора было приниматься за работу.

Глава семнадцатая

«Курултай монгольских нойонов»

Получив общее впечатление, Забубенный спустился вниз тем же путем. За время осмотра у него созрел коварный план, — как начать ремонтные работы подвижного состава, чтобы монголы преисполнились еще большего благоговения перед Кара-чулмусом, и одновременно как затянуть их до бесконечности, чтобы придумать и осуществить план побега. Размышления на эту тему снова заставили Забубенного ощутить себя диверсантом в стане врага. В любом случае нужно было тянуть время, а для отвода глаз осуществлять какую-то деятельность. Уж в чем-чем, а в этом деле русские механики не знали себе равных.

Спустившись в народ, Кара-чулмус, словно заправский прораб, продолжил подробный обход, осмотрев все имевшиеся в наличии башни. Оказалось, что у большинства из них сломаны оси, на которых крепились массивные колеса. И только у двух проломлены стены со стороны, обращенной в сторону атакуемого города. Кроме проломов, на бортах этих башен виделись следы от пожара, и, ошестинившись ежиком, торчали обломанные стрелы. Видно пару раз на пути экспедиционного корпуса попались мужественные защитники городов, подпортившие монголам движимое имущество. Но, основная масса башен сломалась по дороге, — из чего профессиональный механик автосервиса Григорий Забубенный сделал вывод, что подвеска, самое слабое место тактических осадных башен китайского производства. Про отделку салона и говорить не приходилось, никакой обивки шелком там и в помине не было.

Впрочем, качество салона, на боеготовность башни не влияло. А вот отсутствие запасных колес, машин технической поддержки с инструментами и деталями, сильно осложняло дальнейшее продвижение монголов. Нет, скакать-то вперед они могли и без

башен, но вот брать города, попадавшие по пути следования, без башен было почти невозможно. «Интересно, — размышлял механик-диверсант, продолжая обход новоявленного хозяйства, — куда же это они тащат такую армаду башен? И ведь не бросят по дороге, напрягаются, тянут из последних сил. Видно, очень надо».

Сильно укрепленных городов, что невозможно было бы взять без башен, в половецких землях, которые сейчас топтали монголы, не было. Тмутаракань оставалась слева по курсу. На Руси к тому моменту и деревянное и каменное градостроительство вошло в силу: по всем княжествам насчитывалось не меньше двух сотен укрепленных замков. Но, Русь была севернее. Каменные крепости мусульман лежали позади, на востоке, а отряд Субурхана, судя по всему, двигался прямым курсом на Запад. «В Европу, что ли собрались погостить? — размышлял механик, — Там городов пруд пруди, и находится она прямо по курсу. Главное, чтобы монголам не взбрело в голову направо, на Русь повернуть. Если только Русь к ним скоро сама не придет».

Так думал Забубенный, знавший из прошлой жизни, что монголы по каким-то причинам все-таки повернули на Русь. Впервые. Но в глубине души он слабо надеялся, что теперь, с помощью Кара-чулмуса, ему удастся сдержать монголов от ненужных телодвижений, — у тех и с половцами проблем хватало, — а может быть даже направить их энергию в нужное русло. Где бы только найти это русло?

Закончив обход и собрав всю необходимую информацию к размышлению, Забубенный удалился в свою юрту, где уединился для полуденного чая, сообщив своим добровольным помощникам, что «Кара-чулмус думать будет». После чая по-восточному с капельками жира он слегка вздремнул до обеда. А, проснувшись бодрым и отдохнувшим, как настоящий вампир после принятия трех литров свежей крови, действительно стал размышлять.

Получалось, чтобы отремонтировать башни, нужно было где-то раздобыть достаточное количество деревьев и плотников с железными топорами, которые смогут это дерево обтесать до нужной кондиции. Не помешали бы титанических размеров гвозди с железными обручами для общего укрепления конструкции. И смола для промазывания швов. Конечно, хорошо бы установить эти вновь изготовленные колеса на гигантские подшипники, а оси сделать целиком из металла, но об этом Забубенный даже не мечтал. «Северная верфь» и «Балтийский завод» в Питере еще даже не планировались к постройке, а такие огромные железяки можно было бы изготовить только там. В идеале башни можно было снабдить моторами или турбинами, сделав самоходными, но современный топливный рынок оставлял желать лучшего, а «Электросила» тоже не была построена, значит, монголам еще долго придется таскать свои башни на себе.

Выйдя к помощникам, все это время ожидавшим его у входа в юрту, Кара-чулмус сообщил результаты своих размышлений, предложив провести совещание и начать высказываться по одному. Слева направо. Совет оказался довольно кратким, ибо сподвижники, несмотря на предложение высказываться всем подряд отнюдь не торопились. Проще говоря, дар речи пропал у всех, кроме Плоскини, который кое-как еще мог складывать слова, бледнея и синея от страха. Узнав о проблемах Кара-чулмуса с запчастями и строительными материалами, вожь бродников предложил следующее.

Плотников мог предоставить его народ, живший по берегам степных рек и кое-как строивший дома. Если Кара-чулмус велит, то он немедленно пошлет гонцов и, через пару дней, сюда прибудет целый отряд плотников. Соберут всех, кто умеет держать топор. Лес для строительства можно раздобыть в степи, — этому известию Кара-чулмус слегка удивился. Но оказалось, со слов Плоскини, что в степи то и дело попадаются вполне приличные островки леса, этакие лесные оазисы среди травы, а иногда и настоящие боры, где могли разместиться на отдых массы людей. Получалось, что в голую степь эти места превратили потомки русичей, спилившие шумные боры на дрова. Для сбора и доставки дров вполне подойдут половецкие пленные, под присмотром монгольских воинов. Именно так, как выяснилось, и были доставлены к юрте Кара-чулмуса осадные башни. Поскольку сами монголы ломаться не хотели. Да и зачем, когда есть пленные.

Что касается того, где можно было взять железные изделия и смолу, тут Плоскиня затруднился с ответом. Но этой информацией, по его словам, обладали сами монголы. Они много путешествуют по миру, много видели, много забрали, знают, где и сколько можно еще взять.

Похоже, настало время снова пообщаться с генералитетом монгольской армии. Кара-чулмус велел Плоскине скакать в ставку и позвать для разговора Субурхана, Джэбека и Тобчи. Всю эту неразлучную троицу. А когда тот вышел, вспомнил про рацию, которая стала тайным каналом связи между генералами и вампиром, соединив их юрты по радиоканалу. Но Плоскиня уже ускакал и на этот раз Григорий решил воспользоваться традиционными коммуникациями.

Не прошло и двадцати минут, как у юрты степного вампира послышался глухой стук сотен лошадей, от которого задрожала земля. Забубенному даже показалось, что к нему прискакала вся монгольская конница. Но, к счастью, это были всего лишь её предводители в сопровождении сотни верных нукеров.

Встречавший их переводчик Плоскиня, приподнял полог в юрту, пропуская всех в запретное обиталище Кара-чулмуса. Один за другим, все трое вошли в юрту Забубенного, расселись, разобрав привычные табуреточки.

— Ты звал нас Кара-чулмус, — проговорил вместо приветствия Субурхан, как всегда непочтительно ухмыльнувшись, — мы здесь.

Плоскиня встал рядом, чтобы обеспечивать синхронный перевод, но, едва он открыл рот, как Забубенный прервал его жестом и показал на дверь. За прошедшие дни уровень знаний монгольского языка у Кара-чулмуса значительно вырос, и он принял решение говорить сам. Кроме того, Плоскине теперь кое-чего не следовало знать. Вождь бродников повиновался и покинул юрту. Субурхан на это только кивнул одобрительно.

Забубенный, как смог, изложил монголам суть дела, — Кара-чулмус обещал помочь экспедиционному корпусу монголов в их нелегком продвижении на запад. Для этого он готов отремонтировать все башни, поскольку знает как. Но ему нужны некоторые материалы, без которых даже он не сможет починить эти оружия захвата непокорных городов. Всем генералам, — Субурхану, Джэбеку и Тобчи, — он предлагал подумать о том, где все это можно раздобыть. Речь идет о сущей безделице, — нужны гвозди, металлические обручи и хорошая смола в бочонках. Ну, еще искусные мастера с топорами, но это не обязательно.

Осознав суть вопроса, монголы нашли ответ довольно быстро. Посовещавшись, минут пять, на своем непонятном наречии, — Забубенный все же не так бегло мог еще говорить и, тем более, понимать, — они пришли к единому мнению. Оказалось, что своего сталелитейного производства монголы не имели, им было некогда строить всякие печи, нужно было кочевать и воевать. Поэтому они просто отбирали готовый и оформленный металл у покоренных народов или заставляли его делать для себя.

Ближайшими к лагерю монголов умельцами всяких железных дел были грузины и другие народы, обитавшие высоко в горах, на пути следования экспедиционного корпуса. Проходя сквозь их селения, внимательные монголы заметили это. Так что за металлическими частями, необходимыми для починки башен, можно было послать отряд на Кавказ. Грузины были недавно разгромлены и не смогут оказать сопротивления. А остальные народы вообще его оказать не смогли, поскольку до прихода монгольского экспедиционного корпуса уже были разгромлены кем-то другим. Там, в предгорьях и, если понадобится, высоко в горах, можно было раздобыть все необходимое. Но это займет некоторое время.

Предложение генштаба Кара-чулмус счел вполне разумным. Осознав вдруг, что кузниц и железа было более чем достаточно и на Руси, а путь туда был почти равен пути до Кавказских гор. И не надо было даже в горы лезть. Перебрался через Днепр, или прошел левым берегом, вот тебе и металлы. Просто монголы еще не знали об этом.

А смолу степняки предложили раздобыть простым и привычным уже Забубенному способом, — послать второй отряд вперед на Днепр, где нужно было только дожидаться

первого попавшегося купеческого каравана и ограбить его. Как сообщил Субурхан, купцы из разных стран часто возили по Днепру смолу на продажу и монгольские лазутчики об этом знали. Похоже, негласный договор между народами о том, что купцов грабить нельзя даже во время войны, при необходимости быстро забывался любой стороной.

«Возможно, — промелькнула в этот момент мысль у Забубенного, — они все же знают и о кузницах на Руси». Но, если Кавказ был уже разгромлен похода, поскольку подвернулся под горячую руку, то Русь еще не лежала на пути монголов. А тамошние кузнецы, — народ прижимистый. Никакой товар за просто так не отдадут. Монголы же, понятное дело, платить за него не собирались. Везде привыкли на халяву, сначала побьют, а потом забирают все. Но, тогда придется биться. А зачем платить новыми жизнями за то, что можно было взять без боя. Видимо, так и размышлял Субурхан.

Подытожив все резоны, Субурхан решил так. Плоския сегодня же посылает гонцов в родные земли за мастерами, которые должны появиться здесь через пару-тройку дней.

За это время военнопленные, состоящие в основном из плененных в первых боях половцев, под присмотром монгольских карателей, отправляются в степь искать лес. Находят его, выводят подчистую и привозят к юрте Кара-чулмуса, где организуют временный склад открытого хранения древесины. Сколько это займет времени, сказать было трудно, но предполагалось также уложиться в несколько дней. Вполне вероятно, что до возвращения артели бродников-мастеров с топорами пленные половцы успеют натаскать дров к юрте Кара-чулмуса, тем более, что их нужно было не очень много. Только для изготовления осей, нескольких колес неизвестного диаметра и залатать пару дырок на башнях, уже побывавших в переделках. Это предприятие решено было поручить Тобчию, как большому любителю руководить пленными.

В горную экспедицию Субурхан предполагал отправить тысячу всадников во главе со стрелком Джэбеком. Этого количества людей вкупе с талантом великого стрелка Джэбеку должно было хватить для успешного выполнения задачи. Вряд ли им придется столкнуться с организованным сопротивлением горцев, но если такое случится, степняки разобьют любого, кто встанет у них на пути. В войске монголов существовала жесткая дисциплина и круговая порука. За проступок одного убивали десятерых, за проступок десяти, — не задумываясь, убивали сотню человек. Поэтому сто монголов бились в бою как тысяча воинов из любого другого народа. Джэбеку не раз приходилось участвовать и в более опасных походах даже с меньшим количеством людей, и он всегда выходил из них победителем. Его боевой клич гласил «Только вперед!» Именно так перевел Забубенный резкий крик, который великий стрелок, до той поры сидевший спокойно, вдруг выдал в эфир.

Сам Джэбек после этого низко поклонился Субурхану, подтвердив всем своим бледным, но гордым видом, что не посрамит в этом походе чести монгольского всадника. А если его рука дрогнет, посылая меткие стрелы во врага, то пусть его кровь выпьет Албаст. Сам и. о Албаста, сидевший напротив стрелка, только поморщился от этой мысли.

— Металлические части и все, что попадется под руку из металла, будут доставлены вовремя, — заверил Кара-чулмуса главный монгольский военачальник Субурхан, — в этом я не сомневаюсь.

Основную задержку в планах производства ремонта представляла экспедиция на Днепр с целью экспроприации смолы. Путь туда мог занять, как выяснилось из слов Субурхана, несколько дней в один конец. Скорость передвижения монгольских туменов по степи составляла около двадцати пяти километров в день, это Забубенный знал сам. Вспомнилось вдруг. Каждый всадник обычно вел с собой три, а то и четыре лошади, необходимые для передвижения, перевозки еды, оружия и стенобитных орудий. Даже если учесть, что поход предполагался недолгий, и половину лошадей с поклажей можно было оставить в лагере, все равно до Днепра на глаз выходило никак не больше трехсот, может трехсот пятидесяти километров.

Это значит, что Русь была практически рядом. Даже пешком можно было дойти, если бы была сейчас безопасная возможность путешествовать по степи пешком. Но, увы, такой

возможности одинокому безоружному путнику в этой жизни, да еще в это время, не представлялось. Такой путь мог его привести только к двум одинаково плачевным результатам, — к смерти через убийство, или в рабство. Во время войны между монголами и половцами по местным землям следовало передвигаться только вооруженными группами. Только тогда, даже в случае нападения, кто-нибудь мог остаться в живых. А лучше было плыть по реке, шансов больше.

Забубенный снова подумал о том, выжил ли кто-нибудь после нападения монголов на отряд Путяты. Судя по их героическому сопротивлению, кто-то ушел от монгольских конников. Одним из них был Куря, это было понятно. Брат-купец избежал и смерти и плена. Не зря его так «нахваливал» Тобчи. Ну, а раз Куря жив, то и еще кто-нибудь наверняка утек. «Ладно, — решил Забубенный, — надо действовать».

Поскольку операция предстояла опасная, Субурхан решил отправить туда Буратая — самого толкового из новых темников, с парой тысяч воинов. Для организации засады и доставки смолы к лагерю это будет вполне достаточно. Даже более чем. В войске есть проводники из пленных половцев и союзных бродников, так что место для засады будет выбрано наилучшим образом. Если все сложится удачно, и купеческий караван появится на Днепре быстро, то победоносный набег пройдет, как и задумано. Буратай с отрядом и обозом, груженным захваченной смолой вернется назад через неделю.

Остальные войска останутся в лагере, под временным руководством Тобчи, который будет управлять операцией «Лес в степи» и одновременно поддерживать порядок в становище монголов.

— С этими двумя делами он справится отлично, он опытный воин, — снова уверил Кара-чулмуса монгольский голова Субурхан.

И тут настал черед Субурхана, Джэбека и Тобчи удивляться, — Кара-чулмус вдруг произнес свое предложение. Он хочет, чтобы монголам сопутствовала удача, и поэтому должен сам отправиться в поход за смолой вместе в Буратаем.

На самом деле Забубенный никакой удачи монголам не желал, просто не мог не воспользоваться такой замечательной возможностью сбежать, которую придумал за него сам начальник монгольского корпуса. Ведь он предложил идти на Днепр. И, хотя и неизвестно в каком месте Буратай собирался напасть на караван купцов, но в любом случае по этой реке можно было добраться на Русь. А заодно и избавиться от необходимости чинить эти дурацкие башни. Кроме того, ведь могло случиться и так, что караван со смолой окажется из русских земель. Допустить расстрела русского каравана монгольскими нукерами Забубенный никак не мог. А тем более для добычи смолы, необходимой для строительства осадных башен, которые еще неизвестно для взятия каких городов понадобятся.

Помимо этого великий механик Забубенный имел еще одно стратегическое соображение. Он не знал, сколько в точности воинов было в монгольском воинстве, а спросить напрямую не решался, хотя и был Албастом. Разослав сейчас в разные стороны несколько крупных отрядов, диверсант Забубенный в тайне надеялся ослабить основные силы монголов, на тот случай если возможное нападение русских полков состоится в его отсутствие. Уж если битва все-таки будет, то ее должны выиграть наши. В этом Григорий был абсолютно уверен, хотя всплывавшие в памяти разрозненные исторические данные говорили ему о другом, вселяя сомнения.

— Ты хочешь ехать с Буратаем? — переспросил Субурхан, словно проверяя, правильно ли он понял корявое произношение великого механика, и усмехнулся, — Думаешь, без тебя мы не справимся?

— Нет, — сказал Забубенный, — Но, думаю, что со мной справитесь быстрее. Авось, на что-нибудь пригожусь. Я ведь все-таки местный дух.

— Ну, что же, если Албаст повелеет, — усмехнулся Субурхан, — то воины Буратая будут готовы вступить на Днепр сегодня же.

Забубенный призадумался. Не торопясь, прислушался к своему внутреннему голосу.

— Нет, — ответил, после непродолжительного молчания, Кара-чулмус, утомленный

сегодняшними событиями и неожиданными поворотами, — Если великий Субурхан не против, поедем завтра. Сразу после утреннего чая с лепешками.

Теперь призадумался монгольский военачальник, но, видимо, решил, что полдня погоды не сделают. Кивнул, проявив непривычную мягкость. На что Григорий в душе и не надеялся.

— Хорошо, выступаем завтра. Умеешь ездить на коне?

— Ваши кони боятся духов, — напомнил Забубенный, — мне по статусу повозка подойдет больше.

— На повозке уйдет больше времени, — сказал вслух Субурхан, как бы размышляя сам с собою, — Но, ты прав. Зато, воины будут все время тебя видеть. Это тоже хорошо.

Главный монгол встал, завершив курултай монгольских нойонов, что Забубенный для себя переводил как «сходняк крутых чуваков».

— Прощай. Вели своим рабам подготовить все к походу. На рассвете ты выступаешь на Днепр с Буратаем.

И с этими словами генералитет покинул юрту Кара-чулмуса. Снаружи раздалось несколько командных криков, ответом на которые послужил многочисленный конский топот. Озадаченные новыми делами многоопытные Субурхан, Джэбек и Тобчи ускакали отдавать распоряжения. Следовало за один вечер отобрать и подготовить к походу несколько тысяч конников. Но, для кочевых народов, а тем более для монголов, которые могли легко уйти в поход на пару лет, преодолеть по пути тысячи километров и взять сходу сотни городов, предстоящие операции были не более чем рядовыми.

Когда монгольские генералы удалились, Забубенный кликнул переводчика, дежурившего снаружи у юрты, и приказал:

— Плоския, приготовь завтра к утру мою походную повозку. Чтобы там все было по высшему разряду, — меха нормальные, еда и найди выпить чего-нибудь. Да и сам со мной, вместо кучера поедешь. Переводить то надо кому-то. А то нам с Буратаем каким-то многое надо будет обсудить по дороге, а я еще не все глаголы выучил.

Вождь бродников, молча поклонился.

— Все будет исполнено, повелитель.

— Отлично, — кивнул Кара-чулмус, — не забудь только гонцов отослать к себе на историческую родину. Да скажи им, чтоб не торопились, мастеров получше искали, да самых толковых. У вас там толковые мастера-то есть? Ну, резчики по дереву, такие чтобы с топорами виртуозно управляться могли?

— Да, топор дело привычное, — ответил задумчиво Плоския, — разбойников у нас много.

— А чтобы церковь без единого гвоздя могли поставить? — уточнил Забубенный и спохватился, — да что я говорю, какая церковь, вы же язычники. Ну, так есть нормальные мастера-то, гениальные плотники?

— Да поищем, — как-то неуверенно пробормотал Плоския.

Чувствовалось, что с настоящими плотниками будут проблемы.

— Сдается мне, — произнес вслух свои сомнения Забубенный, — что, хреновые из бродников плотники. Ладно, иди уже, камердинер, распоряжения отдавай своим холопам. А Кара-чулмус спать будет. Устал что-то сегодня, а завтра будет великий день, в поход отправляемся. Надо выспаться. Силы восстановить.

И глядя, как Плоския медленно выходит из юрты, задумчиво приподнимая полог, будто слова Кара-чулмуса показались ему снова какими-то странными, не соответствующими образу степняка-вампира, Забубенный добавил:

— А том мои медные когти джезтырнак растут медленно, железа в организме не хватает, понимаешь. Вот кровь свежая постоянно и требуется.

Плоскиню как ветром сдуло. Великий механик усмехнулся и лег спать. Сил он сегодня действительно потратил не мало. А впереди его ждал первый совместный поход с монголами.

Глава восемнадцатая «Кара-чулмус идет в поход»

Ночь он провел спокойно, без сновидений. А утром, едва выйдя из юрты, увидел такое, что от неожиданности почувствовал себя хоббитом на съемках фильма «Властелин Колец». Прямо перед его юртой, выстроившись в ряд, молча стояло бесчисленное монгольское войско. Тысячи коней, образовав строй от одного края степи до другого, переступали с ноги на ногу, осторожно пофыркивая, словно боясь потревожить спящий дух степняка-вампира. Оседлав этих коней, возвышались над ними тысячи всадников, показавшиеся Забубенному сначала восковыми куклами, поскольку ни один мускул не двигался на их лицах. И только присмотревшись, он все же догадался, что они живые, но замученные уставом.

Григорий даже вздрогнул от неожиданности, решив, что Субурхан хочет снова послать его на смертельное испытание через бой с очередным багатуром. Но, на сей раз, перед стройными рядами конницы стояла его походная повозка, запряженная двумя лошадьми и укомплектованная всем необходимым. Рядом стоял верный переводчик Плоския.

Желанию рассмотреть лица воинов сильно мешали их доспехи, изучая которые Забубенный вообще решил, что историки плохо доносили до людей из современного ему народа состояние древнего искусства изготовления доспехов в восточных степях. Про несчастных крестоносцев, носивших на головах железные ведра и не мывшихся по два месяца, писали много и картинки рисовали. А вот про монгольских всадников сообщалось крайне мало. В лучшем случае им приписывали кожаную тужурку и шапку. Теперь же, стоя перед строем этих товарищей, красовавшихся на своих скакунах перед Кара-чулмусом в лучах рассветного солнца, Забубенный своими глазами увидел, что модельеры, одевавшие этих воинов были на голову выше всяких там Зайцевых и Юдашкиных, не говоря уже об иностранных Жанах-Полях и Пьерах-Карданах.

Первые десять рядов кочевого войска были представлены тяжело вооруженными конниками, доспехи которых были выполнены с особенной тщательностью. Прочный, из толстого металла, куполообразный шлем с островерхим флажком боевой принадлежности крепко сидел на голове. Шея закрывалась плотной кольчугой ниспадавшей на плечи, прикрывавшей ее от стрел и даже косых ударов копья и меча. Мощные наплечники из пластин листовой стали, аккуратно подогнанных одна к другой закрывали руки воина от плеча до локтя, а ниже виднелись нарукавники, похожие на древние бухгалтерские, только металлические. Торс монгольского тяжеловооруженного всадника был опоясан крупными пластинами, закрепленными на мелкой кольчуге. Такой панцирь мог выдержать прямое попадание копья любого крестоносца, сохранив жизнь монгольскому воину.

Кроме защитной функции, все эти металлические пластины служили местом приложения творческих сил мастеров по доспехам. В состав доспехов, кроме пластин и кольчуги, входила разноцветная кожа, от чего в целом они смотрелись довольно модно, — в красно-серебристых и красно-коричневых тонах. У многих воинов на груди и плечах были выгравированы различные непонятные надписи, символы, изображения солнца и луны, зверей и птиц. Судя по всему, это были либо боевые девизы воинов, либо заклятия и обереги, помогавшие победить врага. Забубенный присмотрелся к этим надписям и по общему смыслу рисунков попытался идентифицировать увиденное. Получалось разное. Основная масса девизов звучала так: «Ягуар побеждает змею», «Сокол терзает собаку», «Свинья топчет грязь». Но попадались и более странные надписи, вызывавшие у Забубенного сомнения в правильности трактовки изобразительных образов древнемонгольских гравиров: «Меня ничем не остановишь», «Кто не спрятался, — я не виноват» и «Сейчас поближе подойдем». А последнюю надпись из увиденного, Григорий, несколько поколебавшись, перевел как: «Не забуду мать родную». Хотя, на счет ягуара мог и ошибиться. Вдруг они в Монголии не водятся?

Все, что находилось у монголов ниже пояса, то есть, лошадь, прикрывалось добротной склепанной юбкой из тех же металлических пластин, подогнанных очень аккуратно, одна к одной. Бронеюбка начиналась от нижнего края панциря, то есть почти от бедра, и заканчивалась где-то чуть ниже колена всадника. Под коленом виднелись кожаные сапоги типа «казаки» с металлическими носами, призванными разить пешего врага в глаз.

Вся эта конструкция, таким образом, защищала добрую половину лошади, плавно перетекая в бронепопону. Забубенный оценил гениальность монгольских модельеров по доспехам. Делать металлические штаны было бы не удобно, молний еще не придумали, а скакать в них по степи было бы жарко, да и все остальное делать на ходу тоже трудновато. Ну а ходить, — так просто тяжело.

Нижняя часть монгольского организма, то есть лошадь, без симбиоза с которой никто во всем обширном монгольском улусе уже давно не считал себя человеком, была охраняема от стрел и копий также мастерски сделанной попоной из бронепластин. Шея благородного животного была наглухо закрыта панцирем с заклепками, способным выдержать удар боевого топора пьяного викинга. И даже берсерка. А берсерки, — это, как известно, — самые пьяные викинги, которые ходят в бой даже без доспехов. И не потому, что забывают их надеть спьяну, а потому что им, — море по колено.

Хотя, если судить по историческим хроникам, и медицинским толкованиям этих хроник, берсерков скорее можно отнести к наркоманам. Поскольку они шли в бой не столько пьяными, сколько объевшимися мухоморов или обпившимися отваром из грибов. А, получив такой приход, отволтузишь за милую душу хоть целый полк храбрых, но трезвых вражеских воинов, да еще сдуру сам останешься жив. Правда, мало кто из историков писал о том, что происходило с берсерками после битвы. А это тоже заслуживало внимания, ведь как только ослабевало действие грибов, у бесстрашного викинга начинались ломки, и он впадал в длительное депрессивное состояние. Пока боевые друзья снова не кормили его грибами и не вели на очередную битву. Так и проходила жизнь бесстрашных берсерков. Яркая, полная бредовых фантазий, но не долгая в силу опасной профессии. Так они и воевали, пока не попадали в рай для викингов, где их ждали бескрайние поля мухоморов.

По художественной части о лошади монгольские граверы позаботились не меньше, чем о человеке. Все пластины были испещрены какими-то мелкими рисунками, но Забубенный даже не стал приглядываться, — неизвестно в какие дебри могли завести его эти странные лингвистические опыты. Тем более на животных. Толковать пентаграммы, все же не английский язык учить, — тут мозг нужен. А он сейчас у Григория был ушиблен и находился на естественном лечении. В глаза же монгольским лошадям, прикрытые налобной пластиной с двумя аккуратными широкими прорезями, Забубенный вообще смотреть опасался. Вдруг лошадь признает в механике человека и перестанет бояться? Или просто укусит? Тогда все, провал. Конец новой легенде, которая только-только начинала приносить свои судьбоносные плоды.

Забубенный сделал несколько нетвердых шагов к строю конных солдат, впереди которых восседал на своем скакуне сам темник Буратай, — монгол с длинной бородой. Нужно было что-то сделать или сказать, пауза затянулась. Но Григорий все не мог найти нужных слов. Не каждый день бывает необходимо спозаранку вдохновить на дело толпу монгольских конников. Забубенный даже пожалел в сердцах, что не дочитал он в свое время книгу Эндрю Карнеги «Как вырабатывать уверенность в себе и влиять на монголов, выступая публично».

Григорий молчал. Монгольское воинство, закованное в тяжелые доспехи, медлительно колыхалось, словно бескрайнее темное море с яркими островками, — флажками на концах копий и островерхих шлемов. «Малоприятные чувства возникают, наверное, — опять отвлекся на посторонние мысли Кара-чулмус, — когда на тебя прет такая лавина. А точнее лава». Ведь именно этот способ, — растекаться лавой, охватывая врага со всех сторон в клещи, — потом переняли у монгольской конницы отечественные казаки.

Еще раз, окинув взором всю эту бронемахину, Забубенный неожиданно для себя вдруг

громко сказал, не сумев остановить вырвавшийся на волю крик души:

— Эх, пулемет бы сейчас с бронебойными патронами, — и мечтательно добавил, — ох я бы вам устроил Куликовскую битву!

Плоския хоть и стоял недалеко, то ли не уловил смысла в словах Кара-чулмуса, то ли благоразумно решил не переводить это восклицание монголам. На всякий случай, чтобы успокоить верного переводчика, Забубенный изобразил довольное выражение на лице и, подойдя к своей телеге, повалился в нее, устраиваясь поудобнее на подушках. А, устроившись, коротко, по-хозяйски махнул рукой в ту сторону, где по его представлениям должен был находиться Днепр, и произнес:

— Алга!

Монголы восторжествовали, пришли в движение. Буратай подъехал к повозке великого механика, и что-то коротко сказал Плоскине.

— Он велел построиться в походный порядок и отправить вперед воинов на разведку, — перевел приказ монгольского военачальника Плоския.

Григорий кивнул, мол, правильно, что перевел, сами то мы не местные. Не все понимаем. Буратай же еще что-то добавил.

— Отряд Джэбек выступил в поход еще ночью. Зато они успеют вернуться быстрее намеченного, — снова перевел Плоския.

Видимо, сообщив все, что хотел, Буратай ускорился вперед. А Забубенный взглянул на столпившихся рядом с повозкой всадников, опять махнул рукой и повторил:

— Алга!

Что по его понятиям должно было означать по-монгольски «ОК и вперед!». Плоския, видимо так понял это выражение сам, так и перевел. Хлестнув с оттягом лошадей, верный переводчик тронул повозку вперед. Сдвинувшиеся со своих мест монгольские ряды стерли наблюдавший перед тем на поле стройный порядок. Но вскоре выстроились в новый, вокруг повозки. Как оказалось, походный строй означал передвижение орды монгольских всадников вперед с одновременной защитой своего центра, которым был Кара-чулмус и ехавший немного впереди Буратай.

«Да, под такой охраной нападение киллеров нам не грозит, — вяло подумал Забубенный, — Но и сбежать трудновато будет. Народу кругом многовато. Нет возможности уединиться».

Конвой медленно огибал пределы лагеря. Юрты, одна за другой, тянулись нескончаемой вереницей. «Сколько же здесь все-таки народу собралось, — опять озадачился Григорий шпионскими мыслями, — как бы разузнать подробнее. Юрты что ли пересчитать. Или коней?». Но затем его мысли опять приняли созерцательно направление, — он засмотрелся на передвигавшихся какой-то странно ровной толпой монголов.

В плане передвижения монголы были действительно странным народом. Скорее всего, они были прообразами будущих автомобилистов. Забубенный ни разу не видел, ни одного монгола ходившим по земле, — они либо сидели в юртах, либо скакали на конях, срастаясь с ними словно кентавры. А когда в силу обстоятельств, даже недолгое время обходились без коней, то держали рядом с собой хотя бы седла, чтобы вспоминать о своих любимцах.

Вскоре юрты закончились, и потянулась открытая степь, поросшая высокой травой, на сколько хватало глаз. Точнее, насколько позволяла видеть природу монгольская конница, закрывавшая от взгляда механика-исследователя добрую половину окружавшей его красоты. Тем не менее, Забубенный все же вертел головой по сторонам, пытаясь найти хоть какие-нибудь ориентиры, — приметный холмик или одинокую березку, — что могут ему пригодиться впоследствии. Позволят разыскать в степи путь до монгольского становища, если вдруг придется возвращаться сюда не одному, а с группой вооруженных товарищей. Вместе с тем, глядя на бескрайние поля, Григорий вдруг ощутил, что с его подачи началась репетиция «Великого западного похода». Который на самом деле состоится чуть позже и будет описан массой историков. Хотя, даже сами монголы, скакавшие вокруг него на конях, еще об этом не знали.

«Великий западный поход» охватил огромные территории. Забубенный, размышляя сам с собой, не единожды удивлялся целеустремленности, или даже упертости, древних монголов. Ведь они притащились из района современной Монголии на лошадях через безжизненные пустыни на Русь, — а это тысячи километров, — только ради того, чтобы отомстить. Наказать русских князей, что по их понятиям совершили непростительное преступление, — обман доверившегося. Нарушили «Великую Ясу» Чингисхана. Хотя, Забубенный не понимал до конца, что такого особенного они натворили. Ну, посадили монгольских послов без долгих разговоров на кол, ну и что? В те времена на кол сажали почти всех. Это было обыденным занятием. Даже колов не хватало. И никто не обижался. А эти обиделись. Да так, что пожгли потом пол Руси, да еще пол Европы, на всякий случай.

Первопричиной всего были эти несчастные половцы, которые далеко-далеко в степях что-то не поделили с монголами. А поскольку и те, и другие обладали мобильными конными группировками, то и гонялись друг за другом, не взирая на призрачные границы государств, окружавших их бурлящий кочевой мир. Да так гонялись, что со временем монголы загнали половцев аж в Венгрию, а под раздачу попали все государства, что имели неосторожность образоваться на пути этой бешеной скачки: Киевская Русь, Венгрия, Польша и Чехия. Венграм с поляками не помогла и поддержка крестоносцев, присланных Папой Римским. А битва татар с чехами, это вообще было что-то ужасное, не в хоккей играли.

Дальнейшему продвижению немногочисленного монгольского экспедиционного корпуса под чутким руководством Батыя на Запад помешали политические потрясения в ставке Великого Хана, который неожиданно скончался. Предстояли перевыборы. И Батыю, как потенциальному участнику, нужно было немедленно возвращаться с войском, тем более, что дело было сделано. Проклятые половцы окончательно разбиты, рассеяны и загнаны в Венгрию, во главе со своим ханом Котяном, где ими занялись уже местные магнаты. Дальнейшая судьба половцев, как самостийного народа, была печальна.

Вспоминая про венгров, которых параллельно прозывали мадьярами, Забубенный подумал о том, что эти ребята в древности, то есть там, где он сейчас находился, были довольно многочисленным народом. И жили не только в современных ему границах Венгрии на Дунае, а гораздо шире. Причем, часть венгров, вперемешку с черными болгарами обитала на узкой полоске степей вдоль берегов Азовского моря от Дона до Днепра, гранича на северо-востоке своих мест обитания с половцами, а на северо-западе с Русью. То есть сейчас, когда Забубенный репетировал «Великий Западный поход за смолой», они обретались неподалеку от монгольского лагеря и, возможно, уже встречались с монголами. Григорий захотел было спросить об этом у Буратая через верного переводчика Плоскиню, чтобы прояснить ситуацию, но передумал. Спросить пришлось о другом.

Находясь в пути уже больше половины дня к обеду отряд Буратая, состоявший из двух тысяч конных воинов, приблизился к какой-то речке и сходу стал ее форсировать. Видимо, посланные вперед разведчики с местными добровольными проводниками уже разведали, где находится брод, и сообщили командованию. Судя по небольшой ширине реки и ее не очень крутым берегам, это был еще не Днепр. С момента выступления из лагеря монгольские конники прошли еще совсем небольшое расстояние, даже по понятиям Забубенного, не говоря уже про самих монголов, которым и сто верст не гак.

Когда половина отряда была уже на том берегу, дошла очередь до повозки Карачулмуса. Плоския хлестнул лошадей и начал переезжать речку вброд, утопив колеса по самые оси в воде. Григорий тем временем пригляделся к неизвестной речке. Что-то в ней привлекло его внимание. Речка была так себе, не широкая слишком, не глубокая, течение среднее. Таких тысячи текут в разные стороны по всей необъятной Руси и чуть меньше по степям половецким. По берегам ее росли невысокие деревца, местами образуя тенистые рощицы, закрывавшие вид с воды, так что не возможно было понять, что там за ними дальше, снова степь или леса уже начинаются. Из самых волн островками торчали камыши. В общем, — речка как речка. Но что-то с ней все же было не так. Или механику только казалось. Текла она довольно прямо, но если бросить взгляд вдоль реки и чуть назад, там она

делала большой поворот и терялась за деревьями, что росли у подножия высокого холма.

— Слушай, брат Пlosкия, — нарушил молчание Кара-чулмус, — а что это за речка?

Вождь бродников, которому полагалось знать все окрестные мели и броды, ответил не задумываясь.

— Мы зовем ее по-своему, а половцы с русичами Калкой кличут.

Забубенный едва не выпал из повозки, которая наехала на подводный камень, отчего весь корпус ее сильно тряхнуло.

— Калка, говоришь, — кивнул Кара-чулмус задумчиво, и ответил, как бы сам себе, — Где-то я уже это название слышал. Только где?

Он еще несколько раз напрягал ушибленные извилины, но никак не смог вспомнить. Что-то вертелось все время в голове. Что-то важное для его судьбы и, возможно касающееся других людей, но на поверхность сознания никак не всплывало. «Ничего, решил свои сомнения Григорий, если важное, то рано или поздно всплывет».

Преодолев речку вброд, монгольский отряд, представлявший собой целое небольшое мобильное войско втянулся в степные просторы на другом берегу и устремился дальше к своей цели, — Днепру. Местность за Калкой стала больше походить на лесостепь. Перемежаясь, друг за другом потекли открытые пространства, пустота которых нарушалась то и дело возникавшими на пути рощицами. По всему было видно, что эти места гораздо чаще видят дожди, да и находились они уже в огромной долине, прилегавшей к такой большой водной артерии, как Днепр.

Солнце уже давно прошло свою верхнюю точку на небе, начав неторопливый путь вниз. И Забубенный вдруг вспомнил о естественных потребностях своего, несмотря на уверенность в этом монголов, отнюдь не вампирского организма. Проще говоря, он, отвлекшись от созерцания живописных окрестностей, которые уже порядком поднадоели, захотел есть. Более того, в нем проснулся страшный голод.

Повинуясь своим инстинктам, Забубенный-Кара-чулмус велел Пlosкине остановить отряд и сообщить Буратаю, что хочет есть. Переводчик так и сделал. Кликнув ближайшего к повозке всадника, он передал ему приказание Кара-чулмуса. Тот, не удержавшись, с ужасом в глазах покосился на сидевшего в повозке, и ускакал вперед, догонять Буратаю. Не прошло и пяти минут, как вся эта людская масса, быстро передвигавшаяся по направлению к Днепру, остановилась, словно по мановению волшебной палочки.

А Буратай сам подъехал к повозке и, наклонившись, поинтересовался, кровь скольких всадников из его отряда он желает выпить. Добавив, что всадники будут немедленно к нему присланы вместе с лошадьми, разумеется. Забубенный чуть не захлебнулся собственной слюной от такого предложения.

Справившись с собой, Григорий, напустил устрашающий вид, как обязывало положение, сообщив командиру монгольского отряда, что ему вполне хватит на обед запеченной крови какого-нибудь кабана, зайца или на худой конец птички.

Буратай тут же необходимые приказания отдал. И уже через полчаса в степи, рядом с небольшой рощицей, была разбита стоянка. Центром временного становища была юрта Кара-чулмуса, перед которой скоро запылал костер. Остальные немногочисленные походные юрты, довольно большие с виду, монголы установили на почтительном расстоянии, чтобы не тревожить уставший дух Кара-чулмуса. Поначалу, Забубенный даже принял их за караван-сарай, где могло уместиться много воинов. Но, судя по всему, эти три юрты предназначались только для боссов и знатных воинов экспедиционного корпуса, остальные монголы в недалеком походе по привычке спали просто на земле, положив под голову потное седло. И действительно, зачем таскать с собой юрты в недельный поход? А раскладушек, и других походных прибабасов, тогда еще не придумали.

Монголы — хорошие охотники. Были бы плохие, давно бы умерли с голода. Подтверждение этому Забубенный получил быстро. Уже через двадцать минут Пlosкия жарил на костре двух зайцев и трех жирных птиц, отдаленно напоминавших перепелов. Хотя за их название и видовую принадлежность Григорий бы не поручился. Но ему было все

равно. Главное, что они были жирные и вкусные. Всю эту свежестреленную живность к юрте Кара-чулмуса принесли три монгольских всадника, внезапно появившиеся из степи, словно тени. Они осторожно сложили охотничьи трофеи у костра и попросили прощения за то, что не смогли найти кабана. Каждый из них за это готов был предложить на обед Кара-чулмусу себя. Но вампир, не долго думая, отказался.

— Спасибо, ребята, — поблагодарил их Забубенный за работу, — мне и птичек на сегодня достаточно. Плоския, проводи товарищей. Устал я что-то. Отдохнуть хочу.

Монголы ускакали, вознося молитвы своим степным богам за спасение, но сильно удивленные тем, как ест Кара-чулмус. Ведь они были абсолютно уверены, что всем известный степняк-вампир питается только свежей кровью путников, заснувших у одинокого костра в широкой степи. И были несказанно удивлены, когда выяснилось, что Албаст за милую душу потребляет не только кровь, но и мясо, а в редких случаях даже кумыс. Хотя, с другой стороны чего тут удивляться, — выпил кровь, чего мясу то пропадать. Ускавав в свою степь, монгольские воины расположились на отдых под открытым небом, в полголоса обсуждая поведение Албаста. Костров не разводили, перекусили холодными сублиматами и спать. А то вдруг Кара-чулмус не насытится птицей с зайцами, и захочет съесть пару монгольских воинов.

Глава девятнадцатая «Кара-чулмус и венгры»

К счастью опасения простых монгольских воинов оказались напрасными. За минувшую ночь Кара-чулмус никого не съел. Видимо, оказалось вполне достаточно настрелянных зайцев и птицы. Что сильно удивило монгольское воинство, которое ожидало увидеть поутру в степи массу растерзанных трупов без единой кровинки. Все это несколько успокоило солдат, и по лагерю даже поползли слухи, что Албаст ест не всех, кого захочет, а только «неправильных» монголов, отступников. Тех, кто не строго следует закону Великой «Ясы» Чингисхана.

Первый закон степи «Яса», — карала смертью за убийство, блуд мужчины и неверность жены, кражу, грабеж, скупку краденного, чародейство, направленное во вред ближнему, трехкратное банкротство, то есть невозвращение долга, и невозвращение оружия, случайно утерянного владельцем в походе или в бою. Также наказывался тот, кто отказал путнику в воде или пище. Неоказание помощи боевому товарищу приравнивалось к самым тяжелым преступлениям.

Кроме того, «Яса» воспрещала, кому бы то ни было, есть в присутствии другого, не разделяя с ним пищу. В общей трапезе ни один, не должен был есть более другого. Как минимум в этом Забубенный, как русский человек, поддерживал «Ясу». Русичи всегда ели сообща и делились едой с теми, у кого ее было меньше или вообще не было. Особенно в походе. Чего не делали европейские вельможные воины. Там солдаты должны были добывать себе еду сами, или голодать. Руководство это сильно не беспокоило.

Если бы Забубенный знал о мыслях, бродивших в стане монгольского воинства этим утром, то лишний раз убедился бы в том, что без тайной деятельности Субурхана тут не обошлось. Его легенда заработала в полную силу, принося свои плоды. Ибо слухи просто так, да еще такого политического свойства, не рождаются. Тут на лицо была пи-ар-акция с использованием псевдовампира в темную. Но, Забубенный об этом не узнал. Он отлично наелся на ночь, и, несмотря на это, так же отлично выспался. Ну а монгольские конники вообще вставали ни, свет ни заря.

Поэтому едва Албаст вышел на свет, чтобы посетить отхожие места, как увидел, что невдалеке уже выстроилась и ждет дальнейшего продвижения на Запад монгольская конница. Григорию даже жалко стало ребят задерживать. Пришлось поторапливаться. Уж слишком сильно они за смолой спешили. Механик вернулся в юрту, наскоро оделся и вышел.

За это время Плоския как раз запряг коней и поправил подушки в походной телеге

Кара-чулмуса. Пополнил припасы остатками копченого вчерашнего мяса, необходимые для трапезы во время движения, то есть для перекуса. Пить вино, припасенное в дорогу верным переводчиком, Григорий позволил себе только в юрте, а прямо на ходу, как во время «работы» купцом вместе с братом Курей, не решался. Некровососущего Албаста монголы может, еще и потерпят какое-то время, но вот пьяный вампир точно вызовет у них подозрение.

Сделав все необходимое, Григорий погрузился в телегу и по привычке махнул монголам рукой:

— Алга!

Двухтысячный отряд тронулся вслед за Кара-чулмусом, как и вчера, частично выстроившись плотными рядами вокруг его телеги. Остальные воины разделилась на два отряда, — авангард, усакавший вперед под руководством одного из подручных Буратай, и арьергард, вставший стеной на случай атаки с тыла на телегу Кара-чулмуса. Хотя, немного поразмыслив над этим, сам Кара-чулмус решил, что его особенно не зачем охранять, ведь он же по местным поверьям бессмертный дух и сам представляет опасность. Наверное, монголы сгрудились вокруг его телеги с противоположной целью, — чтобы в случае нападения врагов получить защиту от него.

Эта мысль понравилась Забубенному. Потешила его самолюбие. Не каждый день можно почувствовать себя талисманом целой армии. Вот только что делать, если нападение состоится, а талисман не заработает во время. Но об этом он старался не думать, вспомнив очередной совет из недочитанной книги «Как вырабатывать уверенность в себе и влиять на монголов, выступая публично».

А утренняя степь была прекрасна. Едва отряд покинул место ночевки, где нос Забубенного еще щекотали смешанные запахи конского пота, дыма костра и копченого мяса, как он ощутил совсем иные запахи. Мощной волной благоухали травы, вязкий аромат которых, смешанный из сотен запахов, висел над степью, словно тяжелое покрывало. Слабый ветерок не столько разгонял эти ароматы, сколько перемешивал, рождая все новые и новые сочетания, словно заправский парфюмер. В эти минуты романтически настроенному Забубенному показалось, что он просто механик на отдыхе, у которого впереди целый месяц увлекательных путешествий и новых впечатлений, а не полная опасности для жизни авантюра в чужом для него времени.

Так он и думал приблизительно часа три, рассматривая живописные окрестности, под мерный стук копыт монгольской конницы на марше. Телега Кара-чулмуса несколько сдерживала скорость марш-броска на Днепр, но это торможение компенсировалось постоянным броуновским движением мобильных разведгрупп вокруг основного местонахождения телеги. Небольшие отряды конников прочесывали степь на предмет случайной встречи с неизвестными и быстрого оповещения главных сил.

Их выслал вперед предусмотрительный Буратай, — все-таки степь была обитаема. Не считая летучих отрядов половцев, которые далеко не все, покинули эти места, несмотря на опасность, здесь могли объявиться также агрессивные венгры-мадьяры и даже черные болгары, обычно обитавшие по восточному побережью Азовского моря, как его называли современники великого механика. Хотя встреча с последними была менее вероятна, ибо отряд, ведомый Буратаем, уже достаточно далеко ушел от этих мест, приближаясь к мадьярам и русичам.

Монголы вообще, как давно заметил Забубенный, все время думали о главном, не отвлекаясь на пустяки. В данный момент их интересовали половцы, которых следовало наказать. В этом был весь смысл жизни монголов. Исправить совершившуюся несправедливость, на их взгляд. А деньги и захват чужих земель их не интересовали в принципе. Монголы воевали только по моральным причинам. Никогда не оставляли гарнизонов в покоренных городах. Никого насильно в свою веру не обращали, в отличие от крестоносцев. Брали только то, что необходимо для продолжения войны. Убивали своих врагов и тех, кто им помогал, — да. Но ведь и русские делали то же самое. И потому, где бы

половцы ни находились, монголы шли только туда. Кочуют половцы в Южной Сибири, монголы идут туда, ушли в прикаспийские степи, монголы за ними, перебрались за Кавказ, — и здесь достанут.

Субурхан со своим верным стрелком Джэбек, и помощником Тобчи, на зависть альпинистам, на конях покоряют горные дороги. И даже скалистые кручи им ни почем. А потом с ходу несутся за половцами в степь и бьют их там. И ему понятно, пока не перебьют всех до одного, — не отвяжутся. И у половцев только один выход, самим победить монголов. Ведь они тоже мобильны, их даже больше числом. И ведь били половцы монголов. И неоднократно. И пропаганда о непобедимости монголов не помогала. Но, не на этот раз. Сейчас половцам лень драться. Они предпочли уйти на Русь и просить защиты у родственников. И если бы не Забубенный, временно переменивший направление движения экспедиционного корпуса монголов, уже давно скакали бы те в сторону Заруба. Догонять обозы ханов половецких, намазавших лыжи в Киев. А пока скачут в другую сторону.

Получалось, что и монголы не всесильны. Терпели иногда поражения. Но, для них это были лишь нормальные эпизоды кочевой военной жизни. На войне, как на войне, как сказал кто-то из монгольских ханов.

А то, что степь была обитаема и населена другими народами, невзирая на появление монгольских конников, Григорий убедился уже на следующей переправе, где на авангард конницы Буратай было совершено нападение. Едва первые пятьдесят человек из небольшого отряда вступили в воду, как из-за прибрежных зарослей камышей и видневшейся на другом берегу рощицы, на них неожиданно обрушился град стрел. Они засвистели со всех сторон, разя конников почти в упор. Впиваясь с чавканьем в шеи, пробивая доспехи в слабых местах. Отскакивая от защищенных. Воплями и стонами огласилась переправа.

Преодолеть речку смогла только половина монгольских воинов и сходу вступила в бой с неизвестным врагом. Кто были эти нападавшие смельчаки, рискнувшие бросить вызов монголам, Григорий со своей телеги не видел. Весь обзор ему закрывала спина Плоскини, а за ней ровный ряд метало-кожаных спин тяжеловооруженных воинов. До великого Кара-чулмуса долетали только отдаленные вскрики раненых и убитых, разносившиеся по степи. А попросить воинов посторониться он как-то постеснялся.

Контратаковавшие монголы смогли быстро опрокинуть и смять пеших стрелков, укрывавшихся в зарослях. Минут за десять они почти расчистили берег от лучников. Но, неожиданно, на помощь засадным стрелкам пришла конница, стоявшая в резерве. Силы оказались не равны. Мощным ударом конница сбросила авангард монголов обратно в воду, истребив почти всех, кто еще оставался в живых. Трупы наполнили степную воду.

Неожиданный бой был кровав и закончился скоротечно. Но монголы не дремали. Получив сообщение от своего передового отряда о том, что контратака захлебнулась, Буратай действовал быстро. Он бросил в бой три сотни своих конников, одновременно перестроив остававшиеся на месте боевые порядки. Теперь почти все воины выстроились перед повозкой Кара-чулмуса, сомкнув ряды, ибо источник и направление опасности были ясны. Хотя, сотню степняков, Буратай все же оставил позади. На всякий случай.

Результат не заставил себя ждать, а опасения Кара-чулмуса о том, что и этих монголов постигнет участь авангарда, оказались напрасны. На сей раз, посланный вперед для восстановления статус-кво отряд монголов, сходу форсировал реку и на голову разгромил воинов, устроивших засаду. На другом берегу произошла ожесточенная схватка, в которой сшиблись два конных воинства, с треском ломая копья о доспехи друг друга. Прошивая тела на вылет. Долгой битвы не вышло. Монголы быстро победили, обратив своим яростным натиском более многочисленного противника в бегство. Сработал эффект неожиданности, как выяснилось позже.

Тогда же выяснилось, кто напал на монгольский авангард. Это оказался мадьярский отряд «вольных партизан», как их идентифицировал для себя Забубенный. Отряд, по обыкновению промышлявший разбоем на степном пути к Днепру. Только по своему неразумению командир отряда принял передвижную миссию Забубенного за купеческий

обоз с охраной. Наличие самой охраны и сопротивление только усилило жадность мадьяров, полагавших, что за такой охраной должны скрываться несметные богатства. Предположить же, что это движется военный отряд монголов просто за смолой и без всякого обоза с драгоценностями, не считая повозку Кара-чулмуса, ослепленные жаждой наживы мадьяры просто не смогли. А когда разглядели, с кем быются, было уже поздно. Но, самые благоразумные, все же предпочли спастись бегством.

Монголы взяли в плен многих засадных и привели в передвижную ставку для допроса. Допрашивал Буратай, с разрешения Кара-чулмуса задействовав переводчика Пłosкиню, знавшего еще и венгерский язык, как выяснилось. «Эх, много языков знает, сволочь, — почему-то с гордостью подумал Григорий, словно Пłosкия был его протэжэ, — Оказался бы в нашем времени этот полиглот, мог бы легко заделаться синхронным транслейтэром в какой-нибудь фирме. На переговорах у бизнесменов участвовать и большие деньги зашибать».

— Как тебя зовут? — поинтересовался командир монгольского отряда у одного из пленных, которых уколами копий подогнали его воины прямо пред его светлые узкие очи, поставив на колени. Руки у пленного были связаны сзади тонкой и прочной веревкой.

Пленный, — здоровенный лохматый детина, с черными, как смоль волосами, одетый в холщовую рубаху и штаны, поверх которых был натянут кожаный доспех, — тряхнул волосами и ответил, гордо глядя в глаза монгольскому хану снизу вверх.

— Я Ласло Кишвард, кузнец в своей деревне.

— Много в вашей деревне людей? — спросил Буратай.

— Много, — ответил кузнец и, улыбнувшись, добавил, — на вас всех хватит.

— Отвечай точно, — вежливо предупредил Буратай.

Ласло только ухмыльнулся и сплюнул под копыта любимой лошади Буратая, но тут же получил такой ощутимый удар копьём в спину, что повалился на землю. Удар был предупредительный, не смертельный.

— Сколько еще деревень в вашей округе? — уточнил Буратай, — сколько людей вы можете выставить на войну?

— Не сосчитаешь, — отхаркиваясь кровью, пробормотал кузнец, — только за вас никто не будет саблей махать. Подожди чуток, наши подойдут, вот узнаешь, сколько их, когда вас всех порешат.

Наглость пленника быстро надоела командиру монголов. Он взглянул на Кара-чулмуса, словно спрашивая «Нужен ли нам кузнец?». Видимо, командир монголов размышлял в эти секунды о том, что для ремонта осадных башен могут понадобиться настоящие профессионалы, которых не хватает у бродников. Но, не дождавшись ответа от Забубенного, сам решил, что этот профессионал ему точно не понадобится. Короткий взмах рукой, — и копьё пригвоздило Ласло Кишварда к земле.

Остальные пленники, увидев участь задиристого кузнеца, стали более разговорчивыми. Поэтому, получив сведения о врагах, монголы казнили всех пленных более благородным способом, дававшим, по их понятиям, возможность умерщвленному без пролития крови человеку шанс возродиться к новой жизни. То есть, — переломали всем пленным позвоночники и побросали в канаву.

Затем Буратай попросил у Кара-чулмуса разрешения наказать неразумных мадьяров, осмелившихся напасть на отряд во главе с самим Кара-чулмусом.

— А как он собирается это сделать? — уточнил через переводчика Забубенный, наблюдавший всю битву и допрос пленных, не вылезая из телеги.

Буратай предлагал выделить из отряда и послать на вразумление неожиданно возникших на дороге мадьяров пятьсот человек. А остальным двигаться дальше. Ведь нельзя же оставлять у себя в тылу недовольные и свободные народы. Либо их нужно уничтожить, либо покорить. Триста человек хватило, чтобы разбить их боевой отряд и обратить его в бегство. Пятисот человек, по размышлению начальника походного штаба, должно хватить, для того чтобы отбить охоту у мадьяров появляться на этой дороге хотя бы в ближайшее

время. Численность этих разбойников известна только в общих чертах, поскольку словам пленных полностью доверять нельзя. Но, если и не удастся такими силами привести их к покорности, что тоже возможно, то уж лишить желания мадьяров выходить на большую дорогу будет достаточно на первое время. А после возвращения из похода на Днепр, сам Буратай, с разрешения Кара-чулмуса, будет рад совершить новый набег для окончательного приведения местных мадьяров к покорности.

Забубенный некоторое время подумал на словах Буратая. Странная получалась ситуация. Будучи, по сути, в прошлой жизни простым механиком, пусть и гениальным, в этом времени волею судьбы он вдруг мгновенно становился исторической личностью. И хоть был марионеткой, сейчас от него зависела судьба целой народности. Механик, конечно, может попытаться запретить монголам этот усмирительный набег, который, не будь Кара-чулмуса, они обязательно совершили бы, сообразуясь со своей моралью и философией Чингисхана, — война заканчивается только с разгромом врага. А до тех пор, пока жив хоть один мадьяр и его потомки, эти ребята не успокоятся. Даже не смотря на наличие половцев и еще сотни более сильных врагов. Не сейчас, так чуть позже, но вернуться сюда обязательно. Тем более, что не монголы напали первыми. С другой стороны, движимый желанием спасти Русь, Забубенный уже начал менять историю монголов, не зависимо от того, хочет он этого или нет.

А если не умирять, то мадьяры могут временно решить, что монголы слабаки и устроить засаду на обратной дороге, когда обоз Кара-чулмуса повезет обратно смолу. Где-то в глубине души Забубенный надеялся, что ехать обратно этой дорогой ему не придется. Оказавшись на Днепре, он надеялся сбежать на Русь. Но монголы как-то уж слишком его опекали в походе, носились ним, как с писаной торбой, ни на минуту не оставляя одного. Поэтому план побега Кара-чулмуса на историческую родину находился пока под сомнением. А у монголов уже начала действовать новая психологическая установка, впитанная с молоком матери: «хороший венгр — мертвый венгр». Впрочем, такая же установка у них включалась и в любом другом случае при встрече с каждым новым врагом: «хороший половец...хороший чжурчжень...».

С другой стороны, медитировал сам с собою Забубенный, в новой стычке погибнут не только мадьяры, но и монголы, ибо и те и другие умеют держать в руках оружие. Только другие лучше. Значит, в любом случае этот набег ослабит общую группировку Субурхана.

Поколебавшись немного, Кара-чулмус усмирительный набег разрешил. Тотчас решительный Буратай позвал к себе одного из своих приближенных и велел снарядить отряд в параллельный набег, дав ему короткие инструкции о том, каких результатов надо добиться и где догнать основные силы. Немедленно было выделено пятьсот конных ратников и, Забубенный и глазом не успел моргнуть, как этот отряд монгольских карателей уже ускакал по направлению к берегам Азовского моря, держа курс вдоль реки, на которой они впервые повстречались с мадьярами. Судьба местной общины венгров, похоже, была решена. Им оставалось либо исполнить завещание Ласло Кишварда и перебить всех монголов. Либо бежать через Днепр за Дунай, туда, где уже расположились их более многочисленные соплеменники, уже выбиравшие себе королей, и контактившие с римскими папами.

— Ну, чего стоим? — поинтересовался Забубенный через переводчика, проводив взглядом отделившийся от основных сил отряд, который, форсировав реку, уже почти исчез за прибрежной растительностью, — поехали. Там смола на кораблях уже, наверное, мимо проплывает.

Буратай, понявший эти слова и без переводчика, издал короткий властный крик. Слегка поредевшие основные силы монголов, повинувшись приказанию, двинулись дальше. Они спокойно форсировали реку, в которой плавали многочисленные трупы монголов, утыканные стрелами, словно раздувшиеся ежи, и венгров, убитых по большей части копьями и рассеченных мечами в ближнем бою. Быстрое течение прибивало эти мертвые тела к берегам, а часть уносило дальше, разнося признаки расплывавшейся смерти по степи.

На другом берегу Забубенный узрел результаты битвы конных воинов, трупы которых устилали траву, заливая ее собственной кровью. Страшные и точные удары монгольских копий, часто приходились прямо в грудь конников мажарского отряда, отчего на траве валялось множество поверженных венгров с развороченной грудью, а у некоторых из груди торчали обломки копий.

Но попадались и мертвые монголы. Они были сильными воинами, но все-таки не бессмертными. Рождаясь, каждый монгол, вообще был предназначен умереть в бою. Редко кто доживал до старости. Поэтому монголы рано женились и быстро воспроизводили потомство, чтобы успеть сделать это до того, как придется сложить голову в очередной войне. Тихая семейная жизнь была им не знакома. Средний срок воспроизведения целого поколения монголов составлял двадцать лет. То есть каждые двадцать лет, нарождалось и вырастало новое поколение, сменяя уничтоженное за эти годы предыдущее. Народ-орда воевал постоянно.

Отмечая блуждающим взглядом все новые трупы, Забубенный вдруг заметил, что по степи носится немало лошадей, потерявших своих седоков. Буратай их тоже заметил, и словно прочтя мысли Кара-чулмуса, велел немедленно изловить, — лошади в хозяйстве пригодятся всегда. Тотчас в погоню за осиротевшими скакунами были отряжены воины, которые быстро догнали их и привели в отряд. Монголы знали, как обращаться с лошадьми. А бросать их в степи, чтобы они достались либо хищникам, либо венграм, было, согласно понятиям степняков, верхом неразумности. Ну, зачем венгру лошадь?

Весь оставшийся день до самого вечера никаких стычек не происходило, но Забубенный оставался под впечатлением этой, первой стычки. Между тем, слегка поредевшее монгольское воинство, продвигалось к конечной цели своего путешествия. Когда Григорий вынырнул из своих впечатлений и переживаний, то, присмотревшись к окружающей действительности, вдруг заметил существенные перемены. Если, удаляясь от Заруба, он видел лес плавно переходящий в степь, то сейчас, он видел степь, также плавно переходившую обратно в лес. И даже в холмы, поросшие вполне густым лесом, на уже недалеком горизонте. Если монголы не сбились с пути, у них не сломался компас, а в это Забубенный не верил, ибо монголы были чемпионами мира по ориентированию даже в голой степи, то холмы впереди могли означать только одно, — долину. А долины без какой-либо воды обычно не бывает. И что-то подсказывало Григорию Забубенному, вампиру-степняку по совместительству, что в этой долине должно быть очень много воды. Так много, что по ней могли ходить большие-большие лодки, доверху груженные товарами. И в одной из этих лодок вполне могло завалиться несколько бочонков со смолой, так необходимой монгольским товарищам, для того чтобы отреставрировать свои осадные башни.

Уже почти стемнело, когда отряд вошел в лес, укрывавший склоны высоких холмов. Тут Буратай неожиданно решил остановиться и приказал разбить походный лагерь. Вампир, несколько расслабленный переживаниями от увиденного за этот длинный день, и уставший от скачки, не возражал. Он, подождет, пока ему поставят юрту и лег спать, ни о чем не спрашивая, и даже не поужинав. Этим он в очередной раз поверг в изумление монгольских всадников. Костров в эту ночь опять не зажигали.

Глава двадцатая

«Снова на Днепре»

На утро, как всегда хорошо выспавшемуся механику, — который в последнее время вообще спал хорошо, природа и физическая активность давали о себе знать, — показалось, что в лагере слишком тихо. Он оделся и вышел на воздух, осмотреться по сторонам. Выяснить, что же творится вокруг. Ибо представить, что монголы проспали выход на рассвете, он просто не мог.

Разглядывая походное становище в рассветных лучах, освещавших поляну сквозь завесу листвы, Григорий обнаружил лишь сотню монголов, группировавшихся неподалеку

среди деревьев. Почти все остальные монгольские воины снялись и ушли вперед, как сообщил ему верный Плоскиня, спавший у дверей, — ставить засаду на проходящие мимо суда. Как именно они это делали, механик не представлял. Вряд ли у них были с собой переносные ракетные установки типа «Игла» или мелкокалиберные артиллерийские орудия, очень пригодившиеся для нанесения внезапного удара по движущимся надводным целям. Сошли бы и минометы, ну, на худой конец, металлические сети, чтобы перегородить акваторию. Но Днепр был велик. Хотя Забубенный и не видел его на всем протяжении, но, был готов поручиться, что там, где он его не видел, то бишь в низовьях, река течет еще быстрее. Что, правда, предполагало некоторое сужение русла. То есть пороги. Ну, а что на Днепре были пороги, это знал даже самый последний двоечник по Географии в его классе в школьные времена.

По зрелому размышлению Забубенный предположил, что Буратай решил заарканить какое-нибудь проходящее судно именно у порогов. Так легче всего. Ну, а какое племя ему настучало насчет местонахождения днепровских порогов, тут можно было не гадать.

Глядя на пустующий лагерь, механик почувствовал себя обиженным. Нет, то, что ему дали выспаться, это было неплохо. Утро вечер мудренее. И голова лучше работает. Но, с другой стороны, основная масса народа под предводительством Буратая ушла на дело по экспроприации смолы, а его даже не позвали. А ведь это была его идея. Да и потом, на каком положении его оставили в лагере? И для чего тут эта сотня конных нукеров? Охранять Кара-чулмуса от непредвиденных обстоятельств или чтобы он не ускользнул случайно? Все эти вопросы будоражили проснувшийся мозг Григория. Особенно последний.

Решив, во что бы то ни стало попасть на Днепр, Забубенный велел Плоскине разыскать старшего среди оставшихся монголов и сообщить, что Кара-чулмус хочет идти на берег реки для воссоединения с основными силами отряда. Ответ монгола сразу покажет, на каком положении Кара-чулмус оставлен в лагере.

— А чего его искать, — ответил Плоскиня, и указал в сторону гарцевавшего неподалеку на вороном скакуне воина, — вон тот всадник и есть сотник. Зовут его Джурчи. Пойду, скажу ему, что велено.

И пошел, переваливаясь с ноги на ногу, походкой уставшего медведя.

Забубенный не отходя от юрты, остался следить за происходящим. Если сотник оставлен для руководства конвоем и конвойными, как тюремщик, — дело плохо. Такого вряд ли на понт возьмешь. Не испугается и не подчинится. Несмотря на память о печальной судьбе багатура Бури-Боко. Для него приказ Буратая, — закон, словно цитата из «Ясы». А вот если...

Плоскиня приблизился к Джурчи, и что-то сказал ему. Сотник кивнул в знак согласия и махнул рукой. После чего вся сотня мгновенно выстроилась в походную колонну по десять человек, ожидая дальнейших указаний Кара-чулмуса. Григорий обрадовался. Значит, до реки доберемся. Хотя, это только полдела, но, там и посмотрим, как дальше быть.

Он вернулся в юрту и переоделся, как следует, для конного путешествия. На телеге ездить по прибрежным местам ему показалось неудобным, и Кара-чулмус велел Плоскине оседлать себе ездовую кобылу. Плоскиня округлил глаза, но молча отправился выполнять приказание вампира. Это был выход за пределы легенды, — лошади полагалось бояться Кара-чулмуса как огня и чуют его за версту. Но, Забубенный наплевал на это. Пора было идти ва-банк. Днепр рядом, а монголы какое-то время будут в недоумении по поводу поведения степняка-вампира. Ведь до сих пор они не могли уразуметь, почему он еще никого из всадников не съел на ужин, хотя давно должен был перемолоть пол-отряда. «Вот и теперь, — подумал Забубенный, — пусть тормозят еще немного, пытаюсь уразуметь, почему это лошадь меня не боится».

Но все сложилось как нельзя удачнее. На глазах изумленных монголов Плоскиня привел к юрте лошадь, которая с диким ржанием шарахнулась от великого механика в сторону, неизвестно почему, как черт от ладана. Проверка сам собой завершилась отлично, убедив всех присутствующих в происхождении Забубенного от предков-кровососов.

Может, лошадь в этот момент укусила слепень, может, привиделось что-то страшное, но, побрыкавшись немного, она успокоилась. Что дало Забубенному возможность взгромоздиться на ее спину. К счастью лошадь оказалась в летах и проявила в дальнейшем вполне покладистый характер, чем-то, напомнив Забубенному свой первый кавалерийский опыт езды на Савраске, оставшейся в Чернигове и уже наверняка околевавшей от перегрузок.

Возглавив отряд, Григорий велел всем ехать в сторону реки и послать вперед разведку на поиски Субурхана. На это Джурчи сообщил ему через Плоскиню, не решаясь приблизиться более, чем на пять метров, что до реки ехать не далеко, и дорога уже разведана. Более того, совсем недавно прискакал гонец от Буратая с сообщением. Монголы устроили засаду на перекатах, и туда как раз приближается большой караван, так что скоро начнется бой и его сотня, как только Кара-чулмус проснется, должна прибыть на берег как можно скорее. «Отлично, только и подумал Григорий, пока все складывается как нельзя лучше».

Ехать до берега оказалось действительно недалеко. Даже с черепашьей скоростью, как ехал Забубенный, изрядно тормозя передвижения монгольской сотни, сквозь холмистую, поросшую редколесьем, местность, к берегу они добрались меньше чаем за час. Так, во всяком случае, показалось механику, давно уже отвыкшему от наручных часов и постепенно привыкшему измерять время приблизительно по солнцу. Большими отрезками, — утро, день, вечер, около полуночи, на рассвете и так далее. И ведь действительно, минутная точность особой роли в этом мире еще не играла, хотя скорость уже имела свои очертания.

Несмотря на то, что сидевший в седле как на иголках Забубенный, постоянно всматривался в лесную даль в надежде увидеть берег Днепра. Берег открылся как-то внезапно. Отряд монголов ехал себе по лесу, между холмами, придерживаясь одному Джурчи известному направлению, и вдруг впереди послышался мощный, утробный гул, от которого дрожала земля. Этот гул ни с чем спутать было уже невозможно. Это шумел Днепр, великая река, с грохотом проходившая каменные пороги, стеснявшие в этом месте ее мощное стремление к морю.

Поднявшись на вершину прибрежного холма, Забубенный остановился от неожиданности. Джурчи и все остальные монголы, так же встали, как вкопанные, не имея желания беспокоить Кара-чулмуса, взгляду которого открылась величественная картина природы. Да и сами они несмотря на военное время, немного засмотрелись на реку, равных по величине которой видели не так уж много на всем своем длинном пути.

Отряд, с которым ехал великий механик, остановился на вершине холма, венчавшего собой полуостров, далеко вдававшийся в синее тело реки. Отсюда было отлично видно все. И огромная полноводная река, огибавшая широкой лентой полуостров. И пороги, четко обозначенные белыми бурунами воды, стеснявшие ее ниже по течению, то есть по левую руку от Забубенного. Именно там и расположились в засаде основные силы Буратая. Григорий разглядел нескольких монгольских всадников, видимо дозор, маячивших чуть ниже на соседнем холме. Еще ниже, у самых порогов, виднелась рыбацкая деревня, которую всадники Буратая скорее всего, захватили сегодня на рассвете, взяв ее обитателей тепленькими. То, что там не полыхало пожарища, говорило только об одном, — монгольский военачальник не хотел, чтобы о нем узнали раньше, чем он захватит какой-нибудь проходящий караван. Охрана в деревеньке, если и была, то уже давно повязана или просто убита. А телефона сообщить дальше по берегу или на другой берег еще не придумали. Ну а семафорить, или разводить сигнальные костры, Буратай никому из оставшихся в живых не позволит. Если, конечно, там вообще кто-нибудь остался в живых.

Чья это была местность, русская, половецкая, венгерская или еще чья, Григорий не знал. А потому не понимал еще, какие ему чувства испытывать, кого из местных жителей оплакивать, — своих или иностранцев. Спросить же было пока не у кого.

Обратив свой взор направо, Григорий заметил огромный караван, что величаво огибал скалистый мыс, венчавший поросший лесом полуостров. Шел караван по течению. Сверху. Значит из Руси или из земель далеких. Из варяг в греки, как говорили про это направление.

Ладей в нем было больше дюжины, и все шли под бело-серебристыми парусами. Что-то до боли знакомое привиделось Забубенному в этих парусах. Дежа вю, как говорят франки.

Половина судов сидело низко в воде, что было видно даже с верху, бортами едва не черпая днепровскую воду. А чем они были нагружены, отсюда было еще не рассмотреть. Но товаров в них было не меряно, это стало ясно сразу. Поторговали купцы хорошо, и теперь домой возвращались, сделав дело. Гулять по прибытии домой, наверняка собирались целую неделю. А может и больше. Но то, что этот караван никогда не попадет в греки в целости и сохранности, Григорий был сейчас готов поспорить и даже дать руку на отсечение. И все потому, что он надоумил Субурхана где-то найти смолы для столярных работ.

Пока Забубенный предавался созерцанию природы и философским размышлениям, навеянным этой природой, караван закончил огибать скалистый мыс. Все двенадцать ладей, а их оказалось не больше, а именно двенадцать, были теперь по левую руку от Григория, явно устремившись к деревеньке, что стояла у порогов. Прямоком к тигру в пасть. Видимо, все караванчики в этом месте приставали к берегу, чтобы перетащить волоком свои ладьи чуть ниже, миновав острые подводные камни порогов. Вряд ли среди них находились такие, что решались преодолевать днепровские пороги с ходу, устроив незабываемый рафтинг для себя и команды. Нет, для купца товары были гораздо ценнее. А потому стоило немного покорячиться, перетащив суда волоком по берегу, чтобы добраться до конечного пункта назначения. Но, не в этот раз.

Первое судно уже было совсем близко к деревенской пристани, состоявшей всего из нескольких бревен. Второе и третье шли почти сразу за ним. Остальные немного отстали. Сейчас все должно было завертеться.

«Неизвестно как, — подумал Забубенный, — но Буратай захватит эти суда».

Позади послышалось недовольное покряхтывание. Джурчи тронул поводья своего коня и приблизился, что-то шепнул Плоскине.

— Джурчи спрашивает, скоро ли поедет? — осмелился нарушить покой повелителя Плоския, — Субурхан ждет подкрепления. Сейчас будет бой.

— Подождет, — ответил Забубенный, лихорадочно соображая, что ему делать. Мозг заработал с утроенной скоростью в поисках решения.

И вдруг что-то блеснуло на другом берегу. Забубенный присмотрелся и заметил, что с другой стороны к порогам подходит какое-то небольшое судно, скорее большая лодка, под алым парусом, в центре которого красовалось вышитое золотом солнце. Точнее, подходило. Его команда быстро перетащила свою легкую ладью через пороги по противоположному берегу, где они были круче, но короче. Видно переволок им был знаком. Снова спустила ее на воду и собиралась отплыть. Путь их лежал вверх по течению, правым берегом. На встречу подходившему левым берегом широкого Днепра каравану. На Русь.

Решение пришло мгновенно. Да и выбора не было. Сейчас или никогда. Забубенный посмотрел на скалистый мыс впереди, что выступал над лесом в пятистах метрах, нависая над водой. Ладья будет под ним минут через двадцать. Надо успеть. Только вот как отделаться от эскорта из ста озадаченных монголов, что только и ждут приказа ринуться в бой. Но и приказа привезти с собой Кара-чулмуса никто не отменял.

И тут началось. Запели луки, засвистели стрелы. Первая ладья каравана, обогнув крайний порог и миновав водовороты, не успела пристать к берегу, как уже покрылась сотней стрел, словно гигантский еж. Со всех сторон слышались стоны и вопли. Несколько воинов из охраны, что находилось на борту первой ладьи, были поражены стрелами в грудь и свалились за борт, схватившись руками за наконечники, словно хотели их выдернуть. С берега, что находился от борта ладьи теперь всего в каких-нибудь двадцати метрах, полетели, — Забубенный глазам своим не поверил, — настоящие «кошки». Монголы, словно заправские пираты, шли на абордаж. Острые жала абордажных крючьев вонзились в древесину и, спустя всего несколько минут, мощные монгольские воины притянули ладью к берегу и ворвались на ее палубу. В мгновение ока с вооруженным сопротивлением на борту первой ладьи было покончено.

«Да, подумал изумленный механик, технология захвата отработана до мелочей. Может, они еще и летать умеют?».

Летать они не умели, но вторая ладья, также подвергшаяся обстрелу, но еще не захваченная крючьями, ибо на свое счастье не вошла в зону заброса, попыталась отвернуть в сторону от берега. Но счастье длилось не долго. Вдруг в воду, словно саранча, посыпались монгольские всадники. Они бросали в реку коней и по мелководью, а к несчастью для караванщика, в этом месте у берега было мелко, добирались до самого борта ладьи. А оттуда метко кидали копья в защитников. Те прикрывались круглыми щитами, но это спасало не всегда. Монголы были чемпионами по метанию стрел и копий. Бросив копье, они хватались за борт и карабкались на палубу, чтобы продолжить битву.

Но и защитники ладьи не дремали, быстро сообразив, что подверглись нападению жестокого врага. Они открыли ответный огонь из-за прикрывавшего их высокого борта ладьи, крепкой мачты и всяких бочек, которыми была заставлена палуба. Их лучники были также точны, как монгольские. А кривые мечи разили насмерть, отсекая руки и головы тем, кто стремился взобраться на борт. Примерно из полусотни всадников, что бросились в воду, на борт взобралось не больше десятка. Но и те своими меткими бросками скосили предварительно половину охраны. Так что битва на борту тоже была не долгой. Монголы победили, захватив и второе судно, очень скоро уткнувшееся носом в песок, рядом с первым.

Между тем, глядя на эту сечу, Забубенный узнал эти паруса и эти кривые мечи охранников. Перед ним был тот же самый караван азиатов из жарких земель, одного из охранников которого ратник черниговского воинства Данила случайно подстрелил из нового лука. Ну, конечно если бы не Забубенный, тоже случайно толкнувший его под руку. После чего состоялась буйная разборка, в которой полегло много народа с обеих сторон.

Забубенный внимательно взгляделся в остальные ладьи. Еще не подошедшие на расстояние полета стрелы к порогам, они уже были достаточно хорошо различимы невооруженным глазом. Несколько ладей шло загруженными живым товаром, — прямо на палубе сидели голые по пояс люди с веревками на шеях. Это были славянские рабы-пленники, которых азиатские купцы приобрели по дешевке у половцев для перепродажи в Египет или малую Азию, где из них сделают либо воинов-невольников, либо рабов для всяких нужд, либо просто убьют.

Следующая пара ладей, усеянная по всем бортам вооруженной охраной из крепких воинов восточной наружности, шла без рабов, но сидела ниже остальных, — судя по всему, везла драгоценные материалы, которых мало было на родине караванщика. Может гранит, а может мрамор на отделку дворцов заморских шейхов.

Что было на остальных ладьях, Григорий не разобрал, — бочки, ведра и прочая ерунда. Наверняка мед, смола и где-нибудь запрятаны меха. Но уж смола-то здесь найдется обязательно. Тут Субурхан не промахнулся. Его военный гений не подлежал сомнению. А вот на корме последней большой ладьи, как и в прошлый раз, Григорий узрел хозяина каравана. Маленький толстый азиат сидел на резном троне под тентом из шелка. Это почти наверняка был посланник какого-то султана или шаха, человек не бедный, разодетый в дорогие одежды. Чтобы спасти от солнца и жары его лысую голову и нежную кожу по бокам стояли две полуголые наложницы с опахалами.

Хозяин каравана курил стоявший перед ним на специальном столике походный кальян и похоже, как и при первой встрече, находился в стране грез. Из которой, на этот раз, его вывела не стрела ратника Данилы, а внезапная атака монгольских воинов. Что, в общем, не отменяло самой проблемы безопасности путешествий.

«Да, — с сочувствием подумал Забубенный, не везет мужику. Туда ехал, обстреляли, обратно едет, вообще на дно пустят или даже убьют. Тяжело заниматься бизнесом в России. Никаких гарантий неприкосновенности». Хотя, когда Григорий вспомнил про славянских рабов, сочувствие к караванщику улетучилось.

Сзади снова послышалось натужное сопение. Джурчи опять подъехал к Плоскине и что-то резко ему сказал. На сей раз, от почтительности осталось не более половины.

— Можешь не переводить, — опередил Плоский Забубенный, — и так понятно. Скажи ему, что бы скакал на подмогу к Буратаю. Я буду следом.

Вождь бродников послушно перевел. Джурчи бросил недоуменный взгляд на Кара-чулмуса, в котором явно читалось недоумение и раздвоение личности. С одной стороны ему было приказано явиться на берег со своей сотней, и он уже почти явился. С другой стороны и Кара-чулмуса следовало привезти, но он почему-то ехать не торопился. Джурчи задумался, не зная, какое из двух зол меньше. И не следует ли привести с собой вампира силой.

«Да, сотник, — промелькнуло в голове у Григория, — не быть тебе темником». И чтобы подтолкнуть нерешительного Джурчи к нужному действию, механик указал на третий корабль, что был уже опутан монгольскими веревками, приближался к берегу, но отчаянно сопротивлялся. На нем было много лучников, и они не сдавались, предпочитая смерть позорному плену. Монголы десятками валились с берега, пронзенные стрелами азиатов. Показав на корабль, Забубенный крикнул изо всех сил, издав грозный рык:

— Скачи немедленно, твои воины нужны там!

И Джурчи подчинился. Он забрал свою сотню и ускакал вниз, крикнув что-то неразборчивое напоследок. Но, когда глухой стук копыт его воинов затих, Забубенный с удивлением различил за своей спиной какую-то непонятную возню. Обернувшись, к своему удивлению грозный Кара-чулмус увидел неподалеку два десятка монгольских воинов, неизвестно почему не последовавших за своим командиром. Сделать они это могли, только по особому приказу. И значит, этот приказ Джурчи отдал.

«Вот сволочь, — выругался про себя механик, — не доверяет самому Кара-чулмусу. Хитрая монгольская харя».

Григорий всмотрелся в противоположный берег. Едва ладья под алым парусом отплыла от дальнего берега, как началась свистопляска на этом. Увидев, что встречный караван атакован у порогов, моряки с ладьи некоторое время недвижимо созерцали битву, не зная, что предпринять, то ли на помощь идти, то ли бежать подальше. Но потом, видимо, рассмотрев, чей караван, решили не лезть не в свое дело. Медленно, ловя ветер ладья под алым парусом, блеснув на солнце ярким золотом вышивки, двинулась вдоль дальнего берега к мысу. Забубенный напрягся: далеко идет, но под скалистым мысом будет проходить по любому, приблизится. Пройдет почти рядом. А дальше за поворотом река опять расширялась. Значит, только здесь на нее и можно попасть.

А битва уже разгорелась вовсю. На четвертом судне меткий выстрел монгольского лучника поразил рулевого. Ладья с рабами на борту резко завернула вправо, расходясь с берегом. Но это оказалось еще страшнее. На большой скорости она налетела прямо на острые камни ближайших порогов. Раздался страшный треск, эхом разнесшийся по всему побережью. Ладья сначала разломилась на две половины, а затем и вовсе рассыпалась на отдельные бревна, подхваченные водоворотами и бурным течением. Все люди, что были на палубе, были выброшены в воду, огласив окрестности дикими воплями утопающих. Кого-то побило бревнами, кого-то об камни, многих затянуло в водовороты, что во множестве имелись вокруг порогов. Самые отчаянные выбрались из стремнины и плыли к берегу из последних сил. Но и там их ожидала незавидная участь.

Вслед за этой ладьей еще несколько, пытаясь избежать захвата, забирали вправо, отчаянно стремясь пройти сквозь валуны порогов по бурному течению. Но все они разбились о пороги, рассыпавшись в хлам, на сотни отдельных бревен и досок. Линия порогов покрылась обломками мачт и скелетами ладей. Вырезанный идол, украшавший нос одного из судов, застрял между камнями и торчал теперь над водой как скорбный знак кораблекрушения. Обрывки парусины поплыли вниз по течению. Бочки, тряпки, мертвые и еще живые люди плавали по поверхности, но быстро тонули. Крики их заглушал вой Днепра. «И все это из-за какой-то смолы, раздосадовано подумал Григорий».

Неизвестная ладья под алым парусом уже прошла половину пути до скалистого мыса.

— Пора, — сказал сам себе Григорий, и, обернувшись, хотел крикнуть по-монгольски в сторону маячивших позади всадников, чтобы все оставались на местах, но крик застрял у

него в горле. Справа из распадка между холмами неожиданно показался еще один отряд, не меньше сотни числом. Вел его сам Буратай, которого Забубенный никак не ожидал увидеть здесь, вдали от боя. Отряд мгновенно отрезал Григория от берега, но не остановился. Поравнявшись с ним, Буратай на ходу окликнул механика:

— Ты можешь быть доволен Кара-чулмус, мне уже доложили, — смолы много. Поедем к берегу, посмотрим добычу.

Забубенный бросил тоскливый взгляд в сторону алого паруса, уже почти скрывшегося за скалистым мысом, и нехотя последовал за монгольским темником.

Глава двадцать первая

«Целый год в орде»

В тот раз ничего не получилось. Шикарный план побега на Русь сорвался в последний момент, и Григорий был вынужден вернуться в лагерь, где его ждал с новостями Субурхан. Но, как выяснилось по прибытии, не он один. За время похода Забубенного к Днепру вернулся Джэбек с целым караваном выючных лошадей и привез с собой множество железных погремушек, которые вполне можно было применить в дело починки осадных башен. Рассматривая все эти изделия, Григорию показалось, что своим дерзким повторным налетом Джэбек лишил несчастных грузинов всех запасов металла на сто лет вперед, помешав становлению литейного дела, ибо выючные лошади проседали под непомерным грузом. Откуда высоко в горах обнаружилось такие залежи металлолома, для Забубенного оставалось загадкой. Наверное, смекалистый Джэбек на обратной дороге помимо грузинов наткнулся еще и на гномов, заодно ограбив их кладовые.

Хитрый Тобчи тоже не терял времени даром и заготовки леса в рамках операции «Лес в степи» прошли не менее удачно. Рядом с юртой Кара-чулмуса возвышались настоящие курганы из свежеструганных бревен, — тут видно постарались прибывшие плотники от землячества бродников, — оставалось только возвести над этим складом временного хранения приличную крышу, чтобы получился ангар, и можно было начинать выгодную торговлю с Тмутараканью.

Но и темник Буратай не подкачал, — вернувшийся с берегов Днепра отряд привез с собой тридцать три бочонка с первоклассной русской смолой, которая предназначалась на экспорт в страны ближнего востока. Субурхан добычу одобрил. Так что теперь у Забубенного было все, что требовалось для починки осадных башен. И, как бы он не хотел отвертеться, приходилось приниматься за работу. Монголы выполнили свою часть, и для великого механика наступало время выполнять свою. Григорий, скрепя сердце, принялся за работу. Назвался груздем, как говорится, — чини башни.

Механик приказал себе пока не думать о возвращении на родину и начал восстановительные работы. Как-нибудь потом, когда выпадет новый случай, он решил попытаться снова сбежать. Но пока Субурхан ему недвусмысленно намекнул, что время не ждет, других чжужженей у него в запасе нет, и Кара-чулмусу следует поторапливаться. Монгольскому отряду нужно двигаться дальше в европейские земли, а там без башен делать нечего. И если Кара-чулмус будет недостаточно быстр, то его бессмертная жизнь продлится недолго.

Забубенный намек понял и старался изо всех сил. Тем более, что в помощниках недостатка не испытывал. Сначала он велел артели бродников вытесать оси необходимого размера. С этим мастера топора с берегов Донца худо-бедно справились. Оси, правда, получились кривоватые, до ровнехоньких металлических, конечно было далеко, но хотя бы появилось то, на что можно было закрепить колеса. Исполинские колеса, радиус которых Забубенный затруднялся назвать даже сам себе, сколачивали и промазывали смолой две недели. Единственное, что отдаленно можно было поставить в один ряд с этим изделием, так это колеса от трактора «Кировец». Закрепили их металлическими обручами, смастряченными из грузинских запчастей, получилось крепко, но криво. Потом бродники

ровняли эти колеса под присмотром главного монгольского прораба Забубенного еще неделю, чтобы придать им необходимую для передвижения округлость, ибо передвигаться на квадратных колесах не очень удобно. И, в конце концов, водрузили колеса на положенное место.

Первые ходовые испытания Григорий проводил самолично. Но дело закончилось довольно быстро. Едва бродники, взявшись всем миром, попробовали сдвинуть башню с холма, на котором она стояла, как башня, проехав три метра, накренилась и рухнула, рассыпавшись на сотню отдельных бревен. Кара-чулмус был в гневе. Сказал, что выпьет кровь всех плотников и строителей, если к вечеру башню не восстановят в полном объеме. Восстановили. И вторичные испытания прошли более удачно. К счастью Субурхан с товарищами был в это время в отъезде и не видел позора великого механика, но ему, конечно доложили. Стукнула какая то верная сволочь. Однако, приехав с неожиданной проверкой в походные ремонтные мастерские, монгольский вождь обнаружил все башни в полном порядке. Те, что нуждались в верхнем косметическом ремонте, стояли рядом и пахли свежей смолой. Остальные несколько штук, которым отремонтировали трансмиссию, толпа бродников катала по степи, проверяя устойчивость и надежность крепления колес. Ни одна башня больше не упала и Забубенный дождался, наконец, официальной похвалы. Субурхан сообщил войскам, что великий Кара-чулмус сдержал свое обещание и починил осадные башни, усилив мощь наступательного корпуса. Григорий, конечно, не отказался бы и от ордена «За механическую мудрость», но был доволен и тем, что на кол не посадили.

На всю работу с башнями ушел целый месяц, но, как выяснилось на утро следующего дня, приключения Забубенного еще не закончились. Утром к Субурхану прибыл гонец из Великой степи. А вечером в юрте Забубенного ожила рация, — личный канал связи между механиком и ставкой, — предводитель монголов вызывал Кара-чулмуса к себе.

Явившись без промедления на прием к главному монгольскому начальнику, он неожиданно опять попал на совет. Триумвират в полном составе обсуждал неожиданный приказ из ставки, о чем, не пытаясь придать налет секретности приказаниям великого хана, сообщили Забубенному. Далекий монгольский босс приказывал Субурхану немедленно приехать в орду на какое-то важное совещание. Детали, однако, механику не сообщили. А экспедиционный корпус временно передавался под управление Тобчи. Под словом «временно», видно подразумевалось полгода или год, ибо Субурхан отдавал распоряжения, как провести зимовку, и что нужно было за это время сделать. Похоже, продолжение похода с остановками в Европе пока откладывалось, так как Субурхану следовало отлучиться на некоторое время из лагеря. Как далеко нужно было отлучиться, Забубенный боялся себе даже представить, ведь для монголов сгонять на другой край континента, — не проблема.

Впрочем, для Тобчи нашлись дела и в отсутствие Субурхана. Сидя на месте, еще до зимы, он должен был провести несколько местных операций: привести к покорности племена недалеких венгров, что так неосторожно напали на Буратая, еще разок прошерстить Кавказ, приволжские степи и очистить от остатков половцев степи ближайшие, чтобы обеспечить мир на западной границе монгольского улуса.

Услышав последние новости, Григорий забеспокоился, продумав, — «Ну, а со мной-то, что теперь будет?». Но его судьба была уже решена. Субурхан позвал его к себе только для того, чтобы сообщить о ней.

— Собирайся, Кара-чулмус, — коротко приказал великий монгол, — поедешь со мной в орду.

Забубенный сел там, где стоял. «Ему надо ехать в орду? В это отдаленное логово монгольского народа-армии. Но, зачем? Там что, своих механиков не хватает? Чжурчжени ведь оттуда гораздо ближе, чем русичи. Или Субурхан решил похвастаться перед Чингисханом, что пленил бестелесного духа и заставил его работать на благо монголов?». Но Субурхан ничего не объяснил. Видно, были у него свои соображения, зачем-то механик ему мог понадобиться в орде, но зачем именно, он предпочел не рассказывать. А Григорий хоть и переживал о своем будущем, не стал доставать вопросами скорого на расправу

военачальника.

Последующие месяцы жизни показались ему просто бесконечными. К сожалению, в те времена еще нельзя было купить билет на поезд и проспять весь путь пьяным, изредка выходя на перрон поглазеть на солнышко с удивлением отмечая, что, пока ты спал, лесной пейзаж средней полосы изменился за окном на бесконечную монгольскую степь. Ехать пришлось на лошадях. А, Забубенный, хоть и научился слегка сидеть на лошади, но был готов скакать только день-другой. А ехать оказалось очень далеко.

Когда отряд Субурхана, состоявший из трех тысяч человек, прибыл, наконец, в ставку, позади остались тысячи километров, десятки крупных рек, несколько климатических поясов, два моря и одни высокие горы. Сколько было холмов и степей, Григорий уже не считал. Добрый десяток воинов погиб от болезней, пятьдесят лошадей пали в дороге и пошли на корм воинам. И Григорий, преодолевая природную брезгливость, тоже ел конину. К счастью этим и ограничились потери отряда. Субурхан, как опытный командир, провел свое небольшое войско, минуя очаги сопротивления со стороны покоренных народов, которые то тут, то там, периодически вспыхивали в тылу огромного монгольского улуса.

Переправа через Волгу тоже обошлась без кровопролитий, хотя неподалеку располагался Волжский Булгар, — осколок царства иудейской Хазарии, — где теперь правили мусульмане, не любившие монгольских язычников. В довершение всего, в самом конце пути их настигла зима. Кони увязали по колено в снегу, но шли вперед, и донесли своих седоков до главного зимнего кочевья монголов, за что Забубенный был им очень признателен. В пути Забубенному дали теплый халат, который ему напомнил халат басмача, и он не замерз. Хотя духи и так не мерзнут.

Во время долгого пути Забубенный очень рассчитывал на рации, одна из которых постоянно находилась в кармане халата у Субурхана, а другая у механика. Боялся потеряться. Но, рации хоть и были экономичными, и до сих пор работали исправно, обеспечивая надежную связь где-то в радиусе трех-пяти километров, неожиданно скончались в самом начале похода. Все когда-нибудь кончается. Сели аккумуляторы и у портативных переговорных устройств марки «Кенвуд». Когда это случилось, монгольский военачальник по достоинству оценивший изобретение неизвестного механика, огорчился, ибо пользовался им охотно. Он пару раз безрезультатно нажал на кнопку «вкл», а когда Забубенный с аналогичным результатом проделал тоже самое со своей и объяснил Субурхану в чем дело, монгол, не раздумывая, выкинул рацию. Умерла, так умерла. Григорий последовал его примеру, расставшись с последней игрушкой из своей прошлой жизни.

Вскоре по прибытию выяснилось, куда так стремился монгольский военачальник со своим отрядом, минуя реки, пустыни и даже снежные заносы, чтобы приехать вовремя. Попробовал бы не приехать. Субурхан прибыл на праздник, — вся степь отмечала день рождения Чингисхана. Старику со дня на день должно было стукнуть шестьдесят лет. Пора на пенсию. Но он был по-прежнему молод душой, был грозен для своих врагов и хорошо держал в руке копьё. Как с трудом высчитал любитель истории Забубенный, — шестьдесят первый годок стукнет Чингисхану аккурат в одна тысяча двести двадцать третьем году от Рождества Христова. То есть в следующем.

А сейчас, в честь праздника предполагались: пир юбиляра с верховными военачальниками, — закрытое мероприятие, — массовые гуляния нукеров, стрельба из лука по движущимся мишеням, казни предателей, танцы у костра и прочие развлечения, способные потешить душу жителей передвижной столицы монгольского улуса. Во всяком случае, так Забубенному рассказывали простые воины, рядом с которыми его определили на постой. Хотя это было до тех пор, пока они не узнали, что так запросто беседуют с самим Кара-чулмусом. А после того как узнали, его юрту снова стали обходить стороной. К счастью в орде Григория поселили в одиночной юрте на окраине, как и полагается бестелесному духу, которого Чингисхан лично не приглашал. Так что ничего особенного в его положении по сравнению с половецкой степной жизнью не изменилось.

Гуляния должны были продлиться целый месяц на нескольких площадках, приспособленных для стрельбы и скачек даже зимой. На массовые гуляния Забубенный не попадал как представитель потустороннего мира, по официальной легенде его лошади боялись, хотя свидетелей обратного из отряда Субурхана набралось бы не мало. На секретные переговоры командования в штабную юрту его тоже не приглашали, хотя Григорий много бы дал, чтобы хоть одним глазком посмотреть на самого Чингисхана, из-за которого, собственно, и заварилась вся эта историческая каша с половцами. Сам же старик Чингисхан не проявил желания взглянуть на механика из далеких земель, чем его страшно обидел. Столы же с угощениями для народа разных категорий значимости были расставлены по отдельным большим юртам.

За это время Забубенный, размышляя о том, за каким чертом его приволокли в орду, видел Субурхана, поглощенного своими тайными переговорами, только один раз. Тот велел своим нукерам отвести механика в одинокую юрту на другой окраине к столу каких-то ребят странного вида, еще более узкоглазых, чем сами монголы. И обсудить с ними проблемы постройки осадных башен нового типа. А сам снова исчез в неизвестном направлении с личной охраной из двадцати нукеров. Темнил что-то Субурхан.

Как и подозревал Григорий, это оказались пленные чжурчженьские инженеры, неплохо говорившие по-монгольски в силу отсутствия выбора. Про статус Кара-чулмуса они ничего не знали, поэтому переговоры прошли в дружественной обстановке. Инженеры, стол которых был окружен конвойными со всех сторон, квасили рисовую водку, взятую вместе с ними в плен, в большом количестве. Угощали Забубенного, а он не отказывался. Холодно было зимой в степи. Про башни за весь вечер вспомнили только один раз во время тоста «А гори они все огнем!». В общем, контакт с пленной китайской интеллигенцией прошел удачно.

От них, уже давно находившихся в орде и знавших местный расклад лучше русского механика, Григорий неожиданно узнал, что Субурхан не мелкая сошка в орде и претендует на место самого Великого Хана, а до успешной предвыборной компании составлял ему серьезную конкуренцию. Чингис стареет, кому он оставит орду не ясно. У великого хана четверо сыновей, — первенец Джучи, что родился сразу после вызволения жены Чингиса из плена, Угэдэй и Джагатай, к которым вопросов по кровному родству нет, и Тулуй, родившийся последним, — единственный брүнэт среди рода Борджигинов. Ведь древние монголы были народом светловолосым и голубоглазым, и лишь потом, смешавшись с татарами, потемнели, изменившись лицом. По всем подсчетам получалось, что Тулуй появился на свет в отсутствии отца, пока Чингисхан почти десять лет находился в плену у китайцев. Причем, именно у чжурчженей. Но, вернувшись в орду, он признал сыном Тулуя, как и ранее Джучи, стремясь избежать кривотолков. Получалось, что из четырех наследников Чингисхана двое были рождены не от него, и орда могла достаться не прямому наследнику. Великий хан простил жену и признал детей родными, но об этом судачат уже давно. Сплетни любят все. А китайцы особенно.

Размышляя над новой информацией, Григорий так напился с китайцами, что на утро у него впервые за полгода разболелась голова от алкоголя. Но до наступления утра произошло еще одно интересное событие, заставившее его усомниться в реальности происходящего. Вернувшись под конвоем в юрту, пьяный вампир вдруг обнаружил у себя дома какое-то привидение. Оно сидело на ковре посреди юрты, облаченное в длинное темно красное платье, а на голове виднелся головной убор, напоминавший рога или полумесяц устремленный вверх. Привидение было очень похоже на раскрашенную монгольскую девушку. В юрте было тепло и темно, еле тлели угли на специальной жаровне в дальнем углу.

Разглядев это изваяние, механик сначала испугался, а потом озадачился. Если это привидение, то приходилось признать, что они бывают, с чем просвещенный механик не хотел соглашаться. А если нет, то, — что эта красotka, здесь делает? Даже по расплывчатым очертаниям лица и фигуры было видно, что эта девушка далеко не уродина. А по одежде, что

она не из бедных. «Интересно, — пришла в голову пьяного механика самодовольная мысль, — может быть, это жена одного из ханов прослышала о появлении в орде красавца-духа и решила повернуть историю монголов вспять? А что, вполне смахивает на легенду».

Ведь Забубенный знал, что по легенде все монголы произошли от «желтого пса». Духа, который являлся в полночь в юрту к прародительнице монголов Алан-Гоа через дымовое отверстие и уходил с рассветом, словно желтый пес. От этих свиданий Алан-Гоа родила трех сыновей, не считая двух от мужа, среди которых был Бондочар, предок рода Борджигинов, что означало — синеокие. Зачатие происходило от света, исходившего от юноши, поэтому считалось, что голубизна глаз и рыжеватость волос монголов, — последствия происхождения от «желтого пса».

«Ну, я конечно, не «желтый пес», — подумал Забубенный медленно приближаясь к девушке и садясь с ней рядом на ковер, — но как-никак дух. Значит, есть, о чем поговорить».

Однако, о чем думала эта таинственная незнакомка, Забубенный узнал очень быстро. Едва он присел с ней рядом, как робкая с виду девушка, распахнула на нем халат и сдернула его с оторопевшего механика. Затем скинула с себя замысловатый головной убор, разметав по плечам длинные волосы, и расстегнула платье, которое само сползло с нее, словно кожа со змеи. «Ну и дела», — только и успел подумать Забубенный, когда монголка пошла в атаку. Набросившись на Григория, она толчком повалила его на ковер, запрыгнув сверху и непрерывно покрывая его тело горячими поцелуями, стащила все исподнее. Механик, хоть и был пьян, но не так сильно, чтобы ничего не ощущать. Он инстинктивно включился в процесс, прижал девушку к себе, и на ощупь определил, что это не призрак. Слишком горячей была ее спина и грудь, ну а ниже все вообще пылало. «Видать, истосковались девица», — решил Григорий. Хотя, сколько лет было девице, на ощупь понять не получалось, монголки они все не крупные. Но это было и не важно, главное, горячие. Окончательно забыв свои страхи, механик отдался на волю чувствам, и взял процесс в свои руки, подмяв под себя хрупкое монгольское тельце.

На утро его разбудили звуки рано просыпавшегося монгольского лагеря. Забубенный не открывая глаз, потрогал себя, — шерсти не было, псиной не пахло. Значит, сам ни в кого не превращался. Пошарил руками по коврику, — никаких призраков. Ни горячих, ни холодных. Открыл глаза, — никого. Если и была этой ночью у него призрачная женщина, то, уходя она ничего не забыла из своей сложной одежды. Григорий снова разочарованно пошарил по коврику, — может, хоть сережку обронила. Ничего.

Тогда Забубенный попытался припомнить события этой ночи, но кроме ощущения всепроникающего жара ничего не оставалось: ни лица, ни фигуры, ни голоса. Он даже засомневался, а было ли вообще что-то. Но мужские ощущения не давали себя обмануть, — было. И еще как.

Но утро только начиналось. Скоро явился нукер с неожиданным приказом от Субурхана, — выступать обратно степи Закавказья, не дожидаясь окончания празднеств. На дворе стояла зима. Вот уж этого Забубенный от монгольского начальника никак не ожидал. Полгода тащиться к черту на куличики в орду, погостить там недельку и полгода идти обратно, — на это были способны только монголы. Но себе Григорий мог признать, съездил он не зря. У него возникло странно ощущение, что он уже принял участие в судьбе монголов, независимо от их будущих действий. Ведь сколько они ни бились, а, в конце концов, стали частью Руси. А для этого должно было быть какое-то предопределение, невидимое глазу.

Собираясь в дорогу, Забубенный в задумчивости бродил по монгольской кочевой столице, топчя снег теплыми пимами из оленьей шерсти, — старт, почему-то был назначен на полдень, а не на рассвете, как обычно. А до полудня еще было время, собирать механику было особенно нечего, — чертежей новой башни ему чжурчжени не дали, да он особенно и не просил. Сказали, сделаешь так и так, Забубенный кивнул «сделаю». А Субурхану соврал, что все дали. Башня будет круче прежней в два раза. Опыта ему было не занимать даже у чжурчженей, воровавших свои идеи у заезжих или пленных европейских инженеров.

Прохаживаясь по лагерю, где на него с интересом взирали проезжавшие мимо воины, Забубенный случайно набрел на какой-то хозяйственный двор. Перед юртой лежали тела нескольких забитых оленей, над которыми колдовал местный мясник или скорняк, отделявший тушу от кожи. Увидев оленя, Забубенный не удивился, по местным меркам Сибирь была рядом, видимо и снабжение зимой было налажено неплохо. Глядя на тушу, Григорий уже знал, что ни окорок, ни филей, ни кости, ни рога, ни копыта, не пропадут. Все пойдет в дело. Рядом горел костер, на котором монгол грел окровавленные руки, то и дело, замерзавшие от свежевания на морозе. Рядом сидел его сынишка, игравший с вырезанными из туш пузырями. Он надувал их сам, как жвачку, а иногда держал над костром, так что те начинали надуваться, устремляясь вверх, но лопались, поскольку не было у них нужного каркаса, а воздух был слишком горяч. «А ведь так можно и воздушный шар изготовить, — подумал вдруг механик, и мысль о побеге на Русь снова возникла в его буйной голове, — надо только нужные материалы раздобыть, да все изготовить в нужной пропорции. Все дело в пропорции».

Об этом он и думал всю дорогу домой, пока те же три тысячи всадников Субурхана преодолевали заснеженные степи, обходили будущий Байкал, переплывали будущий Иртыш, миновали Аральское и Каспийское моря, и немного захватив Уральские горы, снова вышли на Волгу и углубились в лежавшие вдоль нее степи.

«Я эти степи в телевизоре видал», — ворчал себе под нос Забубенный, пятая точка которого уже задубела от постоянных конных путешествий. Он никак не одобрял такие путешествия монголов, — полгода туда — неделя там — полгода обратно. Нет, чтобы остановиться, на берегу на одного из многочисленных озер или даже морей, что попадались на пути. Позагорать недельку, отдохнуть. Ведь и погода была хорошая. Нет, надо, видите ли, им обратно, бить половцев.

Шли так долго, что зима успела закончиться, а когда отряд Субурхана вернулся на стоянку в половецкие степи, то уже шел месяц май нового года. За время похода Григорий оброс бородой, заматерел и почти перестал мыться, как настоящий монгол. Тело его стало поджарым и мускулистым, жирок на боках от постоянных физических упражнений на воздухе, сам собою испарился. Так что чувствовал он себя вполне нормально, никто его особенно не ожидал, а за время путешествия он стал как бы тенью Субурхана, возможного наследника престола в орде, но это его почему-то не радовало. Оказавшись снова в половецких степях, Григорию неудержимо захотелось на родину. Ностальгия, молчавшая в отдаленных краях монгольского улуса, вдруг возникла снова и мгновенно замучила.

Забубенный увидел за прошедший год много нового. А вот здесь, на месте стоянки лагеря Тобчи, словно ничего и не произошло. Как тот доложил прибывшему Субурхану: венграм всыпали по первое число, отогнав почти всех за Дунай, сходили в Крым, пожгли местных жителей, один раз ходили в Тмутаракань, но там отбились. С ближайших гор приходили обиженные грузины отомстить за металл. Но Тобчи отрядил Джэбека, и тот снова загнал их в горы и отобрал остатки запасов, чтобы не повадно было спускаться на равнину. А в остальном, все шло как обычно. Можно было продолжать поход на Запад.

Вот только, Тобчи по старой привычке покосился на Забубенного и добавил, что снова стали появляться разведчики на половецкой границе со стороны Руси. Племена, обитающие там, явно что-то затевали. По данным монгольской разведки уже несколько месяцев к широкой реке, что местные зовут Днепром, стекаются многочисленные войска русичей. Следовало убедиться в их намерениях. И еще, Тобчи случайно перехватил в Крыму гонца от византийских императоров к киевскому князю, что вез известие о караване с оружием и «греческим огнем». Караван уже вышел из Константинополя и плыл в Киев. Через пять дней он должен был проходить пороги в том самом месте, где Буратай год назад разграбил азиатский караван. Тобчи считал, что греки идут на помощь к русичам, а те хотят нанести удар по монголам. Этого нельзя было допустить.

Субурхан согласился со своим хитрым военачальником. Тобчи знал толк в международной политике.

— Караван остановить и обезоружить. При сопротивлении, сжечь, — приказал Субурхан, — но лучше захватить все оружие. Оно нам скоро пригодиться.

— Можно и мне с ними? — попросился Григорий, — переводчиком. Плоския же греческого не знает. А я знаю. Так от меня хоть польза будет. Все равно в лагере делать нечего, пока дров и смолы на новые башни не насобирают. Верно ведь?

В дополнение к своей просьбе Забубенный произнес по-японски, в надежде, что греческого никто из военачальников не знает.

— Ич-ни-сан-ши-гоу-рок-сыч-хач-кю-дзю! Оригатога-зеймаста! — и добавил, увидев удивление в глазах монголов, — хантай, хаджимэ, мокусю.

Субурхан переглянулся с Тобчи и коротко кивнул. На утро отряд все того же темника Буратая с Кара-чулмусом в качестве переводчика снова ускакал в сторону Днепра.

Глава двадцать вторая

«Побег к Зарубу»

Ох, и холодна же была днепровская водица. Прошив поверхность, словно кумулятивный снаряд, механик мгновенно ушел на глубину, возблагодарив Бога за то, что здесь под мысом не было мелководья. Однако, внизу оказалось еще холоднее, и он пулей вылетел обратно на поверхность. Рядом вошли в воду две стрелы.

Григорий поднял голову и увидел монгольских лучников, которые, забыв о приличиях, стоя на краю обрыва, выцеливали в бурных волнах самого Кара-чулмуса, некогда наводившего на них ужас. Забубенный снова нырнул, затем вынырнул, углядел ладью, что прыгала по волнам метрах в двухстах и поплыл, то и дело снова ныряя под воду, уже в ее сторону. К счастью ладья шла встречным курсом, но до точки расхождения можно было и не успеть. И Забубенный, удалившись от берега на безопасно расстояние, точнее настолько, что стрелы ложились уже не так кучно, наплевал на безопасность и поплыл кролем. Так было быстрее всего. Да и тело согревалось лучше. А то, не ровен час, сведет ногу и капут. Поминай Кара-чулмуса, как звали. Проплывут по волнам пенным мимо и не заметят.

Приблизившись, Забубенный решил подстраховаться, холодно все же было, высунулся из воды и крикнул:

— Братцы, помогите! Тону!

На ладье его услышали. Глянули ратники на воеводу. Тот кивнул в ответ: надо помочь, наш вроде, парень.

— Плыви ближе, — крикнул ему Василько, — да за веревку хватай!

Забубенный сделал еще несколько судорожных гребков и ухватился за кусок свисавшей через борт веревки. Но подтянуться сил уже не было. Замерз и посинел весь. По счастью сидевшие в лодке ратники это и так видели. Подтянули Григория к борту поближе, да втащили, за рубаху схватив. Едва успели они это сделать, как впилась в борт стрела каленая. Затем еще одна пробила борт тонкий насквозь. Близко ладья к утесу подошла.

Возмутился старшой на лодке.

— А ну, послать гостинцев в ответ обидчикам.

Трое лучников на корме натянули тетиву и уважили неизвестных воинов. Стреляли они искусно, но нападавшие все же на утесе были, да меж деревьев. Только одного удалось снять. Получив стрелу в грудь, тот упал со скалы и с громким всплеском погрузился в воды Днепра.

Скоро, поймав ветер попутный, ладья пошла ходко, хоть и против течения, скрылась за поворотом, оставив мыс лесом поросший за кормой. Перестали доставать ее стрелы.

— Ты кто такой будешь? — поинтересовался бывалый воин, видно, местный начальник, у Забубенного, что лежал на дне небольшого суденышка весь мокрый и стучал зубами, — откудова? И что это за людишки за тобой охотятся?

Григорий не мог поверить, что спасся. Говорили с ним вроде бы по-русски, да одеты были спасители тоже не как азиаты или монголы. Значит свои. Но, таких своих в

сопредельных княжествах было непонятное множество. А в нынешней обстановке всякому душу изливать было даже опасно. Может, очередные бродники. С ними надо держать ухо в остро, пока не поймешь что к чему.

— Спасибо братцы, что подобрали, думал уж околею, — начал издалека осторожный механик, — дали б чего-нибудь для разогреву, а то зуб на зуб не попадает. Вроде лето почти, а вода холодная.

Старшой только мигнул, и у Забубенного в руках мгновенно образовалась чарка с медовухой, да еще, какой крепкой. Василько налил ее до краев. Не пожадничал.

— Пей, спасенная душа. Грейся.

Забубенный впил залпом. Приятная теплота разлилась по всему телу и слегка затуманила мозг. Погоня и плавание медленно отходили на второй план. Черт побери, ведь он выбрался от этих монголов. Все-таки выбрался. Ради этого стоило рискнуть. Обдурил Буратая как младенца. Остался один всего-то на мгновение. Глядит на Днепр, и словно «дежавю» с ним, — он на том же мысу, а по волнам опять ладья идет в сторону Руси. Ну и сиганул в воду, не раздумывая. Третий раз такого шанса точно не будет. Но что это за полет был! «Никогда не забуду, — подумал Григорий, глядя на желтое солнце, висевшее прямо над головой и обсыхая понемножку, — такое не забывается. С парашютом, наверное, и то не так страшно».

— Так кто таков будешь? — повторил вопрос старшой.

— Я-то? — переспросил Забубенный, и ответил первое что вспомнил, язык понемногу развязывался, — Кара-чулмус. Тыфу ты, привык уже. Григорий я, Забубенный, русский по паспорту. Сбежал из монгольского плена. Двигаюсь на родину. Подбросьте, сколько сможете в сторону Руси.

Старшой кивнул удовлетворительно.

— Значит, русич. Хорошо. А из каких будешь? Русь большая.

— Да из черниговских, — решил долго не травить байки Забубенный, и впарил местному командиру заученную легенду, — из купцов я тамошних.

Старшой снова кивнул. Значит, черниговский подданный. И то ладно.

— А как же ты в плен попал к монголам, да и кто такие эти монголы? Что-то я ребят сиих грозных раньше не встречал. Хорошо стреляют.

— О, это страшные люди, — проговорил Забубенный, и погрозил утесу кулаком, — Кочевники, вроде половцев. Только хуже. Я в прошлом году с братом ехал торговать по степям половецким. А тут они как налетели, повязали, все деньги и документы отобрали. Да в плен угнали. Вот с тех пор и скитаюсь. Не знаю даже, что на Руси творится.

Начальник ладьи, сидевший на носу небольшого суденышка, что было втрое меньше той, на которой в свое время плыли черниговцы, снова присмотрелся к спасенному мужику. Станный он был какой-то, малохольный и слова говорил непонятные. На купца не сильно похож. Ну, да бог с ним, едва смерти избежал. Да на грудь уже принял. Вот и развезло. До Заруба всего день идти, доставим его туда, князю отдадим, ежели интерес будет, пускай сам разбирается. А нет, пусть идет к своим черниговцам, благо рядом стоят.

— Давно ль в плен-то попал? — уточнил старшой, — не пытали?

— Да я уж счет дням потерял, — продолжал вещать Забубенный, — давно. Пытать не пытали. Ограбили, и работать заставляли под страхом смерти. Все больше по столярным работам. Башни осадные чинить. Я хоть и купец, но в ремесле понимаю. Да только сильно я не работал, а как случай представился, то и утек сразу.

— А много этих монголов-то? — гнул свою линию старшой.

— Много, — сказал Забубенный, — и не сосчитаешь. Я ведь не всех видел. Но, думаю, тысячи. Много тысяч.

Более точную информацию он решил утаить для своих черниговцев, до которых, правда, следовало еще добраться.

— А что они на Днепре делают, не ведаешь? Сам-то как здесь оказался?

— Пригнали меня вместе с народом мосты наводить, — самозабвенно врал

Забубенный, — А зачем, не знаю. Видать, караваны проходящие грабить.

Григорий уже понял, что спасся. Что находился среди своих. Хотя кто они и откуда, еще не понял. Скорее всего, убивать его сейчас никто не собирался. Значит, можно было немного расслабиться. О настоящей причине нападения на караван и своих связях с монгольским генералитетом Забубенный решил пока умолчать. Мало ли чем это могло обернуться.

Но ситуацию с попутчиками следовало прояснить. Григорий, присев на лавку, и осмотревшись, спросил:

— А сами то вы, люди добрые, откуда, и куда путь держите?

— Мы то из Галича, человеچه, что на Днестре стоит, — ответил старшой в тон Григорию, — слыхал про такой, небось? Купцы-то, они, ведь все знают.

Забубенный про реку Днестр еще слыхал, а вот про Галич никогда в жизни. Провал в географии. Но для порядка кивнул, что в курсе. Кто же не знает где Галич? Все знают. Это где-то между Владимиром и Парижем.

— Плыдем мы из похода ближнего в стан свой у Заруба, где дружина княжеская сейчас лагерем стоит.

Великий механик Григорий Забубенный, как услышал про Заруб, чуть за борт не свалился от приятной неожиданности. Выходило, что его извилистый путь по степи превращался в кольцо и снова выводил к Зарубу. Все возвращалось на круги своя.

— Ну, а я, Юрий Доморечич, — соизволил, наконец, представится собеседник механика, — воевода князя моего Мстислава Удачного, что владеет великим Галицко-волынским княжеством. А со мной люди мои дружинные.

Теперь все встало на свои места. «Еще один воевода, — с удивлением подумал Забубенный, но все же кивнул, в знак уважения, — везет мне на воевод». Хотя имя князя его смутило. Черниговского князя, начальника Путяты, пославшего его на разведку вместе с Забубенным, тоже звали Мстислав. Если механику, конечно, не окончательно отшибло память в монгольском плену.

«Кругом одни Мстиславы, — размышлял Забубенный, — Что за мода такая? С фантазией у них плоховато. Нет, чтобы Васей назвать или, например, Иваном. Хотя, за Иваном дело не станет. Лет через триста такой Иван появится, закачаешься. Даже целых два Ивана подряд».

В это время ладья, окончательно обогнула скалистый мыс, и, оставляя его позади, устремилась к новой излучине. Но, неожиданно впившаяся в мачту стрела, напомнила, что ладья еще не далеко ушла от монгольских товарищей. Забубенный с воеводой Галицким одновременно повернули головы в сторону берега, на котором разглядели нескольких лучников, стоявших над обрывом и пускавших стрелы вдогон. Судя по всему, они пересекли поросший лесом мыс насквозь и снова оказались у точки, с которой можно было поразить противника. Видно, Буратай никак не мог смириться с поражением, а доложить Субурхану, что он упустил беглеца-вампира, означало на войне только одно, — Буратай мгновенно казнит вместе с сотней.

— По твою душу стараются, — философски заметил воевода, но пригнулся ближе к борту, — да только зря, еще чуток и уйдем. Не бойсь, купец. Не достанут.

Да, Субурхан, по размышлению Григория, имел сейчас все предпосылки слегка обидеться на неблагодарного механика. «Хотя, чего переживать за Субурхана, — решил механик, тревожно вглядываясь в берег, поросший соснами, — он, парень сильный. С политическими проблемами как-нибудь и без Кара-чулмуса разберется. А благодарить его, собственно, тоже особо не за что. Он ведь меня когда-то вообще убить хотел, послал в мясорубку с этим Бури-Боко. А я свободный механик. Мне дома жить охота. Только, вот, добраться бы до него по добру, по здорову».

— А что на Руси, войны с монголами еще нет? — поинтересовался Забубенный, осторожно взглянув на Доморечича.

— Да, нет пока, — ответил, помедлив, воевода, — брожение одно.

«Значит, скоро будет, — подумал, обречено, Григорий, — похоже, приеду я из огня да в полымя. Не ровен час, монголов на хвосте приведу. Найти бы, что ли своих, побыстрее, черниговских. Спокойнее будет». А вслух спросил:

— Так вы к Зарубу идете. А черниговцев наших там не видать случайно?

Воевода прищурился.

— Есть, вроде. А ты почему знаешь?

— Да я и не знаю, — прикинулся Забубенный, — так, предположение сделал. Подумал, что если есть там люди из Чернигова, то они и помогут мне добраться домой. Вы меня до Заруба подбросьте, а дальше я там как-нибудь сам. Задержался я что-то в монгольском плену. Дома жена ждет, дети.

Помолчал Юрий Доморечич, ответ свой обдумывая. Нет, странный все-таки мужичонка у него в лодке оказался. От монголов сбежал, про черниговцев что-то знает. Говорит складно, да только врет все. На вранье у воеводы Галицкого нюх особый был. Иначе, князь его и близко бы не подпустил на государственную службу. Тут в людях разбираться надо. То ли увел что-то ценное парень этот у монголов, то ли сам их лазутчик. А стреляли, может, для виду только, чтоб в доверие войти. Ведь не попали. Знать, не простой человек у него в гостях очутился. Надо бы по прибытию все же с ним потолковать по душам.

«Отведу его пред светлы княжеские очи, чтобы спросу с меня меньше было, — решил Доморечич, — князь сам любитель потолковать с пленными. Поиграть каленым железом».

Воевода возвращался на ладье из разведки земель запорожских по заданию Мстислава Удачного. За порогами Доморечич не нашел никого, о чем и спешил сообщить князю, что первым привел на сбор объединенное войско Галицко-волынского княжества на тысяче ладей и уже второй месяц стоял лагерем у Заруба, дожидаясь остальных князей. Скоро и они подошли со своими задиристыми дружинами. Но, о противнике у князей имелись только разрозненные сказания, по большей части от самих половцев, что, мол, быстры и страшны в бою. Велики числом. Но лицом к лицу никто из русичей их еще не видал. Не нравилось такое дело Юрию Доморечичу, сходи туда не знаю куда, найди того, не знаю кого, а потом мы его бить будем.

Он сходил туда, но никого не нашел. На счет скорой встречи с врагами у многомудрого воеводы галицко-волынского было свое мнение. Хотеть то князья хотят, да только каждый по-своему. Каждый норовит славу себе вперед других поиметь.

Прямое начальство, — Мстислав, хозяин Галицко-волынского княжества, что в народе прозывался Удачный, привел большую дружину. Правда, почитай половина из которой половцы были, что под ханом Котяном ходят. А начальником, то бишь воеводой по-нашему, у половцев Ярун бесноватый. Дружина то немалая, да только князь не разведчиков, коими воевода Доморечич руководит, а все больше Котяна слушает, тестя своего, да остальных половцев, что воду мутят. А родственники ему нашептывают, что враг хоть и силен, да мы сильнее. Как навалимся всем миром, так и выгоним с земель половецких. Родственникам ведь помогать надо. А то не ровен час и на Русь придут. Эх, как бы не пришлось погибать галичанам за грехи половецкие.

Мстислав Романович Добрый, князь Киевский, дружину самую большую привел, под командой зятьев своих, — князей Андрея и Александра Дубовецкого. Со всех богатых киевских подданных земель дружина та была собрана. Тысяч тридцать воинов без малого, были, серди них и витязи известные далеко за пределами княжества.

Соседний черниговский князь, — Мстислав Святославич Чернявый, тоже привел под своими знаменами к Зарубу дружину не малую. Пришел с ним богатырь знаменитый Александр Попович и еще тридцать богатырей. Пришли жителей Смоленска, Путивля, Курска, Трубчевска и другой люд из местечек многих. Мстислав Чернявый сказывают, больше всех ведает о врагах незнаемых. Передают люди добрые, что разведчиков в самую степь заслал хитрый князь. Хочет, видно, Мстислав Чернявый славу поиметь большую среди всех князей, да потом на престол великокняжеский метит. Ну, да кто ж туда не метит. Это дело понятное. Но, не делится князь Черниговский с остальными тем, что знает. А жаль. Для

битвы общей не хорошо это.

Не пошли к Зарубу Рязанские князья, Суздальские, да Владимирские. «Не наше, мол, дело, говорят. Не знаем никаких монголов». Но и без них сила не малая собралась. Почитай тысяч восемьдесят воинов вместе с половцами. Одних богатырей почти сто человек. Такую рать одолеть это не каждый враг сможет. А врагов сильных по границам Руси давно уж не водилось.

— Я так думаю, — сообщил воевода умолкнувшему на время Забубенному, что бродил взглядом по прибрежным соснам, — Мы к Зарубу идем. Вот и тебя туда отвезем, раз по пути, да и сам ты туда просишься. Чего ж, не помочь доброму человеку.

Григорий молчал, ожидая продолжения. Что-то Юрий не договаривал. Воевода, меж тем, передохнул чуток и продолжил.

— Но, время сейчас мутное, сам знаешь. Того и гляди, война начнется. Так что, прежде чем тебя к своим отправить, извиняй купец, потолкует с тобой князь наш Мстислав Удачный. Поспросаает о том, о сем. Окажешься купцом всамделишным, отпустит на все четыре стороны. А дно второе найдет, — не обессудь, паря.

Не очень любил Забубенный общаться с руководством верхними эшелонами. У них на все свои резоны и жизнь простого человека, пусть даже и великого механика, для них не стоит и гроша. Все от настроения зависит. Плохо выпался, — казню человек десять или сто. Хорошо, — всех прощу. Ни то, ни се, — головы отрублю. Надо же как-то себя развлекать.

А ну как этот хозяин Галицко-волынского княжества его за шпиона примет сдуру, и действительно прикажет голову срубить? В общем, не нравилась такая перспектива Григорию. Но и на берег сигать тоже не хотелось. Рановато. Там монголы по лесам шныряют, преследуют, здесь свои подозревают по законам военного времени. Тоже мне, контрразведка галицко-волынского княжества. «Ладно, — решил про себя Забубенный, — нам бы до Заруба дотянуть. А там, даст Бог, кого из своих увидим. Если в живых кто остался. Отобьют. Да в обиду не дадут. Может быть».

— Ну, — промолвил механик вслух после долгих размышлений, — раз уж недоверие ко мне вышло, то, видать, придется парой слов перемолвиться с князем вашим по прибытию. А сколь до Заруба то идти, далече?

— Да не особо, — туманно ответил воевода, разглядывая берега, — ты отдохни пока. Умаялся, небось. Вздремни. Силы то они нужны всегда.

И сделал указующее движение своим ратникам. «Заботливый какой, гад, — злобно подумал Забубенный, — а дай волю, так моментально на кол посадит. И не задумается, сволочь».

Но, как ни крути, а в ближайшей перспективе Григорию действительно не помешало бы хорошенько выспаться. Так он и сделал. Смирился со своей судьбой. Пробрался на корму, где дружинники по приказу Доморечича кинули ему для мягкости какую-то подстилку на днище, и улегся прямо под ноги рулевому. Места в ладье лишнего не было совсем. Едва он прилег на жесткое сыроватое дно, как пришел мгновенный и глубокий сон. Сегодняшняя нервотрепка с побегом и плаванием в холодной воде жестоко измотала его нервную систему, а медовуха ее приятно расслабила. И потому сон механика был просто прекрасен, несмотря на яркий солнечный свет, усталость, холод и жесткую походную кровать.

Во сне механик снова был счастлив. Ему приснилась любимая работа. Начальство простило его и снова доверило отлученному от станка механику сложнейшую работу, — починить двигатель от новехонького «Мерседеса», в котором засорилась какая-то форсунка. Чудомашину привела в гараж сногшибательная блондинка в мини-юбке красного цвета. Сообщив механику, что у нее там сломалась какая-то штучка и теперь машина делает «Жу-Жу, вместо Ж-Ж-Ж», она томно удалилась. Проводив затуманенным взглядом блондинку, Забубенный перевел его на машину и взгляд мгновенно прояснился.

На радостях застоявшийся без настоящего дела великий механик подошел к работе с огоньком и автогенном. Сломанную форсунку на складе местного автохозяйства отыскать не

удалось, а ждать ее прихода от поставщиков было слишком долго. Выдержать ожидание, когда работа просто кипит в руках, а руки чешутся от желания, Забубенный просто не смог. Поэтому мотору было предложено заменить форсунку прибабасом из карбюратора и нескольких подводящих трубок, — изделие, рожденное гением Забубенного. И мотор заработал. Да не просто заработал, а стал выдавать такое «Ж-Ж-Ж-Ж-Ж», что слышно было в соседних гаражах через улицу.

Но, на достигнутом, естественно, Григорий не мог остановиться. И он решил облегчить девушке кузов, превратив его в свое любимое купе без крыши. Однако, едва взявшись за автоген, великий механик был вынужден проснуться, — кто-то наступил ему на руку.

Открыв глаза Забубенный, вернулся в мир, который еще не подозревал о существовании автогена, и осмотрелся. На корабле галичан царила какая-то суматоха. Мимо него, точнее через него, туда-сюда носились ратники, подтягивая парус и какие-то веревки, словно к чему-то готовились. Приподнявшись немного, Забубенный возвысился головой над деревянным бортом и глазам своим не поверил.

Глава двадцать третья

«Разговор княжеский»

В вечернем свете, а солнце уже садилось и это означало, что механик с легкостью проспал весь день, Забубенный разглядел недалекую пристань и множество шатров на пологом берегу за ней. Что-то знакомое припомнилось Забубенному. Похожее место на эту излучину реки и эту пристань Григорию уже доводилось видеть, и не во сне, а именно в этой, древнерусской жизни. Только на берегу людей тогда было гораздо меньше. Можно сказать, вообще никого.

А сейчас на этом берегу раскинулся целый город из походных шатров, не меньше монгольского, как показалось Григорию спросонья. Только в отличие от монгольского лагеря, кроме шатров тысячи крутобоких ладей стояли здесь плотно бок о бок, приткнувшись прямо к берегу и образуя целую набережную своими корпусами. Так, что местечка вклиниться между ними было не заметно. Зато повсюду, то тут, то там виднелись наскоро сделанные из бревен пристани, выдававшиеся в воду метров на пятьдесят бревенчатые настилы. Чтобы могли без помех приставать к ним вновь прибывающие ладьи или другие суденышки специального назначения с гонцами, как ладья галичан. Новые войска, как подумалось Забубенному, скорее всего, размещались дальше по берегу согласно какому-то плану, о коем ведали только три великих Мстислава: Добрый, Чернявый да Удачный.

Много ладей, а за ними и много костров на берегу, разглядел еще сонный, но уже почуявший былую легкость в теле после отдыха, механик. Костры в опускавшихся сумерках все ярче горели по всему берегу, сообщая о местах сбора больших и мелких воинских группировок: дружин, поделенных на отряды.

Но, не только регулярные войска из дружинников были здесь. Увидел Забубенный и многочисленное ополчение, сходное своим видом с обычной воровской шайкой Васьки Косого. Сотни мужиков бродили по берегу с вилами, дубинами, топорами да цепями от костра к костру. Вооруженных мечами людей среди них было почти не видно. Да и доспехов на них было маловато, можно сказать, совсем не было. Все в обычных штанах и рубахах, лишь на некоторых были рубахи кожаные, да только у самых богатых, — кольчуги.

Даже находясь в ополчении, можно сказать на военной службе, мужики время зря не теряли. Кто-то уже успел напиться медовухи и горланил песни на всю ивановскую, нарушая маскировку, так что и до проплывавшей мимо ладьи долетали слова песен. А кто-то просто сидел на берегу и ловил рыбу на немудреную снасть. Жизнь, она ведь не ждет. Она времени требует.

Продвигаясь вдоль берега, заметил Забубенный и несколько знамен, что держали в руках гордые знаменосцы, стоявшие на карауле у шатров своих полководцев. Но где чье

войско стоит, он пока не знал. Не разбирался Григорий ни в знаменах, ни в символике. Смутно помнил, конечно, стяг воеводы черниговского, но и в его конкретных очертаниях уверен не был.

А потому, как отыскать черниговцев, если ни одной знакомой рожи не встретится, он пока не представлял. Но надеялся. Они здесь должны были быть. И, если Юрий Доморечич, силком его не отведет к своему князю, на что было очень похоже, то Григорий как-нибудь черниговцев отыскать все же надеялся. Поскольку поступать на службу к предводителю Галицко-волынского княжества он пока не собирался, если, конечно, снова не заставят под страхом отделения головы от тела.

«В крайнем случае, — соображал Григорий, глядя на проплывающие мимо шатры, костры и сборища ратников, — устрой дебаш и дикие крики. Может и услышит кто из своих, да спасет. Не бросят же черниговцы родного купца». Но этот вариант он решил оставить напоследок, если уж сразу на кол начнут сажать, без разговоров долгих.

А пока заметил Забубенный лишь то, что по внешним признакам миновали они одну дружину, что стояла отдельно на берегу, а приставать собирались к стоянке соседней. Видать, размещен был кто-то рядом с галичанами из сопредельных княжеств. Только вот кто: черниговцы или киевское войско? Черт их разберет.

А ладья, между тем, повинувшись умелой руке рулевого, встала поперек течения Днепра и осторожно пошла к одной из видневшихся на берегу новодельных пристаней, у которой уже столпилось человек пятнадцать ратников, судя по всему, распознавших в прибывающей ладье свою. Забубенный вглядывался в лица встречающих, но никого из знакомых не узрел.

Увидев заветный берег, воины Юрия Доморечича опустили парус, взяли за весла. Несколько сильных гребков и, мягко стукнувшись о причальные бревна, ладья завершила свой поход. С носа ее на пристань первым спрыгнул отрок с веревкой в руке, быстро примотал конец к торчавшему из воды бревну и убежал на берег, скрывшись в сумерках. «Наверное, местный молодой хлопец на посылках, — решил Забубенный, — первый год служит. Убежал ночлег готовить».

Следом за хлопцем спрыгнули на бревна еще несколько воинов и, лишь затем, преступив через борт, на пристань сошел сам воевода Юрий Доморечич. Забубенный пока оставался в ладье под присмотром остальных галичан.

Прошагав по пристани неторопливым шагом важного служилого человека, воевода ступил, наконец, на твердую землю. Там к нему навстречу шагнул широкоплечий воин в дорогом доспехе, тоже, видать, не из простых ратников.

— Ну, здравствуй Юрий, с возвращением, — поприветствовал его неизвестный.

— И ты здоров будь, Гнездич, — ответил охотно воевода, — что князь?

— Пировал с Котяном да Яруном. Почивает теперь. Но, велел будить сразу по твоему приезду, — сообщил Гнездич, — Ждет тебя с известиями.

— Почивает, говоришь. Ну, что ж, буди, — кивнул воевода в сторону ладьи, — известия кое-какие имеются.

И сделал знак, чтоб вели Григория.

— Давай, брат, — подтолкнул его к пристани один из стоявших рядом с ним ратников, — воевода, вишь, кличет.

Забубенный нехотя подчинился. Перешагнул через борт покачивавшейся на волнах ладьи, ступил на пристань.

— Не задерживай, — снова поторопил его ратник, шагавший сзади.

Григорий хотел было возмутиться насчет свободы передвижения, но вспомнил, что он не в Америке, и даже не в России двадцатого века. Права качать здесь было довольно трудно. Особенно, если ты без меча и один в поле. А последний звонок и помощь адвокатов ему, скорее всего, вообще не полагается. Поэтому, затаив обиду, он молча спустился с пристани на берег и встал рядом с Доморечичем.

Гнездич осмотрел Забубенного, на котором высохшая одежда висела мешком и, судя по всему, не преисполнился к нему уважения. А, скорее всего, даже усомнился в важности его

информации.

— Этот известия знает? — поинтересовался недоверчиво Гнездич.

— Веди к князю, — коротко и с нажимом сказал Юрий стоявшему напротив Гнездичу, — время дорого.

Ратник, который, как показалось Забубенному, был главой личной охраны самого князя, медленно повернулся и зашагал в сторону походных шатров. За ним пристроились еще четверо из стоявших на берегу воинов. В центре группы шел временно лишенный свободы передвижения Григорий рядом с воеводой галицко-волынского княжества, сразу за которым вышагивало еще человек десять ратников из числа тех, что плыли с ними на ладье. Скоро этот импровизированный отряд удалился от берега метров на сто и углубился в лабиринт шатров, между которыми горели костры.

Вкруг каждого сидели и грелись воины в полном облачении, словно им в любую минуту мог поступить приказ вскочить на коней и ринуться в бой. Видно здесь не на шутку готовились к войне, которая могла начаться в любую минуту. Несмотря на то, что войска уже снялись с насиженных мест и выдвинулись к Зарубу, толком, похоже, никто не знал с кем и когда предстоит воевать. Поэтому Григорий сейчас был самым ценным свидетелем, за которого каждый из князей-соперников, по его мнению, готов был дорого заплатить, чтобы узнать то, что знал Григорий. Но никакого торга могло и не случиться. Нравы в двенадцатом веке были гораздо проще. Сейчас его уже вели к Мстиславу Удалому, который мог его просто вздернуть на дыбе для начала, чтобы собеседник стал помягче характером, а потом уж выспросить все спокойно. Поговорить, так сказать, по душам. И все секретные сведения, добытые механиком с риском для жизни, достались бы тогда сопернику Мстислава Чернявого. Просто так. Даром. И это было обидно. Нужно было срочно что-то делать.

Забубенный крутил головой по сторонам, но знакомых прока не попадалось. Сидевшие у костров ратники громко балагурили, смеялись и трапезничали каким то закопченным на огне мясом. Забубенный, уже целые сутки не евший по человечески, ощутил покалывания в желудке, словно тот напоминал, что неплохо бы и подкрепиться. «Да я бы и не против, — размышлял сам с собою Григорий, — только некогда и нет пока подходящей компании».

Так бодрым шагом они прошли еще метров пятьсот, спустившись в овраг и углубившись в небольшую рощицу. Оставив позади костры с трапезничавшими ратниками. Следующие шатры виднелись вдалеке впереди справа и слева. Когда отряд приблизился к ним и проходил мимо левой группы походных жилищ, из сумрака между шатрами, который казался еще гуще от падавшего на них отсвета ближайшего костра, неожиданно выступила фигура ратника в алой накидке почти до пят. Григорий даже отшатнулся. В полумраке и этом наряде ратник напомнил Забубенному призрак замка Морэсвилль, неприкаянно и молча блуждающий по длинным подземельям. И наводивший ужас на каждого встреченного человека. Но тут призрак неожиданно громко крикнул:

— Здорово, брат-купец! — и добавил, полностью материализовавшись в отсветах костра, — Куда путь держишь?

Из-за спины призрака выступили еще человек десять ратников в кольчугах. Забубенный узнал этот голос мгновенно, а, присмотревшись, убедился окончательно, — Куря! А за ним, — целый отряд черниговских воинов. Он чуть не вскрикнул от радости: Свои!

— Здорово, Куря! — сказал Забубенный радостно, еле сдерживаясь, чтоб не хлопнуть по плечу выплывшее из сумрака изваяние ближайшего помощника Путаты.

Но с места не двинулся. Побоялся. Едва прозвучало приветствие Кури, как весь отряд, бодрым шагом шествовавший по направлению к шатру Мстислава Удачного, где тот еще недавно пьянствовал с вождями половцев, остановился как вкопанный. Гнездич и его ребята привычным движением схватились за рукояти мечей. Люди Доморечича, чуть помедлив, тоже. Ни одно движение не ускользнуло от опытного взгляда черниговского ратника.

— Спокойно, братцы. Что это вы так дернулись? — с издевкой поинтересовался Куря, — а ли случилось что? Мы же, чай, не враги.

Гнездич молчал, давая Куре выговориться, чтобы узнать его намерения. Доморечич тоже молчал пока. А Куря говорил не стесняясь, словно только этого и ждал. Видно чуял, что на своей территории.

— И куда это вы купца нашего дорогого ведете? — продолжал он задавать вопросы, — мы его уж обыскались. Уж вторая седмица пошла, как потеряли. Он нам такое оружие доставлял, да снеси всякие. Князь меня все спрашивает где он, да где? А он вона где. У галичан гостит.

— Тут дело серьезное, Куря, — наконец вступил в разговор Доморечич, видно знавший ратника в лицо, и потому решивший договориться миром, — Купец ваш с ворогом нашим общим виделся, в плену побыл. Плохо, видать, вы его охраняли. Еле утек оттуда. Едва не утоп по дороге, да мы по счастью его спасли. А теперь с ним князь наш говорить желает.

Куря вскинул руки, словно от удивления.

— В плену был? Чуть не утоп? — воскликнул ратник, — да быть того не может. Наверное, сбредал он все. Он как напьется, очень потрепаться любит. Вы его часом медовухой не угощали? А воды он вообще боится. Где же вы его сподобились подобрать то? Небось, в лесу нашли пьяного.

— Где надобно, там и подобрали, — вступил в разговор Гнездич, у которого руки так и подергивались на рукояти меча от желания его выхватить, да снести голову назойливому черниговскому ратнику, так некстати появившемуся на дороге, — Нам поспешать надобно. Князь ждать не любит.

— Вот-вот, — согласился с ним Куря, сделав шаг вперед и, как бы невзначай, преградив дорогу отряду галичан, — Князь ждать не любит. Это точно. А наш особливо. Вызвал меня сейчас и говорит, иди и где хошь найди мне купца нашего. Позарез он мне надобен. Не найдешь, говорит, голова с плеч. Я и пошел искать. Но, еще и шагу не успел ступить, а тут вы. Да еще купца нашего ведете целехонького, хоть и помятого. А ежели вы его и взаправду спасли, — то вам от нас благодарствие будет, а от князя подарки.

— У нас свой князь имеется, — процедил сквозь зубы Гнездич, — а купец этот с нами пойдет.

— Где ж это видано, — снова возопил Куря, — чтобы чужих купцов силком к своему князю водили. Мы же не дикари какие. Про то надобно нашего князя сначала спросить. А захочет, так он его к вам сам отправит. Но, не сегодня.

Тут из-за соседнего шатра вышли на свет еще человек двенадцать ратников княжества черниговского, словно прятавшиеся там до поры. Разойдясь полукругом, они преградили галичанам путь дальше. Назревал локальный конфликт.

Гнездич не выдержал и выхватил меч, тускло блеснувший в отсветах костра. То же сделали его четверо подручных. Но люди воеводы ждали сигнала, а Доморечич медлил, прикидывая расклад. Куря же стоял, скрестив руки на груди и спокойно, даже с издевкой, посматривал на Гнездича. А Забубенному вдруг показалось, что Куре кто-то успел шепнуть о его прибытии к Зарубу и пленении галичанами. Уж больно быстро ратник сориентировался и подготовил операцию «Перехват». Григорий конечно верил в чудо, но в данном случае, оно происходило по всем правилам проведения операций спецназа. Случилось внезапно, и было подкреплено людскими ресурсами. Противник был в нокауте. Нет, стукнул, видно все-таки, какой-то добрый человек из галичан. И вовремя.

— Чего это ты, брат, — поинтересовался Куря, — никак со своими драться собрался?

— Погоди, Гнездич, — вмешался тут Юрий Доморечич, воевода галицкий. И сказал уже Куре, — Не дело затеял ты, Куря. Воевода то твой знает, что ты тут творишь?

— Знает, — раздалось вдруг голос с другой стороны, и на свет вышел еще один бородатый ратник в броню одетый. А за ним пятеро воинов. Превосходство черниговцев стало подавляющим. Человек тридцать против десятка. «Путята, — узнал голос Григорий, — значит и воевода жив».

— Знает, — подтвердил еще раз Путята, — Да и ты знаешь, Юрий. Что не прав. Это не он, а ты не дело затеял, чужого купца на пытку вести. Ты же знаешь, что с ним будет, если

его к Мстиславу Галицкому отвести. А купец-то и взаправду наш. Так что надобно его нам и вернуть. А что спасли, тут и я повторю, спасибо скажем.

Увидев Путятю, Доморечич понял, что ловить тут нечего. Эти не отпустят. А до своих костров еще далеко, прихватили их ловко в овраге, аккурат между станами двух дружин, да поближе к черниговскому. Оно, конечно, можно и мечом помахать, да ведь и, правда, свои. Не убивать же их из-за этого купца, да и вдруг купец пустышкой окажется? Потом свой князь еще и крайним выставит. Все эти мысли пронеслись в голове Юрия с быстротой молнии, и он принял, наконец, решение.

— Ладно, забирайте купца, — сказал он, подталкивая в сторону черниговских костров Забубенного, обратившегося на время переговоров в соляной столб. Но предупредил, — Только помните, Мстислав Удачный вам этого не забудет.

— Это мы понимаем, — кивнул Путятя.

Гнездич яростно вогнал меч в ножны и зашагал вперед. За ним остальные. А когда отряд раздосадованных галичан почти исчез из вида, воевода черниговский проговорил им в след:

— А за купца спасенного все же благодарствуем.

— Бывай здоров, воевода, — ответил ему Доморечич, пропадая в темноте.

Когда шаги галичан по мягкой траве стихли вовсе, черниговцы позволили себе немного расслабиться. Операция прошла удачно и, главное, тихо. Куря приблизился к Забубенному и хлопнул его по плечу.

— Здорово, брат-купец. Я уж и не чаял тебя узреть живым.

— А я вас всех, — ответил Григорий, обняв Курю и бросив взгляд на стоявшего рядом Путятю. Он хоть и рад был снова видеть бравого воеводу, но, хлопать его по плечу даже сейчас у него рука не поднялась. Этикет штука серьезная. Это было бы равносильно тому, как в двадцатом веке сержанту, вызванному на вручение почетной награды в Кремль, подойти и хлопнуть по плечу генерала армии.

— Ладно, потом набалагуритесь, — вдруг стал серьезным Путятя, — а сейчас тебя князь ждет. Пospешай.

— Как, опять князь? — удивился Забубенный, — вы не шутики тут шутите? А то я уже не догоняю.

— Да какие тут шутики, — подтвердил информацию воевода черниговский, — сам не спит и мне не дает. Как узнал, что ты объявился, велел доставить немедленно. Так что следуй за мной, купец.

«Вот это новость, — подумал Григорий, — не успел на полкилометра удалиться от ладьи, а, похоже, весь лагерь уже в курсе, что я прибыл. Как бы меня киевляне теперь не отбили у черниговцев».

Словно подтверждая такую возможность, ратники окружили Забубенного плотным кольцом, и двинулись строем в след за воеводой и Курей, который тоже решил повременить с разговорами. Григорий смирился со своей судьбой, которая видно предполагала сегодня встречу с одним из князей. С каким именно князем ему было уже не так интересно. Но, отряд черниговцев довольно быстро пересек овраг, поднялся на холм, и, наконец, остановился у большого шатра, сшитого из позолоченной такни.

На стенках шатра играли отблески пламени. У входа стояли четверо охранников с факелами, копьями и мечами, но воевода беспрепятственно прошел мимо них и поманил за собой счастливо спасшегося механика. Куря остался снаружи вместе с остальными ратниками.

Шагнув внутрь, Забубенный решил, что вдруг оказался в меховом магазине «Меха и Дубленки». Князь черниговский явно любил пушнину, меха здесь были повсюду: и на полу, для того чтобы на них сидеть, положив сверху на лавки или прямо на пол. И на стенах, чтобы было теплее, или чтобы любоваться игрой света на ворсинках от горевшего в шатре факела.

Сам князь восседал в дальнем углу шатра на походном троне резного красного дерева, естественно, на соболиных мехах. Несмотря на поздний час, князь трапезничал. Перед ним

стоял походный дубовый стол, тоже резного красного дерева. Стол этот просто ломился под тяжестью всяких яств: мясо, рыба, икорка, хлеба, вина, фрукты.

Оголодавшему механику, при виде такого изобилия в походных условиях, моментально свело желудок. Есть хотелось ужасно. Он был готов сейчас проглотить целого зажаренного кабана, хотя бы того, что украшал своей тушкой походный стол Мстислава Святославича Чернявого.

Но что-то подсказывало ему, что просто подойти и взять с княжеского стола хотя бы румяную кабанию ножку с копытцем этикет не позволяет. Как бы голоден ни был механик, он мог хоть слюной захлебнуться, но ничего трогать было нельзя. Если не хочешь расстаться преждевременно со своей головой. Единственный выход из этой мучительно ситуации, это если князь будет так добр, что предложит гостю эту ножку сам. Но на подобное чудо Забубенный не надеялся. А зря.

От Мстислава не ускользнул голодный взгляд спасенного из плена механика, и он вдруг потянулся вперед, оторвал ту самую ножку и кинул Григорию.

— Ешь, чародей, — приказал князь, — потом говорить будем.

И Забубенный с удовольствием подчинился. Поймал румяную ножку на лету и, буркнув «Благодарствую», принялся поглощать еду с княжеского стола. Механик быстро обглодал ножку до кости и разочарованно посмотрел на остальное, но князь, видно решил, что этого вполне хватит для показной княжеской доброты. Вина не предложил, а Забубенный бы выпил. Вместо этого Мстислав встал, налил себе кубок вина и спросил стоявшего перед ним Григория так, словно тот не пропадал невесть сколько в монгольском плену, а отлучался в соседний шатер по делам. Или только вчера покинул гостеприимный Чернигов, и сам разговор происходил там же, а не за тридевять земель у далекого Заруба.

— Где же это ты бродишь, чародей? — проговорил князь, сделав глоток, и жестом разрешив воеводе сесть на лавку, — Я тебя, зачем в степь посылал? Разнюхать что к чему. А ты, раз, и как сквозь землю провалился. Ждать заставляешь. Но, времени у меня мало. Князь ждать не любит.

Забубенный молчал, разглядывая кубок с вином. Мстислав перехватил и этот красноречивый взгляд. Понял, что сейчас чародея хоть на кол сажай, все равно ничего говорить не будет, пока не нальют. И налил таки. Забубенный опять буркнул «Благодарствую» и выпил залпом. Вино было хорошее, греческое.

— Все люди мои уже вернулись давно, доложили, что пропал ты в бою, — продолжал князь черниговский, — Сгинул в плену у врагов неизвестных, что монголами прозываются. Может, убили тебя, несмотря на чары твои колдовские. Ан нет. Смотрю я, ты живой вполне, оказывается. Значит, видел врагов наших. Ну, рассказывай, да не томи. А то терпение мое не бескрайнее. Ну, что молчишь, на кол захотел?

Немного подкрепившись, Григорий почувствовал себя значительно лучше. К нему снова вернулся дар речи и радость жизни. Нет, на кол он сейчас не хотел. Впрочем, как и всегда. И потому собравшись с мыслями, заговорил.

— Да, княже, был я в плену у монголов. Так кочевые племена прозываются, что пришли в земли половецкие и прогнали оттуда половцев.

— Про то, что прогнали и сам ведаю. Половцы удирали так быстро, что, наверное, все уже почитай в Киеве, да Галиче собрались. А в степи никого и не осталось. Тоже мне, кочевники. Стойбища свои без нас удержать не могут, родственнички, — Мстислав даже сплюнул на пол с досады, после чего махнул рукой, — Продолжай. Как в плен попал. Где был, что видел.

— В плен я случайно попал, — сходу соврал Забубенный, не желавший признаваться, что просто расслабился не вовремя, — обходил окрестности лагеря в поисках лучших позиций для дозора, и тут на меня напали кочевники. Подкрались, стукнули по башке палицей, связали и увезли в плен. Так, что я не успел даже своим сообщить об опасности. Думал, что все они погибли тогда.

— Почти все, тут, правда твоя, — сказал Мстислав, — Долго я ждал весточек от отряда

своего, что в тыл к противнику заслал, чтобы заранее про него все прознать. В том первом бою почти все и погибли. Тебя похоронили уже. Воевода вот, Куря, да еще пяток людишек возвратились. Только маловато известий привезли. Может, хоть ты порадуешь князя?

Сел Мстислав Святославич обратно на свой трон резной, мехами устланный. Лицом серьезный сделался.

— Мы уж войска собрали. Рядом совсем с ними стоим, я разумею, а сами знать, не знаем до сих пор: много ли монголов этих? Хорошо ли воюют? И чего им надобно? Может, ты ведаешь? А то воевода вон только в одном бою с ними столкнулся, и то еле ноги унес. А больше ничего и не знает толком.

Путята опустил глаза вниз, признавая правоту княжеских укоров.

— Был я, княже, в лагере монгольском, — посмотрев на Путяту, проговорил Забубенный, — много их там собралось. Точно, правда не знаю сколько. Но, думаю тысяч двадцать-тридцать воинов конных наверняка есть. Может больше. Воюют хорошо. Багатуры у них сильные имеются.

Мстислав усмехнулся.

— Почему знаешь? Котян баял, что они вояки слабые.

Теперь усмехнулся Забубенный.

— Если слабые, что же он тогда от них на Русь сбежал?

— Опять, твоя правда, чародей. Половцы сами хлипкие. Только скакать на конях могут быстро, удирая от противника. А как до сечи дойдет, и часа не выстоят.

Забубенный стоял, переминая с ноги на ногу.

— Далеко ль до них?

— Дня три, может четыре ходу, — сообщил Григорий, прикинув расстояние до лагеря, — если они вдруг лагерь не сменили за то время, как я сюда добирался. Да погоню не послали.

— Какую погоню? — Мстислав Чернявый аж привстал от удивления, — что ты там натворил такого, чародей, что за тобой, сошкой мелкой, целую сотню отрядили?

Григорий замолчал, не зная, что сказать. Ведь князь припер его своим неожиданным вопросом к стенке. Действительно, ну зачем за обычным беглым рабом посылать погоню. За обычным не пошлют. Пришлось колотиться.

— Да я, ваше величество, обманул их. Половцы монголам однажды урон нанесли, — инженеров иноземных с документацией вместе пожгли. А инженеры эти осадные башни строили монголам. Вот я инженером-механиком и представился. Осадные башни починить обещал. Они меня в живых оставили для пользы дела, а потом под это дело экспедицию на пороги организовали за смолой, для ремонта. Да еще людей в горы послали за железом. Ну, теперь, почитай в лагере трех-четыре тысяч людишек монгольских не достает. Хотел я так ослабить силы монгольские, что вам легче потом было. Вот.

Про путешествие в орду и про свою первую неудачную попытку побега Григорий не стал рассказывать. Мало ли что. Передохнул и решил все рассказать о делах прошлых, как будто и не было года минувшего:

— Ну, а сам тогда напросился в отряд, что на Днепр шел к порогам, смолу добывать с караванов проходящих. Монголы в ней не разбираются. Вот, для определения ее пригодности меня взяли, а я по дороге сбежал. Как только до воды добрались, и случай во время боя представился на ладью галичан перебраться.

— Какого боя? — Князь не переставал удивляться, — уже бои идут где-то?

— Да это не с русичами, — пояснил охотно Забубенный, спеша успокоить князя, — это монголы по моей наводке напали на первый встречный караван у порогов и пожгли его. Да и караван-то не наш, какие-то азиаты на нем плыли, рабами груженные. Двенадцать ладей под бело-серебристыми парусами.

Святославич опять встал и стал мерить шатер шагами княжескими.

— Двенадцать ладей под бело-серебристыми парусами, говоришь? Хозяин азиат. А когда это было то?

— Да, вчера и было, — ответил ничего не понимающий механик.

Князь не выдержал и расхохотался, радостно потирая руки.

— А знаешь ли ты, чародей, что ты навел монголов на Басым-бея, личного поставщика киевского князя, что уж лет десять как караваны с товарами восточными водит по Днепру из Азии. Ох, и приголубит же тебя наш Мстислав Добрый, еже ли узнает.

Но по лицу было видно, что князь черниговский только для вида механика устрашает, а сам страсть как доволен. Еще бы, конкуренту за великокняжеский престол такую шпильку подпустить.

Забубенный горестно развел руками.

— Что же теперь делать то? Про караван не только я знал, но и воевода галицкий Доморечич, что меня оттуда привез на своей ладье.

Князь бросил быстрый взгляд на своего воеводу, сидевшего молча на скамье, да тянувшего вино с княжеского стола. Была у него такая привилегия.

— Так Путята тебя у Мстислава Удачного из под носа увел? Молодец! — лицо князя расплылось еще шире в самодовольной улыбке, — Вот сейчас Счастливчик локти то себе кусает от злости!

Судя по всему, черниговского князя сейчас не столько волновали монголы, даже обретавшиеся где-то совсем рядом, сколько порадовала неожиданная возможность насолить соседним князья. «Да, — подумал на это Забубенный, — сделал гадость, сердцу радость. Главный девиз политиков».

Насмеявшись вдоволь, князь хотел продолжить разговор, но тут вдруг из-за стен шатра послышался шум. Конский топот вперемешку с криками. Забубенный напрягся, никак галичане пришли его себе требовать, как лазутчика? Но это были не галичане. Откинув полог, в шатер княжеский вошел гонец, и, поклонившись князю, сообщил:

— Мстислав Добрый тебя к себе ждет, княже. Совет скоро будет.

Князь Черниговский только поморщился, словно ему испортили удовольствие.

— Скажи, скоро буду, — и когда гонец исчез за дверным пологом, добавил, — Нелегко на помине, наш старый и добрый.

Встал князь, кликнул слуг, стал доспехи надевать.

— Вы, други мои, пока у Путяты в шатре походном обождите, — проговорил князь в сторону ожидавших его приказов воеводы и механика, — пришлю потом за вами.

Глава двадцать четвертая

«Опять в разведку»

— Пойдем ко мне, — сказал Путята и зашагал одному ему ведомой дорогой меж кустов и деревьев, меж шатрами походными ратников. Дежуривший все это время у шатра княжеского Куря пристроился следом со своими ратниками. А Забубенный снова ощутил чувство спокойствия оттого, что он опять передвигался не один, а с вооруженной группой людей. В этом веке так было гораздо больше шансов уцелеть.

Походная палатка воеводы черниговского находилась недалеко, на соседнем холме, окруженном с трех сторон редким лесом. А с четвертой стороны открывался вид на Днепр, откуда прибывали все новые и новые рати, пополнявшие дружину черниговцев. Это местоположение было удобно. И до князя недалеко и до воды, в случае чего, рукой подать. А случаи могли быть разные.

В шатре оказалось все обставлено по-хозяйски: стол, несколько стульев, то есть лавок, и лежанка. Ничего лишнего, что отвлекало бы от военной службы. Тем более мехов. Войдя, Путята снял шлем, отцепил меч. Кивнул в сторону лавки и стола. Тут же кликнул кашевара, велел накормить путника, да и сам решил перекусить, чем бог послал. Кто его знает, чем переговоры княжеские с монголами неожиданными закончатся. Куря хитрый тут же примостился. Наконец-то выдалась минутка боевым товарищам поговорить о былом.

— Ну, рассказывай, человеке, — начал разговор воевода черниговский, когда на столе

перед ними образовались плоски с горячей похлебкой и кусками копченого мяса.

— А чего рассказывать, — проговорил механик уже с набитым ртом. Ножка кабанчика с княжеского стола не полностью утолила его голод, проснувшийся за тот день, пока утомленный побегом организм спал, набираясь сил. — Я все у князя рассказал, как на духу.

— Ну, брехню твою насчет дозоров я слышал, — подтвердил воевода, — а про то, что купаться пошел, когда не велено было из лагеря отлучаться, пропустил видать мимо ушей. Заметили тебя, да не только мы, а и монголы тоже. Вот тут-то нас и взяли бы тепленькими, если бы не дозоры вострые. Да все равно поздно заметили, спали все разморенные, едва успели вскочить, да отбиться.

«То-то и оно, что спали, — недовольно подумал Григорий». Воевода помедлил с продолжением.

— А ну как, ты навел?

Забубенный чуть не поперхнулся. Получалось, что воевода в курсе его позорного пленения. Да и навел, получает действительно он, только ожидал другого эффекта. Контратаки, что освободит его из плена. А получилось, только погубил половину своих соплеменников.

— Да не я, — неуверенно промямлил Забубенный, — они сами догадались. Меня то к тому моменту повязали уже и давай пытаться кто да откуда. Ну, я и сбrehал, как договаривались, что купец. А обоз на холме стоит. Они туда и поскакали, грабить. Я же думал, что вы наготове и отобьетесь. Да еще и меня из плена спасете, очень уж не хотелось в рабы попадать.

— Так это правда, что тебя спеленали монголы и к себе в лагерь отвезли?

Механик кивнул.

— Правда.

— Данила в том бою погиб, — вставил слово Куря, — Христич, да еще ребят немало. Почти все. Мы с воеводой и еще несколькими молодцами три дня скакали без роздыху, пока ушли из степей половецких. Больно кони у монголов твоих хорошие.

— Да не мои они, — огрызнулся Забубенный, но не смог глаз поднять. Ему подумалось, что все ратники черниговские погибли тогда из-за него.

— Ладно, не кручинься, брат-купец, — неожиданно вернул его к жизни Куря, хлопнув по плечу, — понимаю тебя. В рабы никому не охота после жизни вольной. А жизнь у человека военного завсегда опасная. Под смертью чаще других ходит. Да и не было у тебя надежды кроме нас. Ну и чар своих. Помогли они тебе, видать, раз живой вернулся?

Забубенный кивнул.

— Помогли. Меня там тоже за чародея приняли, да только понарошку.

— Как так, понарошку? — удивился воевода, — поясни, человек.

— Ну, главные монголы, князья то бишь, не поверили в мои чары, — проговорил осторожно Григорий, — а вот солдатам своим как чародея представили. Те меня за духа степного всю дорогу почитали.

Путята с Курей переглянулись.

— Так ты там, значит, не только башни осадные починал, в рабстве пребывая? — поинтересовался воевода черниговский, — а жил, как у Христа за пазухой, что ли?

— Я же говорю, — оправдывался Григорий, — начальство местное сообщило солдатам что степной вампир. Степняки, народ темный, поверили.

— Так, ты там с князьями монгольскими дружбу водил? — переспросил задумчиво воевода, — Ну-ка, рассказывай. Что ж ты у Мстислава то молчал?

— Да не молчал я, — ответил Забубенный, — просто не успел рассказать. Гонец прискакал. А дружбы то особой не было. Так, отправили один отряд в горы за железом, а со вторым пошли за смолой. Вот и весь сказ.

Воевода недоверчиво посмотрел на механика.

— Ой, темнишь ты, паря. Как же это князья монгольские тебя к себе допустили, если ты им не ровня. Да еще советы с тобой вели?

— Да я и сам не знаю, — защищался Григорий, — просто они по механической части многим интересовались. Вот через башни мы и познакомились. А ребята ничего, толковые. Да воюют крепко.

— А звать их как? — спросил напрямик Путята.

— Главный у них Субурхан, — ответил, не таясь Забубенный, — этого над войсками сам верховный монгольский хан поставил. Кажется, Чингисханом кличут. А в дружьях-помощниках у него ходят еще двое, — Тобчи и стрелок Джэбек. Этот лучше всех из лука у монголов стреляет. А Тобчи, тот, что напал на вас с отрядом, и меня в плен взял. Он кстати, тебя, Куря, убить поклялся. За то, что ты его брата в том бою у реки зарубил. Запомнил он тебя, а монголы обид не прощают.

Про вояж в орду и сексуальные приключения Забубенный скромно умолчал.

— Запомнил, говоришь, — Куря усмехнулся недобро, — это хорошо. Я его рожу тоже запомнил. Ну а раз встреча новая у нас намечается, то придется и его к праотцам степным отправить.

— Да погодите вы, — попытался остановить развитие событий прозрец-механик, — я же слышал, они ведь на Русь и не собирались пока. Зачем нам эта война. Только народ зря положим. Может, монголы эти мимо пройдут?

В это момент снаружи послышался конский топот. Какой-то ратник спрыгнул с коня и вошел к воеводе. Это был гонец от Мстислава Чернявого.

— Князь велит разведку снаряжать, — сказал он воеводе, едва переступив порог, — Выступаем скоро в поход.

У Забубенного по спине змейкой проскользнул неприятный холодок.

— Что, значит, в поход? — спросил он у воеводы, когда гонец, выйдя из шатра, вскочил на коня и усакал исполнять другие поручения князя.

— А то, паря, — подтвердил его опасения воевода, вставая и пристегивая меч к поясу, — что монголы твои теперь мимо точно не пройдут.

Забубенный молчал, как громом пораженный.

— А это значит, — быть скорой битве, хочешь ты того или нет. Да и не возвращаться же обратно ни с чем, — усмехнулся Путята, — Такую тучу народа воинского к Зарубу стянули. Теперь князья наши точно бой дадут. Если монголы твои попытаются свалки избежать, то и в степь пойдут за ними. А, если надо будет, то и до дома их найдут.

— Далековато до их домов ехать, — пробормотал себе под нос Григорий, но воевода не услышал.

— Я к князю, узнаю что к чему, — прицепив меч и взяв в руки шлем, сообщил воевода черниговский — а ты, чародей, держись рядом с Курей. Жду вас на сборном поле.

Григорий рассеяно кивнул и вышел вслед за братом-купцом из палатки. Утренний лагерь вокруг них уже бурлил, словно чан со смолой над огнем. Со всех сторон ратники десятками сбивались в большие группы и уходили куда-то вдаль от реки, где видно, уже было обозначено место общего сбора.

Приведя Григория в свою палатку, Куря придел брата-купца согласно тревожному времени. Не прошло и десяти минут, как Забубенный облачился в кольчугу, кожаные штаны, сапоги и рукавицы, обитые пластинами из металла. Прицепил к поясу внушительной длинны меч и надел предоставленный Курей островерхий шлем. Ему дали шлем! Не такой разукрашенный, как у князя или воеводы, но настоящий шлем, с накладкой, защищавшей нос. Забубенный порадовался этому факту, поскольку во время предыдущего похода в степь неизвестную шлема ему не давали, да и меч был короче. Похоже, игры действительно кончились. Начиналась мужская работа, — война. И Забубенный мог принять в ней участи не только как чародей.

— Держи, — Куря, протянул ему двумя руками круглый деревянный щит, обтянутый кожей и обитый для твердости металлическими обручами, имевший в самом центре шишак из того же металла. Именно от этого шишака должны были отскакивать и соскальзывать прямые и косые удары вражеского копья и меча. Именно здесь было его самое твердое

место, ребро жесткости.

Забубенный осторожно взял щит за имевшуюся внутри ручку, ощутив его достойную тяжесть. Примерился, будто отражая невидимый удар мечом. Щит был среднего размера, прикрывал половину тела, и раскрашен был в красный цвет, как и накидка, что Григорию дали раньше. Надев на себя шлем, алую накидку и взяв в руки щит, Григорий стал походить на настоящего витязя Руси, грозу любого иноземного воинства.

— Ну, вот теперь, брат, ты готов, чтобы встретить своих монголов лицом к лицу, — сообщил Куря, — выходи на воздух. Там тебя ждет боевой конь.

Медленно выходя из шатра, Григорий ожидал увидеть там Савраску и сгореть от позора. Но рядом стоял отрок, немного похожий на старого знакомого Изю, и держал под уздцы вполне приличного буланого коня, хоть и смиренного с виду. Когда Забубенный самостоятельно и довольно быстро взобрался на него, — общение с монголами научило его не так бояться коней, как раньше, — конь не выказал признаков недовольства и не попытался сбросить новоявленного седока.

— Как его звать то? — поинтересовался Забубенный у отрока, осторожно погладив коня по загривку.

— Буря, — сообщил отрок, и добавил от себя, — конь хороший. Только не очень быстрый. Задумчивый он, малость, поначалу. Но, как разойдется, не догонишь.

Куря знал какому коню можно доверить жизнь чародея.

— Может, оно и к лучшему, — осторожно произнес Григорий, — а может и нет. Кто ж знает.

Через мгновение рядом появился и сам брат-купец, вскочив на своего коня. Знатный ратник черниговский Куря был облачен в такую же накидку и щит имел похожий, но доспех у него был помощнее. С зеркалом на груди, чтобы не дать вражескому копыю проткнуть грудь в неподходящее время.

Куря тронул поводья, и отряд, что к тому времени выстроился позади Забубенного, двинулся в глубь континента, как прозвал про себя степную местность на этом берегу Днепра механик. Было в том отряде человек пятьсот ратников конных, не меньше. А позади колонны Григорий разглядел и пешее воинство. Тех воев вообще было несчетное количество, может тысяча, а может две, всех было и не углядеть. Были они вооружены копьями, да боевыми топорами такой величины, что механик даже ахнул. А про себя подумал «Неужели, это все разведчики».

Быстро удаляясь от берега Забубенный осматривал расположение лагеря. Походные шатры были уже наполовину сложены и размещены по телегам. Параллельно отряду Кури двигалось еще несколько отрядов черниговских числом поболее. Обозы, вдоль которых текла сейчас конная рать черниговцев, готовились выступить вслед за основными силами. Все дышало походом. Что князь имел в виду под разведкой, Григорий так и не понял. Может быть разведку боем? Так надежнее. Точно кого-нибудь найдешь, и сразу узнаешь, сколько врагов против тебя воюет на самом деле. Есть, правда и недостатки у этого метода, но мелкие. Например, положить кучу народа зря, если ошибешься. Или вообще сгинуть.

Местность понемногу выравнилась, и механик разглядел слева группу шатров и золотые стяги, и справа что-то похожее. А прямо по центру виднелось широкое поле, которое, судя по всему и было местом сбора объединенного войска перед марш-броском.

— Там киевляне стоят, — пояснил Куря перехватив взгляд механика и указав на левую сторону, — А правее, твои знакомцы вчерашние, — галичане да волыняне.

Довольно быстро отряд с механиком добрался до самого поля, на котором их ждал головной отряд под предводительством самого Мстислава Святославича Чернявого. Приближаясь к выстроившимся рядам конных ратников, Григорий еще издали заметил гордую осанку князя, пребывавшего под своими знаменами, и мощнотелого бородатого воеводу, восседавшего рядом на коне.

Завидев прибывших, Мстислав Чернявый сразу дал знак приблизиться. Куря и Забубенный подъехали к группе всадников, среди которых был князь со знаменосцем,

воевода и еще несколько незнакомых механику вельможных воинов. Чем ближе становилась сеча, тем более нездоровилось Забубенному.

— Ну, что, чародей, — обратился князь к бледному как мел механику, — готов в поход выступать?

— Готов, — нехотя кивнул Забубенный, попробуй, скажи «не готов».

— Да пора уже, — сообщил Мстислав, — засиделись мы у Заруба. Который месяц уже дурака валяем. Ждем, покуда все соберутся. Пора и в дело.

— Пора, — кивнул Григорий.

— Мстислав то Галицкий с дружиной своей и половцами Котяна усаkali уже на рассвете искать неприятеля, — изложил диспозицию князь, — Видать, недалече неприятель. Пора и нам выдвигаться. А за нами следом киевляне пойдут. Идем вперед до того места, где вы с монголами повстречались, если раньше они нам на встречу не выйдут. А там решим, что дальше будет.

«Отличная диспозиция, — подумал механик, — кто в лес, кто по дрова. Ну да ладно, не мое дело войском командовать». Но не сдержался и дал князю совет.

— Дозволь слово молвить, княже. У монголов в лагере осадные башни стоят, — проговорил бесцветным голосом механик, все еще находившийся под впечатлением от увиденного и услышанного, — они высокие. Их издали видать, да убрать быстро невозможно. Послать бы туда разведку, понюхать, там ли еще неприятель. Если там, то его легко будет найти и всех ратников туда направить.

По лицу Мстислава Святославича было видно, что он иногда слушает мудрые мысли своих подчиненных, а не только свои.

— Дело говоришь, чародей, — согласился князь, — вот вы с Курей и поедете. Людей возьмите достаточно. Понюхайте там все. И жду вестей от вас не позднее завтрашнего заката. А покуда мы мелким шагом с основной дружиной в ту же сторону двинемся. Все понятно?

У Забубенного даже челюсть отвисла от такого поворота событий. В степь? Опять? Он ведь едва из плена утек, а теперь снова подставляться под удар. Нет, благодарность княжеская просто не знала границ. Хотя, кто его за язык тянул? Молчал бы себе в тряпочку и остался бы здесь в ставке, а теперь, — на тебе. Опять в степь.

Но, слово не воробей. Вылетит, — придется в степь отправляться. Закручинился механик. Но, Куря, между тем, особых сожалений не выказывал. В степь, так в степь. Дело привычное. Тем более не одного посылают, а людей можно взять не мало.

Князь черниговский торопил.

— У башен посмотрите и назад, — наставлял Мстислав Святославич, — Без резону в бой не лезть, неизвестно, сколько их числом в точности. Так что лишние копы мне пригодятся. На закате к завтраму чтоб воротились.

Взяли пятьсот человек. Куря хотел еще пеших топорников взять, — эти в ближнем бою страшная сила. Просто звери. Одним ударом своего могучего топора с плеча рассекают и человека и лошадь. Но князь не позволил, — разведка, да еще в степи, дело быстрое должно быть. Только на конях сотворить его можно. Потому подобрали копейщиков. Старшим ратником, то бишь воеводой этой маленькой рати, Куря стал. Забубенному не доверили, да он и не просился. Тут же дело и оформили. Путята отсчитал Куре пятьсот человек и механик глазом не успел моргнуть, как уже снова ехал по степи вместе с братом-купцом известной дорогой. Точнее, скакал во весь опор. Потому что князь велел поспешать.

Во время скачки Забубенный неотступно смотрел на солнце. Быстро опускавшееся за горизонт, светило навевало на него странные мысли. Покачиваясь в седле, механик-витязь думал сейчас о вечности. А под вечер, когда дорога, петляя меж лесистых холмов, вывела отряд черниговских ратников к деревне Полянычей, страх прошел совсем. Забубенный успокоился, смирившись со своей судьбой. Видно на роду ему написано сгинуть в степи.

Постепенно он привык к этой мысли и стал думать, как быть дальше. Скорее всего, дальше придется принять участи в боевых действиях, а мечом он махать еще не научился,

несмотря на то, что оружие ему уже доверили. Точнее, махать то он мог, но вот грамотно приложить врага, да еще на скаку, это вряд ли.

От нахлынувшей неуверенности в своих силах его отвлекли еще более черные мысли. Точнее то, что он увидел. Деревня гостеприимных Полянычей была выжжена дотла. От домов, у которых гуляли купцы, остались только черные скелеты. И от того дома тоже.

Забубенный окинул тревожным взглядом соседние деревья, но не увидел на ветках повешенных, как ожидал. Людей не было. «Наверно, опять в лес подались, — с надеждой подумал механик».

Скоро стемнело. Куря выставил дозоры и велел ночевать тут же, на пепелище. А на утро отряд черниговских разведчиков снова скакал, все дальше проникая в степь неизвестную, что уже начинала казаться великому механику родным домом, в надежде найти лагерь монголов и приблизиться к нему незаметно. Разведать все тихо и уйти к своим.

Глава двадцать пятая **«Первый монгольский летчик»**

Еще не наступил полдень, еще не успели черниговцы по наблюдениям механика отъехать от сожженной деревни километров на тридцать. Еще степь не успела вступить в свои права полностью, и кое-где виднелись рощицы и небольшие лесочки на холмах, а монголы уже обнаружили себя. И разведка закончилась, едва начавшись. Когда черниговцы двигались по широкому полю, из-за ближайшей рощицы, что находилась чуть ниже на спуске с холма, вдруг показался отряд монголов.

— Развернуть строй в сторону врага, — окинув командирским взором свои боевые порядки, крикнул Куря зычным голосом, от которого Забубенный даже вздрогнул, — Копья на перевес. Вперед! Себя не щадить!

Куря, как выяснилось, и не собирался начинать переговоры. Отдав приказ, он поскакал вперед, выхватив на скаку меч. Остальные ратники, опустив копья, ринулись на монголов.словно гигантский еж, огненно алая лава русичей покатилась с холма вниз на встречу темно коричневой лаве монголов. Командир монголов, видно, не ожидавший здесь повстречать противника, тем не менее, был вынужден развернуть свой отряд в боевой порядок. «Баста, карапузики, — думал Забубенный, выхватывая меч и устремляясь за братом купцом, — кончились танцы».

На первый взгляд количество воинов в обеих ратях было почти одинаковым. Подробнее Забубенный рассмотреть не успел. Значит, все будет зависеть от веры, силы и удачи.

Ощетинившиеся длинными копьями ряды монгольских воинов приближались. Расстояние между ратями стремительно сокращалось. Григорий, скакавший сразу за братом-купцом, уже видел смуглые монгольские лица, сверкавшие злобными глазками из под шлемов, на островерхих кончиках которых развевались разноцветные флажки-плюмажи. Еще секунда, и первые ряды сшиблись на всем скаку. Без криков. В полной тишине. Только под стук копыт. С чавканьем вонзались копья, пробивая доспехи насквозь. Со стонами валились мертвые люди под копыта коней.

Скакавший впереди Куря, пригнулся к шее своего скакуна, нырнул под копыто монгольского всадника, и на ходу сбоку рубанул его по голове мечом. Удар был силен и точен. Расколотый шлем скатился с головы. Кровь брызнула во все стороны. Раскинув руки, мертвый монгол рухнул на землю. Сам Григорий едва успел подставить щит под направленное в него острие, это и спасло ему жизнь. Скользнув по щиту, копыто прошло мимо. А механик проскочил вперед, разойдясь с нападавшим монголом, и даже не успев нанести ответный удар. Хорошо хоть, не выронил оружия. И бешено озираясь по сторонам, вдруг понял, что впереди монголов больше нет.

Удача немного изменила русским. В начале сражения монголы пошли на хитрость: приближаясь, их порядки расступились, ослабив свой центр, так что ударный клин русских

просто снес пару рядов монгольских копейщиков и снова вырвался в чистое поле. Но зато встречный удар монголов был страшен. Они смяли, навалившись своей массой русские фланги, заставив основные силы черниговцев сжаться внутрь и смешать ряды.

Однако, русичам было не привыкать биться в тесноте. Первая сшибка и копейный удар стоил монголам почти четверти отряда, но русичей погибло больше. Оказавшись в котле и потеряв скорость, ратники жестоко сопротивлялись, умело орудовали копьями, разя противника. Отбивая мощные удары, они сами вгоняли острия длинных копий в бока монгольских багатуров и поражая шеи, прикрытые легкими кольчужными навесами. А, когда места для маневра совсем не осталось, побросали ненужные обломки и взялись за мечи. И тогда началась мясорубка.

Увидев, что его провели, Куря собрал из оставшихся рядом людей сотню копейщиков и, развернувшись, нанес ответный удар в тыл правого фланга монголов. Заставив их биться на два фронта. Этим ударом он уничтожил человек пятьдесят из напавшего на него отряда. Но и своих потеряло столько же. Битва была жестокой и быстрой. Ряды воинов таяли на глазах с обеих сторон, но никто и не думал отступить.

Оказавшись в самой гуще схватки, Забубенный понял, что надо сражаться. Все, — паника пропала. Никто не пощадит и не сделает скидки на отсутствие боевого опыта. Все эти трусливые мысли пронеслись в голове механика с быстротой молнии, за мгновение. А вслед за этим, Забубенный увидел скакавшего прямо на него здорового монгольского багатура с копьем наперевес. Бросил быстрый взгляд по сторонам: все вокруг бились жестоко, кто на мечах, кто на копьях. Звенело и трещало, ломаясь на куски, оружие. То и дело слышались стоны. Мертвые сыпались на землю. Но, никто кроме этого всадника на него не смотрел. Зато он скакал напрямик к механику, желая насадить его на вертел, словно кабана. Он явно не узнал Кара-чулмуса в одежде русского ратника.

Григорий повернул коня и поскакал навстречу монголу. Поднял повыше подаренный Курей щит, прикрыв плечо и бок. Изготовился принять удар и сжал покрепче меч, ибо копья у него не было. Не выдали. И на всем скаку схлестнулся с багатуром.

Удар монгольского копья был мощным. Острие скользнуло по верхнему краю круглого щита и звонко ударило в шлем. У Григория от удара зазвенело в ушах, словно где-то рядом со всего маху стукнули в колокол. Он выпустил поводья, вылетел из седла и рухнул под копыта лошади, потеряв сознание. Шлем спас ему жизнь, но подцепленный копьем монгольского воина слетел с головы. Русые волосы механика, основательно отросшие за время похода в великую степь, теперь свободно развивались по ветру.

Странный звуки Григорий слышал отовсюду, выныривая на поверхность сознания. А когда открыл глаза, то удивлению его не было предела. Это не «дежа вю» еще раз, это было уже, черт знает что. Издевательство какое-то. Вокруг него возвышались монгольские юрты, ржали кони степняков, а прямо над ним с хитрой ухмылкой, поглаживая свою бородку стоял Субурхан.

— Вставай Кара-чулмус, — проговорил он ласково, — не дело валяться на земле такому важному духу, как ты.

Забубенный рывком сел. Колокол в голове еще гудел, хотя и меньше, чем в момент его первого появления здесь. А то, что он опять в том самом месте, Забубенный даже не сомневался. Судьба смеялась над ним.

— Во что это ты одет? — продолжал издеваться Субурхан, протянув руку и подцепив пальцем одно из звеньев кольчуги, в которую был затянута Григорий, — ты стал воином? Тобчи видел тебя среди наступающих русичей.

Забубенный молчал. Чары из будущего теперь не помогут. Ни фонарик, ни рация, ни греческий язык. Это ясно. Но помирать все равно не хотелось.

— Я на разведку ходил, — неубедительно соврал Григорий и встал, — узнать, что к чему.

В грудь ему тут же уперлись три копья. Субурхан взмахом руки велел убрать их, дав

понять всем, что этот дух больше не опасен. Больше всего Кара-чулмус походил сейчас на пленного русского витязя без оружия. А пленных монголы не боялись. Да и не пленных тоже.

— Я посылал тебя в разведку? — удивился Субурхан и сам ответил, — я тебя посылал на Днепр вместе с Буратаем. Это я помню. А что к чему я и сам знаю. Боюсь, Кара-чулмус, на этот раз духу придется испариться. Не пойму, зачем я держал тебя при себе так долго.

И отвернулся, медленно удаляясь в сторону своей командирской юрты. Григорий понял, что его казнят прямо сейчас, не откладывая. Возможно, без пафоса, простым ударом копья.

— Я словно заветное знаю! — крикнул ему в след Забубенный. Субурхан не среагировал. И вдруг механика осенило, — Я научу монголов летать!

Предводитель экспедиционного корпуса остановился и, помедлив, обернулся.

— Что ты сказал?

— Я дам вам новое оружие, какого еще никто не видел! — продолжал развивать успех механик, который очень хотел жить.

— Ты умеешь летать? — недоверчиво переспросил Субурхан, — или лжешь, чтобы спасти свою шкуру?

— Умею, — кивнул Забубенный, — только мне для этого кое-что нужно.

Субурхан сделал повелительный жест рукой. Воины отодвинулись от Забубенного на почтительное расстояние.

— Что ж, — согласился главный монгол, — пойдем, побеседуем об этом Кара-чулмус. Может быть, ты мне еще на самом деле понадобишься. А испариться дух всегда успеет.

Два последующих дня в юрте Кара-чулмуса, которую он снова занял до очередного приговора по решению его судьбы, всю кипела странная работа. Со стороны могло показаться, что шаман варит какое-то зелье. Или психически больной слесарь пытается с помощью тупого топора изготовить идеально круглую деталь. Так или иначе, но работа у него спорилась, ибо другого выхода просто не было. Для спасения своей жизни Забубенный, вспомнив о скорняжных упражнениях монголов в великой степи, решил построить воздушный шар военного назначения. Конечно, с высокотехнологичными материалами у него возникли проблемы, но, как известно, голь на выдумки хитра.

Поведав свой план Субурхану, великий механик сразу же получил одобрение. Ведь придушить Кара-чулмуса никогда не поздно, а тут вырисовывались далеко идущие военные перспективы. Механик обещал вождю монголов поднять разведчиков, а затем лучников в воздух, откуда они смогут перестрелять врагов, как зайцев. Все будет как на ладони. Системы ПВО еще не создано, а военно-воздушные силы на лицо. Господство в воздухе монголам будет обеспечено. Про себя Забубенный так и назвал этот проект, — «Летающие монголы».

Ничуть не сомневаясь в успехе, Субурхан поинтересовался, смогут ли эти замечательные воздушные повозки перевозить сотню всадников с лошадьми? Забубенный объяснил, что сейчас пока нет, придется ограничиться разведкой и легкой артиллерией, но в будущем, после создания более грузоподъемных моделей, станут возможными и десантные операции. Субурхану проект понравился. Для великой степи, с ее масштабами и потребностями в быстрой переброске армий с одного театра военных действий на другой, открывались перспективы вторжения в самые труднодоступные регионы. Китай, Азия и Европа будут в скором времени окончательно повержены. И он дал добро и средства.

— Что же ты раньше молчал Кара-чулмус? — спросил монгольский военачальник.

— Эта идея пришла мне только сегодня, — скромно ответил Забубенный.

— Вот видишь, — назидательно заметил Субурхан, — как полезно иногда стоять на краю гибели.

— Ну, да, — кивнул Григорий, а про себя добавил «главное, что бы ни переступить через этот край».

И механик начал работать. Времени было мало. Точнее, вообще не было. Григорий

боялся, что создать один воздушный шар гигантских размеров ему не удастся, — бычий пузырь просто не надуется до таких размеров. Поэтому он велел забить сто коров, быков и на всякий случай лошадей, вынув из них все пузыри, которые могут менять форму. Что и было сделано.

По его приказанию двадцать бродников сидели рядом с юртой и надували эти пузыри, проверяя на прочность, а затем сшивали их между собой. Выяснилось, что бродники были ничуть не худшими скорняжниками, чем монголы. Они умудрились тонкими, но прочнейшими нитями сшить между собой множество отдельных пузырей в один большой, хотя Забубенный до последнего момента думал, что у них это не получится. Порвется. Но пузырь сшили, надули горячим воздухом, предварительно обжав отверстие, через который подавали воздух, а он не порвался. Словно был из натуральной резины, а не из коровьих внутренностей. Григорий вздохнул с облегчением. Он уже собирался надувать двадцать шаров поменьше, но тогда бы первый полет по проекту «Летающие монголы» продлился от силы минуту, может две, и не впечатлил бы монголов. А может, и вообще не удалось бы оторваться от земли. Ибо пока надували бы двадцатый шар, первые уже остынут и обвиснут.

Еще двадцать бродников резали и сшивали длинные кожаные полосы, занимаясь изготовлением кожаной обвязки для шара, который главный конструктор Забубенный собирался крепить к люльке-корзине, используя шар в качестве тяговой силы. Саму корзину делали еще пять бродников с топорами из подручной древесины и без единого гвоздя. Забубенный предпочел бы гвозди, так надежнее, но ведь сам приказал им, чтобы корзина была легкой. Поэтому смекалистые бродники сообразили её в виде большого лукошка с двумя ручками, сплетенного из крепких и гибких ветвей, но прочным деревянным дном. За ручки прикреплялась кожаная обвязка, а на дне Забубенный предполагал установить металлическую жаровню из грузинского металла и разводить костер, что бы тот своим жаром подогревал воздух, ибо именно так и поступали все знакомые ему пилоты воздушных шаров. Правда, горелки у тех были надежнее, а шары побольше, но это все мелочи, решил механик, главное, чтобы принцип оказался верным.

В процессе ему приходили идеи построить аэроплан, но до такой технологии по его понятиям, даже технически продвинутые монголы еще не доросли. За время работы пару раз заходил Тобчи с нукерами, постукивал себя плеткой по сапогу, качал головой, усмехался и уходил. Также поступал стрелок Джэбек, восклицая «В небо летишь?». А Субурхан не приходил. И механик знал, что если уж он усмехнется, глядя на плоды его работы, то это будет последнее, что Григорий увидит в жизни.

На утро следующего дня шар был готов. Вставший на рассвете механик с помощью бродников развел костер и подогрел воздух под шаром так, что вся конструкция уже прикрепленная к корзине, приподнялась над землей почти на метр. В корзине располагалась жаровня, запас дров и были устроены две седушки по бокам. Удерживали ее в таком положении три веревки, к концам которых были привязаны камни. Увидев, как корзина поднялась вверх, бродники попятились на приличное расстояние.

С виду все было готово, вокруг даже собрались многочисленные и любопытные монгольские воины, которые были уверены, что человек летать не может. Но, если небесную повозку строит сам Кара-чулмус, хоть и ставший на время русским ратником, — у него много лиц, — то может быть, что-то и выйдет. Подойти ближе с расспросами воины не решались. Ждали высокое начальство. Когда Григорий решил, что пора начинать ходовые испытания, то отправил к Субурхану холопа Бурашку и велел передать на словах: «Все готово, можно вылетать».

Получив вызов, монгольский военачальник быстро явился к месту старта, окруженный многочисленной свитой, естественно, начинавшейся с Тобчи и Джэбек. По всей видимости, ему не терпелось увидеть техническое чудо сотворенное великим русским механиком. Однако, осмотрев это чудо, он несколько не удивился тому, что оно висит над землей. Зато, посмотрев на миниатюрную корзину, в которой горел небольшой костер, заинтересовался:

— Скажи, Кара-чулмус, а как сюда поместится сто лошадей?

Забубенный вздрогнул. Но объяснил.

— Никак не поместится. Пока. Но, я предупреждал, что нужно построить и обкатать сначала экспериментальную модель. А потом делать следующую, уже на сто посадочных мест.

Субурхан снова недоверчиво осмотрел конструкцию, с удивлением заглянул под нее, поводит там рукой и спросил:

— Но, ведь она не летит?

— Сейчас полетит, — успокоил Григорий, — за этим я тебя и позвал, великий Субурхан.

Механик приблизился к своему детищу, сообщив:

— Я собираюсь в первый полет, и приглашаю лично испытать новое оружие.

Субурхан посмотрел на корзину и недоверчиво проговорил:

— Она не похожа на оружие.

— Если взять с собой лук, это будет уже оружие. Причем грозное. А моя задача, — научить ее летать. Так ты полетишь со мной или покоритель народов, великий Субурхан, боится?

Субурхан разъярился, но цель была достигнута, он купился.

— Я ничего не боюсь, — процедил сквозь зубы монгол, — Но помни, Кара-чулмус, если твоя повозка не полетит, тебя казнят сейчас же.

— Согласен, — кивнул механик, и мысленно помолился Богу, чтобы повозка взлетела. Ведь он сам был не уверен, все ли правильно рассчитал.

Подавая пример, Григорий на котором уже не было доспехов, а только обычная одежда для облегчения взлетной массы, взобрался в корзину и сел на одну из лавок. Субурхан в полных доспехах, хорошо хоть копьё с собой не взял, грузно сел рядом. Корзина тут же опустилась обратно на землю. Забубенный похолодел.

— Чего не летим? — поинтересовался Субурхан, хватаясь за меч, — ты обманул меня, чародей?

— Сейчас все исправим, — пробормотал механик и подбросил пару полешек в огонь, — исходный вес немного не рассчитал. Момент, сейчас прогреемся и полетим. Может, щит хоть оставите? Тяжеловато.

Субурхан бросил щит на землю. И тут шар поднялся вверх, но веревки его вновь остановили. Забубенный свесился через борт и радостно крикнул дежурившим внизу бродникам:

— Руби концы!

Те, взмахнув топорами, исполнили приказание Кара-чулмуса. И шар медленно, но уверенно стал набирать высоту. Субурхан, до последнего не веривший, что эта повозка шайтана взлетит, вцепился в борта мертвой хваткой.

Остальные зрители этого запуска были ошарашены происходящим. Конные монгольские воины, наблюдавшие за стартом своего военачальника, инстинктивно наклонились вперед, пытаясь пасть ниц перед чудом, и только железная воля главнокомандующего, взиравшего теперь на них с неба, заставила их остаться в седлах, хотя волосы под шлемами зашевелились.

— Заработало! — ликовал Забубенный.

А Субурхан, пока наземные монголы еще оставались в поле досягаемости его голоса, крикнул вниз:

— Тобчи, назначаю тебя главным, пока не вернусь! А, если так случится, веди тумены за Дунай!

Тобчи махнул снизу рукой, подтвердив получение приказа. А Григорий, услышав это, развеселился еще больше.

— Вы что, ваше благородие, помирать собрались? Рано еще. Мы сейчас пролетим версту другую, да обратно воротимся.

Великий воин молча провожал взглядом медленно, но верно удалявшуюся землю.

Похоже, первый монгольский летчик не верил, что когда-нибудь туда вернется. А шар тем временем, поднимался, вселяя уверенность в Забубенного своими отличными летными качествами.

Грузоподъемность у него оказалась, однако, ограниченной. Шар поднялся в воздух метров на тридцать и завис на этой высоте. Григорий осмотрелся: в одну сторону под ним простирались бесчисленные монгольские юрты, в другую, открывалась бескрайняя степь. Вдоль лагеря выстроилось все монгольское войско, во главе с Тобчи и Джэбеком, на глазах которых свершилось чудо или предательство, — дух Кара-чулмус взлетел в небо и уносил их предводителя в неизвестные края. Растерянность читалась на лицах монголов. Они не знали, что им теперь делать, несмотря на последний приказ. Забубенный даже заметил, как Джэбек нервно сдернул лук с плеча и потянулся за стрелой, но Тобчи его остановил. Почувствовал, наверное, что, упав с неба Субурхан вряд ли останется жив, ведь он не умеет летать, как Кара-чулмус. И в эту минуту Григорий осознал, что система ПВО существует и в этом времени. Хотя бы в виде тех же лучников, которые могут не только летать на шарах, но и отлично их сбивать.

Григорий даже испугался, что заказчик поставит эту явную недоработку ему в вину, но тут неожиданно налетел порыв ветра, качнул шар и заставил его сдвинуться со своего места. Григорий вздрогнул. До этой минуты он думал только о том, как взлететь. Это ему чудом удалось. Теперь же надо было думать, как управлять полетом. А эта задача была уже сложнее. Управлять было абсолютно нечем.

К счастью ветер был не сильным, но мощности его хватило на то, чтобы шар с двумя первопроходцами небесных сфер медленно полетел над землей в неизвестном направлении, удаляясь от лагеря. Бросив взгляд назад, Забубенный заметил, что все монгольское войско, подчиняясь инстинкту верховного управления, двинулось вслед за улетающим шаром. Ведь Субурхан пока не пропал из вида, а это значит, что тумены должны идти за своим действующим командиром. Они и пошли.

Глава двадцать шестая «Монголы по понятиям»

Весь день ветер дул ровно, не усиливаясь, но и не стихая. Это позволило Григорию экономить дрова, поддерживая аппарат на нужной высоте, чтобы он не цеплялся за верхушки появившихся в степи деревьев. По счастью редких пока. А монгольской орде не терять из вида своего улетающего командира, за которым войско следовало неотступно, изредка пропадая за холмами, поскольку шар все же имел приличную скорость.

Сам великий монгол, немного подергавшись и с ужасом поглядывая вниз первое время, скоро успокоился и впал в какое-то сомнамбулическое состояние. Не задавал Забубенному вопросов, о том, когда они вернуться обратно, не интересовался, куда они летят. Похоже, он уже ощущал себя попавшим на монгольские небеса, а то, что за ним по земле следовало войско, его не удивляло. Видимо за каждым монгольским ханом после смерти следует войско. Или, как минимум, сотня верных нукеров.

Но сам воздухолетный гений все же пытался понять, куда их к черту несет. В тайне он надеялся, что несет его домой на Русь, как и планировалось. Если все пройдет гладко, то упасть они должны как раз у Заруба, дров должно хватить. А за то, что он привез с собой пленного монгольского хана, ему полагалось полное прощение и повышение по службе. Не вписывалось в этот оригинальный план побега только монгольское войско, которое, если шар летел на Русь, следовало тем же курсом помимо своей воли.

К обеду Забубенный, в отличие от заиндеветшего Субурхана, зорко всматривавшийся в бесконечный горизонт, заметил нечто странное. Точнее пугающее. На встречу воздушному шару двигалась еще одна орда, то есть войско. И было оно гораздо больше монгольского. Чье это войско у Забубенного не было никаких сомнений. Соединенные русско-половецкие дружины покинули свой лагерь у Заруба и вошли в степь в поисках неприятеля. Ничего не

подозревавший неприятель находился в нескольких километрах. Он двигался на встречу русским войскам, оставаясь в неведении за холмами, ибо Земля все же была круглой, хотя здесь никто в это не верил.

В это время ветер опять прекратился, и шар завис недвижимо над какой-то речушкой. Григорий посмотрел на текущую внизу воду, зелено-бурые камыши, и вдруг вспомнил это место. Он уже бывал здесь. Только речку эту, ясное дело, снизу видел. С другой стороны. И ехал он тогда по степи в телеге на поиски смолы, окруженный, монгольской конницей. А теперь эта монгольская конница рыскает за холмами где-то на том же берегу. А ее начальник сидит, словно восковое изваяние, вцепившись в борта корзины и медитирует о чем-то своем.

«Как же она называется, эта речка, — снова стал припоминать механик, и вспомнил, — Калка. Точно, Калка. Так называл ее тогда Плоския, вождь бродников, когда мы через нее на телеге переезжали».

И вдруг в голове у великого механика собрались вместе все части головоломки из предшествующей этому событию жизни. Вот она Калка. Та неприметная речушка, что сыграла поворотную роль в истории Руси. Так себе речка, ни большая, ни малая. Средняя весьма. И ничего вроде бы в ней нет особенного, кроме того, что суждено было именно на ее берегах сойтись двум народам, что жили до сих пор разделенные тысячами бесконечных километров и друг о друге не знали. Но сдвинулось что-то, пришли в движение потайные пружины истории и вот они уже здесь.

«Что же делать то? — задал сам себе Григорий вечный вопрос, — Еще немного и встретятся». Но от него уже ничего не зависело. Монголы все же повернули на Русь, хотя еще и не догадывались об этом.

Забубенный хотел даже спрыгнуть вниз, предупредить своих о приближении монгольского войска. Но побоялся, высоко было прыгать без парашюта. И он наоборот, подбросил дровишек в жаровню с высокими краями, чтобы шар не упал раньше положенного.

В это время на холме уже показались русские полки. Григорий пригляделся и увидел многочисленные стяги русских дружин, сверкавших позолотой на солнце. Кто это был, черниговцы или киевляне, он не разглядел. Но народу было гораздо больше, чем в одном черниговском войске, а это значит, что все киевское войско, выдвигавшееся последним, наверняка было уже здесь. Не говоря о галицко-волынском. Скоро, обладавший хорошим зрением Забубенный узрел, что на холме, невысоко над которым висел его шар, происходило что-то вроде военного совета. Там собрались князья зачинщики со своими воеводами и богатырями. Механик узнал их по ярким знаменам, одежде и жестам, особенно князя черниговцев. Все они дружно показывали вперед, на появившихся на дальних холмах монголов и вверх, на странное чудо природы, что висело над ними в небе. Григория, естественно, на совет никто не позвал, — вряд ли кто его опознал в корзине. Да он ведь не князь и не воевода был. Но механик со своего места все прекрасно видел. Субурхана, как ни странно, даже появление неприятеля не вывело из транса. Он по-прежнему не смотрел вниз.

Судя по властным жестам, главный князь, наверное, это был Мстислав Добрый Киевский, решил не ждать здесь, а немедленно двинуться дальше за реку и сходу атаковать все, что встретится. Другой князь кивал согласно. А третий, Григорию показалось, что это черниговский князь, был против. Он, вроде тоже кивал головой, но размахивал руками так, что было ясно, — хитрый Мстислав Чернявый не очень хочет идти в первых рядах против монгольского воинства. Предлагает разведать обстановку, обождать. Закончился разговор быстро, Киевский князь снова махнул рукой на черниговского, и они разъехались обозленные, каждый к своим войскам.

«Ладно, хоть не подрались, — подумал наблюдательный механик, — а то сейчас бы еще с киевлянами пришлось на глазах у монголов воевать. Вот бы Субурхан потешился. Да, маловато порядка в нашей армии. Похоже, биться будем с монголами, кто во что горазд».

Последующие события подтвердили наблюдения механика. Закончив разговоры, Самый решительный князь ускакал вниз и скоро вся его дружина, сев на коней, устремилась

к переправе. Степь заколыхалась от безумного количества людских голов в островерхих блестящих шлемах. Казалось, словно по морю близко к поверхности плывет косяк золотых рыб, играя на солнце чешуею.

Вся эта армия, разделенная на полки, — Григорий решил, что видит киевлян, — подошла к Калке на полверсты ниже по течению и начала переправляться. Видимо, там находился ближайший брод. Другой князь со своим войском последовал за киевлянами.

Третий князь с богатырями остался на холме, наблюдая оттуда за выдвижением союзных ратей. Смотревшему сверху вниз на вершину холма Григорию, показалось, что он увидел среди наблюдателей Путятю. От радости Забубенный начал махать руками и чуть не вывалился из корзины. Кричать механик боялся, мало ли какотреагирует на это Субурхан: у него все-таки меч при себе имелся. Мог и заколоть надоевшего чародея.

Приблизившись к переправе первый отряд, состоявший из половецких воинов, как показалось Забубенному, судившему по одежке этой массы народа, вошел в воду и, легко преодолев речку, стал подниматься на другой берег. Закончив переправу, половцы углубились в небольшие прибрежные заросли, за которыми виднелось открытое пространство степи, а чуть поодаль первые холмы, возвышавшиеся над переправой с другой стороны реки. Следом за ними речку преодолел второй половецкий отряд, затем третий.

Первый полк уже почти достиг ближних холмов на другом берегу. И тут неожиданно на них показались монголы. Но они не скакали лавой. Было их не много, и ехали они как-то странно, словно на прогуле. Было видно, что это не атака. Григорий присмотрелся и решил, что это могут быть только парламентары. Тем более, что возглавлял группу всадник, издав очень похожий на стрелка Джэбека. Спустившись с холмов навстречу половецким отрядам, он поднял руки и что-то сказал. Что именно, механик с такого расстояния не слышал, до них было метров пятьсот, но это было и так понятно. Требовал старшего для переговоров. Половцы, хоть и на войну пришли, этикет знали. Остановились. Послали за главным князем.

И Мстислав Добрый, а это был наверняка он, прибыл со своими богатырями, толмачем и половецкими ханами. Тут же на месте и состоялся первый раунд переговоров. Прошел он как-то странно. Забубенный не был мастером сурдопервода и по губам читать не умел, но жесты были международным языком. Судя по ним, произошло следующее. Монголы показывали пальцем в небо, и что-то требовали от Мстислава. Наверняка, пытались донести до него, что там, в небе их командир и русичи просто обязаны дать им пройти вслед за шаром, который висел уже за позициями русских войск. Воевать Джэбек до сих пор не собирался и других требований не предъявлял. До русских проблем с половцами ему дела не было. Мстислав Киевский отрицательно рубил воздух ладонью, разве что у виска не крутил, а на шар даже не взглянул. «Может быть у него близорукость? — огорчился Григорий, и он меня просто не видит?». Однако, дело было не в шаре. Мстислав доказывал Джэбеку, что монголы негодяи, которые обидели его половецких родственников и должны ответить за это. Находившиеся рядом половецкие ханы все подтверждали. Джэбек отвечал, что по понятиям монголов он абсолютно прав, а негодяи, — это половцы, нарушившие законы гостеприимства, за что и были наказаны. А к русичам у него претензий нет. Ему нужен только Субурхан, который висит сейчас в небе. Переговоры зашли в тупик и стали напоминать общение слепого с глухим. Ну, не возвращаться же домой без впечатлений и тогда мудрый киевский князь Мстислав Добрый нашел выход. Он плюнул в глаза монгольской лошади, а хозяину сказал, кто он такой на самом деле, по его мнению, и куда он должен идти вместе со всеми остальными монголами. А про шар и своего небесного командира пусть забудет. Этого Джэбек стерпеть не смог. Он рывкнул в ответ что-то оскорбительное и, развернув коня, ускакал к своим войскам. Переговоры закончились.

Едва Джэбек достиг вершины холмов, как оттуда выскочили, прятаясь за ними конные монголы в большом количестве, но опять не бросились в атаку на наступавших половцев. Нет. Остановившись на вершинах, полукольцом охвативших дорогу к переправе, монголы сдернули свои луки и начали пускать стрелы по ближайшему половецкому полку.

Тысячи стрел засвистели в воздухе, закрыв солнце. Послышались крики и стоны, такие громкие, что долетали даже до Забубенного. Половцы, пронзенные монгольскими стрелами, десятками сыпались с коней, а те били на удивление точно, хотя расстояние, отделявшее их от первых рядов конных воинов, было не малым. Завершив переговоры нужным образом Мстислав Добрый, под прикрытием богатырей, едва успел ускакать обратно к реке.

«Монгольские лучники! — едва не воскликнул Григорий, который наблюдал это избиение во всей красе с высоты». Он так удивился от неожиданности, словно появление лучников у монгольского воинства было совершенно невероятным делом. Лук, — древнее оружие, распространившееся к этому времени повсеместно. Им владели воины во всех армиях, но, владели по-разному. В Европе выше всех ценились английские лучники, хорошо вышколенные и вооруженные качественно сделанным оружием. Их луки били дальше всего. Но, просвещенная Европа по серости своей ничего не знала о монгольских лучниках. А те стреляли гораздо дальше английских. И луки их были изготовлены еще лучше.

Вот потому то половцам приходилось туго. Монголы не жалели стрел. И первый отряд был уничтожен в мгновение ока. Вслед за ним, пал и второй, так и не сумев развернуться для атаки на господствующие высоты. А вот третий половецкий отряд успел и, перехватив копы на перевес, поскакал на холмы. Но, монголы и не думали отступать. Они стояли до последнего, расстреливая в упор приближавшихся конников и уничтожив почти половину отряда, к тому моменту, когда первые половцы доскакали до холмов. И только после этого, все вместе, словно по команде, монголы развернулись и скрылись за высотами, уходя от преследования половецких копейщиков.

Вслед за первым прорвавшимся полком поднялись и скрылись за холмами еще четыре отряда. Почти половина рати Мстислава Доброго уже вошла в бой. Это были серьезные силы, да и бой был не шуточный. Но сам князь с воеводами и основными силами находился уже хоть и на вражеском берегу реки, но дальше за холмы не шел, чтобы сохранить возможность быстрого отхода. Мало ли что. Монгольский обстрел, неожиданно уничтоживший едва ли не четверть его объединенных сил, похоже, произвел впечатление на киевского князя. Видно, Джэбек не на шутку обиделся. Потому Мстислав Добрый дожидался известий от своих людей у реки. А засадные полки так и не перешли Калку, оставаясь в резерве и готовые в любой момент прийти на помощь или прикрыть переправу отступающих сил.

Бой перешел за холмы и скрылся от глаз черниговских наблюдателей, но не от Забубенного. Долгое время русичам ничего не было видно и понятно. Как идет бой, кто побеждает. Григорий бы им рассказал, но не мог. Радиосвязи со штабом русичей у него не было. Одно было ясно, — монголы обратно не вернулись, значит, киевские дружины развивали успех.

Так прошло часа три-четыре, по прикидкам Забубенного, солнце начало клониться к горизонту. А ничего не прояснялось. И только, когда начало смеркаться, подул свежий ветер, и напозли вечерние облака, со стороны холмов вдруг послышались крики, страшный треск и звон оружия, сопровождавший битву. А потом показались отступающие по всему фронту дружины.

Между тем, разгулявшийся к ночи ветер сдвинул с места воздушный пункт наблюдения Забубенного и понес его дальше за Калку. Григорий пролетел над соединенными армиями русичей, их засадными полками и обозами, на которых виднелись какие-то колья, и стал стремительно приближаться к великой реке. Весь запас дров, предназначенный для небольшого полета, почти иссяк. Горючего оставалось по прикидкам авиатора не больше чем на пару-тройку часов полета. И Забубенный боялся, что вот-вот рухнет на чьи-нибудь копы, свои или монгольские было уже не важно. К счастью воздушный шар, изготовленный по монгольскому проекту, показал себя вполне экономичной конструкцией. Хорошо еще, что Субурхан не шумел, не махал саблей и не требовал срочно изменить маршрут движения. Забубенный все равно был не властен это сделать. Все, на что надеялся Григорий, это дотянуть до русских территорий и совершить мягкую посадку где-нибудь среди своих.

Насчет Субурхана он не переживал. Того, если не убьют сразу, могли обменять на что-нибудь ценное в орде. Так что и у него шанс был. Хотя, чем теперь закончится битва на Калке, и что случится дальше, никто не знал. Ни Субурхан, ни князя русичей, ни Забубенный. Процесс стал необратим. Стихия.

Скоро совсем стемнело, но когда последний луч уже был готов исчезнуть во тьме, он осветил излучину огромной реки и Забубенный сразу ее узнал, хоть и был здесь всего пару раз. «Мы у Заруба! — ликовав Григорий, и тут же узрел внизу костры оставленных для охраны судов на переправе русских воинских людей, — надо снижаться». Дрова кончались, воздух в шаре остывал, но ветер только усиливался. Шар, набрав скорость, перемахнул через Днепр, и в полной темноте на излете рухнул в лес, что густо покрывал соседний берег. Растяжка из кожаных ремней зацепилась за ветки деревьев, не дав пассажирам корзины разбиться об землю. Но выпасть дала. Из перевернутой корзины на землю сначала рухнула жаровня, и угли рассыпались вокруг, осветив место посадки, словно аэродром белорусских партизан в тылу врага. А следом Субурхан и Забубенный сверзнулись вниз прямо на угли, огласив берег дикими воплями. К счастью до земли было не высоко, метра три, оба остались живы. Только Субурхан случайно схватился за горящее полено рукой и обжегся, издав еще один дикий вопль. И только это привело его в чувства.

— Где я? — спросил, глядя на горящие во тьме уголья, монгольский военачальник у Забубенного, который обжегся меньше, поскольку только присел на угли, — куда ты занес меня Кара-чулмус?

— Не бойсь, ваше благородие, — успокоил его Забубенный, осмелевший оттого, что был уже почти дома, — не в аду. Хотя, нам сильно повезло, что не сели прямо на жаровню. А то прыгали бы, как на сковородке среди чертей.

— Так значит, я жив? — произнес Субурхан и не поверил звукам своего голоса.

— Да жив, жив, — успокоил его Григорий, усмехнувшись злорадно, — Пока. Если русичи с соседнего берега не пришлют карателей, то может и выживешь.

Всю ночь Субурхан не сомкнул глаз, привыкая к мысли, что он еще не в раю для монгольских ханов, а на территории русского племени, с которым никогда в жизни еще не встречался. Меч он выронил и не смог найти в темноте. Думал Субурхан теперь, как ему пробраться обратно к своему войску, и о том, что поведал ему Кара-чулмус. Что в двух днях пути шла сейчас битва между монголами и Русью. Никому не нужная, лишняя битва. Отвлекавшая его от основной задачи, — рассеять половцев и двигаться дальше на запад.

А Григорий тоже размышлял над дальнейшими действиями. Можно было просто убежать и вернуться к своим, ведь Субурхан, выйдя из транса, в любой момент мог его легко придушить голыми руками. И меча не надо. А убежать просто, — стоило только реку переплыть. Ведь его фантастический побег увенчался успехом. Более того, он совершил прорыв в шаросторении. А это открывало огромные перспективы для древнерусских ВВС и ПВО. Хотя русское ПВО — в виде лучников — проявило почему-то полное равнодушие к тому, что пролетело у них прямо над головами. Да, граница на замке. Но, это временные трудности.

И все же Григорий не убежал. Хоть Субурхан и вражеский военачальник, но лично Григорию он пока зла не причинил. Хотел причинить, но не причинил. И Забубенный чувствовал разницу. А в чем-то даже был благодарен, — Субурхан ему, можно сказать, мир показал, в орду свозил. А кто ему ту таинственную незнакомку в юрту прислал, тоже вопрос. Может, конечно, сам пришла.

Всю ночь Забубенный решал вопрос совести, а на рассвете решил.

— Ладно, — сказал он Субурхану, — давай договоримся так. Я уже дома и могу тебя просто бросить здесь. Но, если шар в порядке я тебя подвезу поближе к твоим нукерам и верну назад. Но вы на Русь не пойдете, договорились? Тамам? — как говорят турки.

Субурхан понял голову.

— Ели война началась, трудно будет ее остановить, если я приду по земле. Но если явлюсь с неба, как улетаю, то воины поверят мне. И тебе, Кара-чулмус.

— Меня вообще-то Григорий зовут, — обиделся вдруг Забубенный, — Хотя, если тебе так привычней зови по-своему чулмусом. Русский язык трудный, говорят.

Он встал с пня, на кортом сидел. Поворошил угли костра, что поддерживал все это время. Светало. С того берега Днепра за ночь никто не приехал. Может, и не заметили падающую звезду.

— Короче, — подытожил Григорий, — сейчас осмотрю шар и найду пару поленьев. Попробуем взлететь.

Шар оказался в порядке. Бродники сработали на совесть. При падении шар нигде не пробило, все несущие конструкции уцелели, нитки не треснули. Григорий потянул за свисавшую лямку, шар опустился ниже, а потом вообще рухнул как свернувшийся парашют на поляну, где провели всю ночь первые авиаторы. Немного поколдовав механик пристроил на место жаровню, развел на ней огонь от спасенных углей и наполнил теплым воздухом шары. Через час вся конструкция наполнилась смыслом, снова превратившись в летательный аппарат, пусть и не совершенный. Как надувная лодка, что возникает из бесформенной резиновой кучи, а потом радуется глаз покатыми бортами.

— Полетели, — коротко сказал Забубенный, и приврал для дела, — меня уже дома заждались.

Когда шар, потерявший часть подъемной силы, медленно поднялся над поляной и снова показался Днепр, Григорий молился только об одном, чтобы ветер поменял направление. Ибо теперь им нужно было лететь обратно к реке Калке. Узнать результат.

Как ни странно, ветер действительно дул в сторону далекой степной реки. Но, прежде чем улететь с Днепра, механик увидел странную картину. На его глазах из прибрежного леса к ладьям высыпало немногочисленное русское воинство, человек сто. Быстро сев на суда, ратники отчалили и стали переправляться на другой берег. А оставшиеся на берегу воины, вдруг набросились на пустые ладьи, в исступлении разрубая их мечами и топорами.

— Что вы делаете, безумные! — крикнул им Григорий, — а остальные как переправятся?

Но ветер унес его слова. Лишь кто-то из уже плывших по реке русичей, поднял голову и посмотрел на диво невиданное, быстро скрывшееся за деревьями. Решил, что почудилось. А Григорий озадачился. Судя по этим первым признакам, результат никому ненужной битвы был уже ясен. Увиденное дальше, только утвердило его в этом мнении.

Лес под ними быстро переходил в степь и повсюду Забубенный видел картину разгрома. Разбитые и отступавшие разрозненные остатки русско-половецких войск. Здесь их еще никто не преследовал. А вот подлетев обратно к реке Калке, где ветер неожиданно стих, Григорий узрел сечу в разгаре. Видно, отступали не все.

Неожиданно, Забубенный обнаружил перед собой готовую крепость. Она выросла на самом высоком холме как по мановению волшебной палочки, построенная по всем правилам военного искусства этого времени. Несмотря на нехватку материалов, походная крепость получилась на славу: четыре башни и два ряда частокола опоясывали холм, чтобы защитники, потеряв первую линию обороны, смогли укрыться за второй. Проходы, которых было всего по одному на каждый уровень, были прикрыты массивными воротами, сбитыми также из бревен. В крепости находились русичи, спокойно взиравшие оттуда на далекую битву.

Дальше на холмах все еще шла мясорубка. Господствующие высоты находились в руках русской рати, державшей натиск противника. Приблизившись еще, механик смог, наконец, окинуть взором поле битвы и ужаснуться. За холмами до самого горизонта простиралась голая степь, и вся она была завалена трупами, на которых, словно на помосте бились еще живые воины. На этой огромной территории битва шла уже второй день. Забубенный разглядел прямо перед собой в центре смешавшиеся ряды конных полков, казалось, слившиеся воедино с огромным монгольским отрядом. По флангам этого растянутого фронта сражения держались пешие воины копейщики и меченосцы, отражавших набеги монгольской конницы, что терзала их ряды, пытаясь прорвать оборону на флангах.

То, яростно налетая, то, откатываясь обратно, как морская волна. Но наступавшее на берег море побеждало. Это стало понятно сразу.

Очень далеко в степи что-то блеснуло вдруг. Григорий пригляделся. В глубоком тылу за спинами воинов, стоял шатер монгольского хана, разукрашенный золотым шитьем. Григорий бросил косой взгляд на Субурхана, а тот довольно усмехнулся, — «молодец, Тобчи». Забубенный разглядел шатер, благодаря скользящему по ставке хана лучу солнца. Но вместе с шатром механик увидел и еще кое-что более важное, — к шатру, как свободные атомы, стекались со всех сторон разрозненные конные отряды, образуя один мощный полк. Монголы готовились к последнему бою. Судя по всему, резервов у них больше не осталось. Если бы монголы думали о будущем и сохранении своих жизней, то, скорее всего, прекратили бы битву и ушли. Но, монголы не думали о последствиях. Они думали только о разгроме врага.

Но и русичи пока не собирались сдаваться. В дело вступили засадные полки, выжидавшие до последнего. Первый засадный отряд, вступил в битву на глазах дрейфовавшего в небе механика, придя на помощь центру. От этого удара монголы чуть ослабили нажим. От удара второго засадного полка монголы остановили натиск, и стали пятиться. Нужен был третий удар, и он пришел. С победными криками третий засадный отряд ратников врубился в ряды монгольского воинства и почти опрокинул его. Монголы начали с боем отступать. Инициатива перешла к русичам. Субурхан нахмурился.

Но, вдруг что-то произошло. Что-то ужасное. Натиск русичей натолкнулся на непреодолимую стену, разбился от нее и повернул назад. «Как же так, — не понимал Забубенный, глядя с высоты на бегущих, словно от дьявола, русичей, — ведь мы уже почти победили».

Но все случилось не так. Ответный удар последнего монгольского корпуса решил дело. Собрав все силы в кулак, Тобчи бросил этот корпус на правый фланг русских дружин, где с самого утра стояла пехота, потерявшая почти половину своих воинов. Опрокинул ее и прорвался к переправе, где его встретили остатки засадных полков. Удар был исполнен такой силы и ярости, что полки русских дружинников дрогнули и отступили, продержавшись совсем недолго. Их усилий хватило только на то, чтобы прикрыть переправу нескольких истерзанных отрядов отступавших по степи.

Контрудар монголов был так силен, что остатки русских дружин были загнаны далеко в степь на другом берегу Калки, и отступили к Зарубу. Часть ратников едва успела укрыться в крепости на холме, как ее окружили монголы. Огромное войско русичей полегло почти полностью. Это был разгром.

Не останавливаясь, монголы тут же пошли на штурм крепости, притаив откуда-то из глубин степи лестницы. Невдалеке от стен выстроились лучники и стали волнами, одну за другой, пускать в крепость обмотанные паклей стрелы. Крепость была окружена со всех сторон. Ее защитники были обречены и приготовились умереть.

И тут вдруг что-то со свистом резануло воздух и ударило в воздушный шар. Раздался хлопок, затем треск и все, что было над головой у Забубенного и Субурхана, запылало адским огнем. «ПВО сработало», — пронеслось в мозгу механика. Пламя было везде и сверху и снизу. Воздушный шар мгновенно съехался, конструкция потеряла устойчивость и обрушилась огненным дождем вниз. К счастью, в этот момент шар летел вдоль реки, и первые авиаторы поневоле упали в воду. Когда Григорий вынырнул посреди камышей и кувшинок, то увидел, как в двадцати метрах догорает его подбитое детище, а сверху сыплется дымящийся хлам. Субурхана нигде не было. Забубенный осмотрелся и успел заметить, как чье-то тело в доспехах тяжело погрузилось в пучину. Нырнув, механик схватил воина за какую-то кожаную ляжку в районе шеи и, еле выволок на топкий берег, весь измазавшись в глине. Это был Субурхан и он не умел плавать.

Глава двадцать седьмая

«Подшипники истории»

Через месяц под вечер, когда Забубенный пил медовуху с Путятой и Курей, чудом уцелевшими в мясорубке и служившем теперь при дворе нового киевского князя, ибо старый погиб, также как и черниговский, механик увидел, как через главные ворота в город въезжали послы Субурхана. Скоро явился гонец от князя, — его и Путятю, вызвали на совет в княжеский терем.

На сей раз, вняв словам нового чародея, киевский князь решил сначала выслушать послов, а лишь потом решить, что с ними делать. Монголы привезли письмо, в котором Субурхан писал: «За время битвы я лучше узнал ваш народ. Вы, — храбрые воины. Мы тоже. Ни один другой народ на моем длинном пути не оказывал такого сопротивления. И хотя вы первыми напали на меня, я предлагаю вам мир. В этой битве я увидел трупы врагов, ради которых пришел сюда. Половцы повержены и рассеяны. Те, что остались на Руси, — не опасны. Моя цель достигнута. А с Русью мне незачем воевать. Спасший меня от смерти Кара-чулмус, которого вы зовете меж собой Григорием, убедил меня в этом. Тумены должны идти дальше, в земли венгров, которых я должен наказать, и еще дальше, за Дунай, в земли германцев. Там богатые города и много добычи».

Субурхан предлагал союз и назначал встречу киевлянам через два месяца на Дунае. Закончив читать послание, князь не стал убивать послов. Он стоял оглушенный предложением и размышлял, глядя вслед монгольским послам, которым обещал дать ответ завтра. Точно также, лишившись дара речи, стояли вокруг него уцелевшие участники битвы на Калке. Долго молчал князь, глядя на медленно спускавшееся по небосводу солнце сквозь резное окно, а потом вдруг хлопнул по плечу воеводу и сказал:

— Как думаешь, Путята. Не сходить ли нам к венграм? А ли к германцам. За гостинцами.

— Отчего ж не сходить, — поддержал Путята, ухмыльнувшись в бороду, — можно и сходить. Чего дома то сидеть. Только идти далеко. Надо остальных позвать: черниговцев муромцев, рязанцев, суздальцев да владимирцев с новгородцами. Всем миром, больше славы и гостинцев добудем.

— Да их пока всех соберешь, — вставил слово миротворец Забубенный, махнув рукой, — Субурхан уж один всех повоюет. Нам ничего не останется. Он парень быстрый.

— Ничего, — подытожил совет князь, — мы их поторопим.